

Михаил Шелков

12+



КНИГА 1

• ЭЛИНОН •

ОПУСТЕВШАЯ ДОЛИНА

Михаил Шелков

**Элино́р. Опустевшая
Долина. Книга 1**

«Издательские решения»

Шелков М. С.

Элино́р. Опустевшая Долина. Книга 1 / М. С. Шелков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961361-5

Элино́р — огромный материк посреди бескрайнего океана. Природа этого мира богата и многолика, а населяют его диковинные звери, птицы и люди, столь разные и непохожие друг на друга. Восемь народов основали могучие государства в разных частях материка. Мудрые джуниты, отчаянные гуавары, бесстрашные итошины, просветлённые улутау, скрытные ведичи, могучие тавры, изобретательные туасматус и беспечные чекатта — жители Элино́ра познали печали и радости, рассветы и увядания, войны и мирную жизнь.

ISBN 978-5-44-961361-5

© Шелков М. С.
© Издательские решения

Содержание

Оглавление	7
Вступление	8
Часть 1. Пути и дороги	11
Глава 1. СОЗВЕЗДИЕ ЛЬВА	11
1	11
2	13
3	20
4	24
5	27
6	28
7	29
8	30
9	30
10	32
11	33
12	37
Глава 2. СУТЬ ВОИНА	39
1	39
2	44
3	46
4	47
5	49
6	50
7	51
8	52
Глава 3. ИЗ ДЕБРЕЙ К СВЕТУ	54
1	54
2	55
3	58
4	59
5	60
6	62
7	63
8	64
9	65
10	66
11	67
12	68
13	69
14	69
15	70
Глава 4. СПУСТИВШИЕСЯ С НЕБЕС	71
1	71
2	73
3	75
4	77

5	79
6	80
7	81
8	83
9	84
10	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Оглавление

Вступление

Часть 1. Пути и дороги

- Глава 1. Созвездие Льва
- Глава 2. Суть война
- Глава 3. Из дебрей к свету
- Глава 4. Спустившиеся с небес
- Глава 5. Лиловый жемчуг
- Глава 6. Секреты големов
- Глава 7. Летящий Олень
- Глава 8. Клан Справедливость

Часть 2. Тайна опустевшей долины

- Глава 1. Старый Филин
- Глава 2. Железные души
- Глава 3. Наручи невиновности
- Глава 4. Мин-Мириф
- Глава 5. На грани войны
- Глава 6. Контрабанда
- Глава 7. Временно мёртвые
- Глава 8. Тьма над Долиной
- Глава 9. Пятнадцать отважных
- Глава 10. Адэйэ-Виномес
- Глава 11. Огонь и пепел
- Глава 12. Грянул гром
- Глава 13. Караваны остановились
- Глава 14. Тайное и явное
- Глава 15. Сокровища Альдего
- Глава 16. Умар Амагт
- Глава 17. Каждому своё
- Глава 18. Плоть Демона
- Глава 19. Чёрный Шаман
- Глава 20. Плечом к плечу
- Глава 21. Врачеватели
- Глава 22. Покой и свобода

Эпилог

Вступление

«...Один мудрец, имя которого, к сожалению, ныне забыто, сказал, что путь в тысячу лиг начинается с одного шага.

Моё же путешествие началось больше месяца назад. И когда оно закончится, никому не известно. Ни одному человеку. Разве что высокие звезды на полотне ночного неба могут знать – те звёзды, в которые я беззаветно влюблена. Но если они и знают, то вряд ли расскажут об этом.

Я покинула свою семью, свой дом. И сердце мне подсказывает, что покинула надолго, быть может, навсегда.

Великие Светила! Право, это глупость... Я самой себе твержу, что глупость. Ведь я давно не та впечатлительная девочка, восторгающаяся большим и разноликим миром. Миром, имя которому Элино́р. Теперь я сама прихожусь учителем и наставником подобным девочкам... Но отчего-то я верю (просыпается ли моё предчувствие, что никогда не обманывало меня, или давние детские мечты, что не умерли, а лишь на время затихли, дают о себе знать), верю в то, что путь мой будет не просто долог, а Велик. Не смешно ли? И... (да, я напишу это) окончится на самом Краю Света.

О песчаные недра! Я всё-таки призналась самой себе...

Хотя, скорее всего, через полвека мой дневник прочтут мои внуки и про себя, не в открытую (ибо это неприлично), тихо улыбнутся давним мечтам своей бабки, которая в это время будет тихо покачиваться в кресле и большой иглой в трясующихся руках вышивать узоры на их мантиях...

О чём я? Будто и не жалко ни чернил, ни бумаги, ни своего времени! Лучшие сразу к делу!

Сегодня выдался свободный день. Владельцу каравана нездоровится, наверняка опять переел на жаре. Потому все: и купцы, и воины, и мои ученики – проводят этот день под сенью шатров, разбитых в небольшом оазисе.

Здесь есть несколько деревьев, ручей и скальная гряда, оттого жара принимается гораздо легче, и отдых действительно приятен. Странно, что никто ещё не построил у этого оазиса форпост с верблюжатнями и чайханой.

Будто и не по главному тракту движемся!

Но, по расчётам астронома (настоящего астронома!), через пару недель мы должны достигнуть цели.

Я наконец-то узрею Долину Предков! Сердце всего Элино́ра!

В Долине Предков, ну или, как говорят многие, просто в Долине, зародилась жизнь. Из неё наши далёкие праотцы, новые люди Третьей Расы, разошлись по землям Элино́ра и заселили их. Именно тогда человек по имени Тошо, впоследствии обрётший бессмертие и ставший императором, увёл своих единомышленников на север; тогда переселенцы Долины отправились в дремучие леса, где повстречали племя вед и положили начало народу ведичей; тогда отец-основатель нашего народа славных джунитов, великий Марави, позвал за собой в бескрайние пустыни.

А теперь люди пустынь возвращаются в Долину... Какой-то временной круговорот.

Император Тошо дал начало народу итошинов, из которого после вышли ещё два народа – улутау и туасматус. Из ведичей вышли тавры, из джунитов – гуавары. И только беспечные чекатта остались жить в прериях близ Долины Предков.

Но сама Долина, как и её Великие Города: Далаал, Конолвар, Ивет и Мата-Мата, продолжала дышать жизнью в самом центре Элино́ра, на пересечении торговых путей, на стыке нравов и культур народов, ставших столь непохожими друг на друга. Долина была отдельным государством, но оставалась рада добрым гостям.

Каждый житель Долины теперь относил себя к какому-то народу, но в первую очередь оставался именно Жителем Долины, таким представителем девятого народа, собирательного образа всех людей Элинора.

Может, такова суть бытия? Родители воспитывают своих детей, заботятся о них, защищают... но вскоре сами лишаются сил, дряхлеют, и уже выросшие, окрепшие дети начинают сами заботиться о родителях.

Так же и Долина родила и взрастила восемь народов. Но в какой-то момент умерла. И теперь дети Долины, представители этих восьми народов, отправились в путь, чтобы вновь наполнить её жизнью.

Долина опустела. И наш караван движется на север, чтобы дать Великим Городам самое нужное в данный момент – людей. Множество караванов ушло за несколько месяцев перед нами, и множество двинется следом.

А из дальних земель с ещё семи сторон спешат в Долину прочие посланники. Вскоре я вновь встречу с таврами и гуаварами, хотя их хватает и в Кей-Самилуфе. А вот итотинов и механиков я не видела очень давно! Но более жду знакомства с улутау и чекатта, которых вообще за свою жизнь не встречала ещё ни разу! И ведичами. Самими ведичами! Народом, что умеет обращаться в лесных зверей! Правда, никто из достопочтенных учёных этого до сих пор не подтвердил, а источники, на которые опирались даже самые уважаемые историки, кажутся достаточно сомнительными. Но так гласят предания, и я склонна им верить.

Вот я пишу о том, чего жду, что случится в будущем.

Пишу о будущем, ибо писать о настоящем смысла пока нет.

Завтра, если Хатун Тангут поборет своё желудочное расстройство, вереница верблюдов, принадлежащих ему, вновь потянется к линии горизонта через жёлтые пески. Вместе с ними воины, купцы и я со своими учениками.

В пустыне редко происходит что-то интересное: один день похож на другой. Встретить оазис – удача, но вряд ли сию встречу стоит приравнивать к неординарному событию. Вот встреча с удильщиком или стаей песчаных драконов – другое дело! Но каждую ночь я молю звёзды о том, чтобы подобных встреч на нашем пути избежать. Воины, охраняющие караван, высокомерны и напыщенны. Пустыня не прощает подобного. Вряд ли в их крепких телах заточён столь же крепкий дух...

Благо и удильщики, и драконы давно перестали обитать близ торговых трактов. Люди медленно, но всё же начинают одерживать верх в этой войне, длящейся уже много веков подряд.

Не знаю, о чём ещё написать.

О воинах, купцах, погонщиках верблюдов, как уже сказала, – глупо.

О своих учениках?

Это – обычные дети. Иногда радуют, иногда огорчают. Иногда сами радуются и сами огорчаются. Стараются переносить тяготы походной жизни в Великой Пустыне. Кому-то они даются легко, кому-то сложнее. Взрослый Калиф постоянно помогает мне и Ламис. Как хорошо, что он есть рядом. Уже не мальчик, почти мужчина. На него можно положиться, доверить на время других учеников. Девочек приходится каждый день успокаивать, рассказывать о прекрасной жизни в Долине. Тогда они начинают меньше канючить и требовать внимания... Я понимаю их, хотя сама такой никогда не была. Но я другая. А они – милые девочки из благородных семей, что привыкли к домам со светлыми стенами и зелёному саду рядом, а не к вечной жаре и раскалённому воздуху днём и терпкой прохладе по ночам. Мальчики в этом плане более просты, зато с ними другие проблемы. Один с крохотным мечом весь день бегает и убивает скорпионов, другой срывает по дороге все колючки подряд, чтобы исследовать, а кто-то так и норовит затеять очередную драку со сверстником... Но я к ним привыкла. И я их люблю. Люблю как наставник.

Наверное, из меня может получиться хороший учитель. А мамушке уж точно понравится, если школьное обучение станет главным ремеслом моей жизни... Но тогда я сойду с ума от скуки. Мой путь иной.

О себе я рассказала достаточно на предыдущих страницах.

*Историю Элинора, изложенную от своего имени, я также прилагаю к своему дневнику.**

Я пытаюсь вести его, как должен вести любой уважающий себя джунитский исследователь. Так меня учил отец.

Отец, отец...

Ты бы гордился мной...

Я знаю, ты гордишься мной!

Я верую в нашу скорую встречу!

Определённо нет настроения писать. На сегодня всё!

Д.И.Х.А. 4 число месяца Слона, 531 года, IV эпохи...»

** – данная История Элинора является приложением к книге. Автор книги, равно как и составительница сего дневника, настоятельно рекомендует ознакомиться с ней перед прочтением основного художественного текста. Это поможет получить представление об истории, географии, быте и культуре государств Элинора и народов, заселяющих материк.*

Часть 1. Пути и дороги

Глава 1. СОЗВЕЗДИЕ ЛЬВА

*Наш путь лежит среди высоких джун
Под пеклом Вечного Светила,
Но нас вперёд ведёт, кто вечно юн,
Песчаный Лев своей неустовою силой!*
Из оды Самира Корзуна «Песок и ветер»

1

Она закончила писать. Резкий порыв сухого ветра ворвался внутрь, бросив на страницы дневника горсть мелкого песка. Девушка стряхнула песок, подула на рукопись и захлопнула дневник. Закрыла баночку с тушью, убрала перо. После этого размяла свои длинные красивые пальцы – рука устала писать...

В шатре появился Муалдар, угрюмый мальчик двенадцати лет отроду. Подошёл вплотную, понурился головой.

– Мне скучно, – пробурчал он.

– Ты можешь сходить покормить верблюдов. Караванщики всегда рады, когда им помогают.

– Не хочу... Я боюсь верблюдов... – таким же голосом продолжал ученик, мальчик с тёмно-коричневыми волосами и взрослыми чертами лица.

Черты лица взрослые, а внимания подавай, как трём детям сразу.

Под пологом шатра уже показалась Ламис, за ней Калиф.

Калиф – высокий, складный. Сразу видно – будущий воин. Чем-то напоминал молодой смотрительнице брата, только у брата волосы короткие и прямые, а у Калифа – длинные и вьющиеся. Ещё глаза не такие строгие. Ну, и фигура – фигура крепкого юноши, но никак не закалённого воина.

Было бы здорово, если бы однажды Калиф пришёл обучаться к брату военному ремеслу!

Однако сейчас Калиф направлялся с ней в Долину. И ему смотрительница была рада больше всего: самый старший, всегда готов помочь, уважает её и сам помогает следить за дисциплиной.

– Господин Хатун Тангут говорит, что ему лучше, и завтра на рассвете мы выдвигаемся! – сообщила Ламис.

– Тебе чем-нибудь помочь? – сразу же выпалил Калиф.

– Да! – все мелкие проблемы решались разом, – Собирайте баулы! – обратилась она к Калифу, потом перевела взгляд на Муалдара, – А ты помогай!

Мальчик недовольно фыркнул. Явно не таким образом он хотел развеять свою скуку.

Так как стоянка была долгой, ученикам было позволено посвятить день занятиям по желанию и полностью расчехлить походные мешки. Однако солнце стремительно катилось вниз к линии горизонта, и лучи его уже не несли столь испепеляющей жары. Близился вечер. И нужно было собираться, чтобы на утренних сборах не суетиться, а неторопливо позавтракав, свернуть шатёр и без промедления отправиться в путь.

Верная помощница Ламис удалилась, увлекая за собой недовольного Муалдара. А воспитанный Калиф перед выходом обернулся на своего зрителя и робко отвесил традиционный поклон вежливости. Полог шатра захлопнулся.

Улыбка озарила лицо девушки.

Он просто чудо!

Теперь нужно было собрать всех учеников, объявить, что стоянка не затянется, и напомнить о том, чтобы каждый наполнил свой бурдюк водой до краёв.

Хотя всё равно перед отправкой придётся проверять... Это дети. Они видят мир по-разному. Кто-то до сих пор не понимает, в каком опасном месте находится. Не понимает, что здесь нет родителей, которые будут сдувать с него песчинки. Не понимает, что их зритель – сильная и смелая, но всё же не двузильная – не сможет тащить для каждого отдельный бурдюк с водой. Благо, если из этого перехода по Великой Пустыне каждый извлечёт для себя определённый урок. Урок, который не даёт школа, но который даёт жизнь.

Ещё нужно было заставить всех лечь спать пораньше, не допустив выбивания из рабочего ритма. Завтрашний подъём обещал быть куда тяжелее.

А потому на сегодня главное – сон!.. Сон... Сон!

Девушка вспомнила свой сон, пригрезившийся прошлой ночью. Она видела Долину Предков. Долину во всей красе! Именно такую, какой она представляла её себе по рассказам отца.

Четыре Великих Города – Далаал, Конолвар, Ивет и Мата-Мата – располагались на берегах Озера Предков и реки Гумы. Каждым из них управлял посадник. Долина всегда считалась единым государством, но правильной её было бы называть объединением четырёх Великих Городов.

Великая Пустыня джунитов тоже, к слову, не находилась под властью конкретного правителя. Точнее, находилась раньше, ещё в начале Четвёртой Эпохи. Но со временем правители осознали, что каждый город-оазис среди бескрайних песков живёт собственной жизнью, и, если предоставить поселениям самоуправление, от этого выиграет вся торговая система. С тех пор городами джунитов стали управлять изири, род же джунитских царей, берущий начало от династии Фашукхов, стал родом изирей Кей-Самилуфа, самого большого и могучего города Великой Пустыни. Однако при этом, все города джунитов подчинялись воле Совета Академии Кей-Самилуфа, сохраняющей право вмешиваться в дела изирей. Потому Великая Пустыня отчасти всё же может именовать себя государством.

В Долине же всё было иначе. В крайних случаях созывался Совет Четырёх, где посадники сообща решали государственные вопросы, а если и его участники не приходили к согласию, то к решению вопроса приступало народное вече, где уже абсолютно каждый житель Долины мог отстаивать свою точку зрения.

Важной общественной силой в Долине, на которую опирались посадники и прочие чиновники, были кланы – фракции, объединённые общей идеей. Чаще всего они были экономическими или политическими объединениями. А вот знаменитый клан Справедливость издавна стоял на стороне закона и порядка. Клан учёных и исследователей в интригах чиновников почти не участвовали, но всегда почитались и даже получали взносы из казны каждого города.

В Долине Предков был единый закон, распространяющийся как на самих жителей, так и на представителей всех восьми народов, независимо от законов, провозглашённых в их землях. Расположение Долины было таковым, что в ней сходились все торговые пути. Сообщение шло даже с суровой империей Ито на севере. Долина поставляла императору Тошо провизию, руду и даже ткани, а тот, имея в своих землях только голые камни и промозглые туманы, лучшее, что мог предложить – военную силу для обеспечения порядка.

Но не торговлей единой жила Долина Предков. Не смолкала слава о её ярмарках, театрах, цирках, ристалищах. Труды писателей и поэтов Долины расходились по всему Элино́ру. Долина подарила народам Общий Язык, на котором иноземцы могли общаться между собой. В итоге на Общий Язык полностью перешли гуавары, первые морские торговцы, а после и джуниты, сохранив свой язык лишь как часть культуры для историков и литераторов.

Была Долина пристанищем и для шарлатанов, воров и прочих проходимцев. История помнит великих авантюристов, что из бродяг становились посадниками.

Долина была сердцем Элино́ра, а сердцем Долины был Камень Предков. Могучая реликвия, вероятно, сохранившаяся от Первой Расы. Камень Предков источал силу. Джуниты называли её особой энергией, прочие народы магией, но природа её была недоступна для понимания. Камень Предков мог предсказывать будущее, мог исцелять от болезней, мог наделять паломника частичкой своей силы. Но не всегда. И не всех... Камень Предков жил собственной жизнью. Мог он и постоять за себя. Банду пиратов-вандалов, желавших расколоть Его, тем самым устранив Долину, Камень просто заживо испепелил.

Долина! Восемь народов!

Вся эта пёстрая толпа, красочные города, рынки, представления, звуки музыки и базарной ругани, прекрасные палаты и смрад грязных кабаков, военные стычки и мирная людская жизнь, зелёные леса и прерии, окружающие Великие Города, небесно-голубая вода Озера Предков и сам Камень – всё это происходило прошлой ночью во сне, будто наяву!

А после... после всю разноцветную кутерьму разом накрыла чёрная туча.

На этом сон оборвался.

Молодая зрительница вздрогнула. Поняла, что забылась, вспоминая сон. Встряхнула головой, огляделась по сторонам. В шатре по-прежнему никого не было. Ничего не изменилось. Лишь воздух стал не таким душным – значит, дело шло к закату.

Но вместо того чтобы поспешить к своим ученикам, девушка ненадолго задержалась. Она открыла дневник, который всё это время оставался у неё в руках.

Начала листать с первой страницы. Эти записи она делала чуть больше месяца назад. В своём родительском доме в Кей-Самилуфе... В ночь перед выходом каравана. Тогда ей так и не удалось уснуть.

2

«Полночь. Начало 16-ого дня месяца Волка, 531 года, IV эпохи...»

Как потомственный исследователь я начинаю вести свой дневник перед началом своего путешествия. Хотелось бы написать «Великого Путешествия». Но всё же не буду. Я не могу знать наперёд, каким оно выйдет. Могу только чувствовать. И я чувствую...

О себе.

Моё имя – Джуманна Инайя Ханья Аммат. Я потомок древнего и благородного рода.

Род Аммат прославился на весь Элино́р при строительстве городов Мин-Мириф и Тиль-Мириф. Руководил постройкой мой славный предок, великий инженер и мыслитель Мириф Аммат. Построенный в самом конце Третьей Эпохи Мин-Мириф стал самым южным городом Долины, фактически обозначая её южную границу. Далее начиналась бескрайняя пустыня народа джун. Воистину неисчерпаемы были богатства рудников, рядом с которыми мой предок возводил города: золото, серебро, самоцветные камни, железная руда для самой лучшей, самой прочной стали... А мягкие металлы, полезные в хозяйстве, и чистый кремень можно было брать из земли голыми руками.

Города очень быстро стали заселяться людьми, а на окраине Мин-Мирифа, под сенью величественных пальм и чинар, на берегу прудов с водой необычайной голубизны выросло поместье Аммат.

Я побывала в своём родовом имении будучи ещё совсем ребёнком. Мне было шесть... Лишь я вступила в возраст, когда могу покинуть свой родной дом, отец взял меня в первое в жизни путешествие. Мой день рождения был отпразднован с размахом, но сам праздник мне не запомнился... Мне не терпелось отправиться в путь! Дорога уже тогда стала моей самой главной страстью.

Моя милая мама, благородная Ханья Галия Муфа, в замужестве Ааматт, внучка изи́ря Дайно-Кеша Харуна Муфы, отличалась строгостью взглядов, чистотой нравов и превыше всего ставила семью. Она считала, что я могу покинуть родной дом, но... отправившись на обучение в Школу при Академии Кей-Самилуфа. А школа эта находилась в двух кварталах от нашего имения! Я не хотела. Я хотела увидеть пустыню, бесконечный простор, хотела увидеть караваны, людей иных народов, другие города и земли... Мама до последнего пыталась меня удержать, но я знала, что она сдастся.

Несмотря на всю свою строгость, она имела слабость. Слабостью был мой отец Умар Ааматт, недавно ставший лидером клана Ветхих Страниц. Любовь мамы к отцу не знала границ, потому она не смогла ему перечить. А отец не мог отказать мне. Потому что видел мой пылкий интерес ко всему новому, ко всему необычному. Я росла слишком похожей на него... Такой же мечтательной, такой же ветреной, горячей жаждой открытий.

Так вот, моё первое путешествие состоялось в Мин-Мириф. И Великая Пустыня в итоге впечатлила меня, но куда меньше, чем родовое поместье. Что пустыня? Восторг присутствует лишь поначалу, когда понимаешь, что есть ты и твой караван, а вокруг только песок, небо и линия горизонта между ними. Всё! Я смотрела на этот пейзаж один день, другой... А он всё не менялся. Всё те же жёлто-рыжие барханы, бескрайние джунги и ровное синее небо без единого облачка, а над головой – белый круг палящего солнца. Однако я сидела в маленьком креслице на горбе огромного верблюда под бархатным пологом, пила прохладную воду и обмахивалась веером... Интерес быстро угас. Вот только в одну ночь мне не спалось. Я вышла из шатра, когда отец, как я думала, уже уснул (а он, как выяснилось после, не спал и всё видел), и оказалась под чёрным куполом ночного неба, усеянного бесчисленным множеством пылающих звёзд. Это было самое прекрасное, что я видела в своей жизни! Прошло много лет, но я до сих пор не могу забыть, как, пусть смыслённым, но ещё совсем крохотным ребёнком, я стояла прямо перед космической бездной, а далёкие восхитительные звёзды будто бы подмигивали мне.

А поместье Ааматт... О! Оно показалось мне настоящим городом в городе! Сам Мин-Мириф после Кей-Самилуфа, конечно же, был скучен для меня. Но родовое гнездо Мириф Ааматт строил явно с большим энтузиазмом и вдохновением. Оранжевые с цветами и плодово-выми деревьями со всего континента, фонтаны, бьющие выше крыши особняка, залы со статуями и колоннами. Подземная же часть поместья оказалась в несколько раз больше самого особняка. Там было всё: кабинеты, библиотека, алхимическая лаборатория, даже тайный выход к руднику. Подземные залы сплошь украшены драгоценными металлами и самоцветами, найденными в здешних шахтах... А у парадных ворот пристроена башенка с собственной обсерваторией. Я просто визжала от восторга, когда на Мин-Мириф опускалась ночь, а отец вёл меня в башню и обучал ориентированию по карте звёздного неба.

В жизни у меня было много учителей. Отец нанимал самых лучших, чтобы я получила достойное образование. Но уроки астрономии он давал мне самостоятельно, не доверяя этого никому другому. Было даже странно... Умар Ааматт прославился как исследователь и писатель. Но литературу и историю я постигала от иных учёных людей.

Да, конечно же, отец видел меня, такую маленькую и беззащитную перед всей Вселенной, в ту ночь, когда я покинула спальный шатёр.

Я всё же поступила в Высшую Школу Академии Кей-Самилуфа и окончила её с отличием. Поступила уже тогда, когда мне исполнилось двенадцать. А до этого я провела шесть лет в родовом имении.

Но самым лучшим учителем всё равно был отец. Я благодарна ему за уроки астрономии, но в разы ценнее оказались для меня уроки жизни, которые он давал мне, может быть, даже не подозревая об этом.

Клан Ветхих Страниц имел в особняке Амаатт собственный музей. Такой коллекции редких диковинных вещей, собранных по всему Элинору, я не встречала даже в музее Академии Кей-Самилуфа. От многих реликвий веяло особой энергией; я чувствовала её. Отец не чувствовал, но верил мне. Он говорил, что люди реагируют на особую энергию, на магию, по-разному...

Действительно, ведь наши учёные соглашались с мыслью, что она, энергия, существует, но не могут объяснить её появление. Если кому-то из алхимиков и удавалось наделять предметы магическими способностями, то только экспериментальным методом и по воле случая... Научной теории получения особой энергии нет! Механики же {туасматус} никому не раскрывают своих секретов. Но наши учёные не уверены, что сила, с помощью которой работают многие их механизмы и существуют големы, это та же самая магия, которую, скажем, излучает Камень Предков и другие памятники древности. Полагаю, та особая энергия, обузданная механиками, более объяснима наукой, чем особая энергия Первой Расы.

Азир Амунджади в своих трудах писал, что секрет особой энергии освоили улутау. Освоили путём самопознания и самосовершенствования. Но та ли это необъяснимая сила, о которой говорю я? И по-прежнему всему миру непонятна роль особой энергии (магии) в перевоплощениях ведичей. Да, с оговоркой, если эти перевоплощения – правда...

Но я чувствую магию!

Я постоянно просила отца взять меня в Долину к Камню Предков. Но он наотрез отказывался. Отец! Который только поощрял мою любознательность, отказывал мне! Говорил, что для Долины я ещё недостаточно взрослая...

Выходит, он считал путешествия по пустыне, где существует, пусть малая, но вероятность встретить удильщика или дракона, менее опасными, нежели проживание в Долине. Отец всегда говорил о Ней с трепетом и только возбуждал мою фантазию, но отказывал! Возможно, поэтому я до сих пор думаю о Долине с некоторой опаской, при этом восхищаясь ею.

А путешествовала я много. Ведь я уже писала, что это самая большая страсть моей жизни, какую утолить невозможно! Я дважды побывала в Золотых Руинах (третий раз уже со школой). Я посетила окраину леса Нанол-Мо. Видела могучих тавров и их бревенчатые поселения среди лесных полян. А на двенадцатилетие, перед поступлением в Высшую Школу, отец сделал мне подарок... Он взял меня в Бандабаз! Да-да, в крупнейший город гуаваров!

Из порта Чашл на лёгком и быстроходном судне «Молния» мы домчались до Бандабаза за четыре дня! Четыре дня! Караван верблюдов от Кей-Самилуфа до Мин-Мирифа порой идёт два месяца! А здесь четыре дня! И ещё неделя на корабле из Бандабаза до Дайно-Кеша... Невероятно! Мама до сих пор не знает, что я была в Бандабазе. Мы с отцом условились не говорить ей. Если бы она узнала, то, наверное, в сердцах убила бы и меня, и отца... Я, конечно, утрирую. Мама – добрая. Просто гуаваров считает грязными разбойниками и пиратами.

Опять же, отец предпочёл путешествие в Бандабаз путешествиею в Долину.

Почему? Не поверю, что на рынках Долины опасней, нежели в Бандабазе.

А гуавары только на первый взгляд кажутся дикими и страшными. Особенно тем, кто воспитывался в благородных джунитских семьях. Но я достаточно успела повидать, чтобы понять всю красоту этого морского народа. И влюбилась в море сама! Именно тогда я решила, что однажды уплыву на гуаварском корабле на восток... На Край Света!

Я думала, что Кей-Самилуф – самый шумный город, и ни один другой его в этом не превзойдёт. Я ошибалась! Гул торговых площадей Бандабаза, дополняемый музыкой из трактиров и уличными песнопениями, невозможно заглушить, хоть забей все уши айно-суфской ватой. Ноздри же постоянно щекочут приторные запахи фруктов и терпких специй, к ним примешиваются ароматы жареной рыбы и вонь рыбы протухшей. В такт гуаварским глоткам повсюду верещат прирученные звери: визгливые обезьяны, маленькие пушистые тики и огромные говорящие попугаи, переливающиеся всеми цветами радуги.

Посреди города, напротив Королевской Бухты, возвышается дворец губернатора Бандабаза. Наш дворец изирия имеет жёлто-золотистый оттенок в тон песчаных джун. А у гуаварского губернатора он белоснежный! Белоснежный дворец, лазурное море и вечнозелёные леса кругом...

Спасибо, отец! Я никогда не забуду того путешествия! Это был самый лучший день рождения в моей жизни.

Мы с отцом вернулись в Кей-Самилуф из порта Дайно-Кеш. И с тех пор я его не видела... Отец отправился в Долину. Позже побывал с караваном в самом Шохане, столице империи Ито, и королевстве Рейро, пристанище туасматус. Собирался посетить ведичей... Эх, уж он-то точно выведал бы их тайны.

Он писал и писал о своих путешествиях. О том, что побывал на приёме у самого императора, о том, что видел в Механикуме големов (и, к слову, не почувствовал никакой магии) и катался верхом на мамонтах, огромных лохматых слонах севера. А я грустила в душных стенах школы в Кей-Самилуфе. И мечтала о том, что однажды отправлюсь в новое увлекательное путешествие.

Отец не появлялся дома. Мама сначала грустила, а потом стала злиться на него. День и ночь только и делала, что ругала. А я печалилась, но не упрекала отца. Мне было тоскливо и одиноко без него, но я знала, что если он так долго не возвращается, значит, он напал на след очень важного открытия. Мне не терпелось окончить школу и поскорее присоединиться к отцу, к его поискам, не терпелось самой вступить в клан Ветхих Страниц.

У меня есть старший брат Хасим Умар Аматт. Его полное родовое имя включает в себя первое имя отца, моё – матери... Наверное, это ошибка. Если я во всём похожа на отца, Хасим – копия матери. Дом для него – всё!

Хасим – охотник на песчаных драконов. Прекрасный охотник! Он молод, но уже имеет высокий ранг. Хасим – благородный человек и могучий воин. У него суровый характер, тоже в маму. Но я знаю, что он меня любит. Теперь знаю.

Охота на драконов – древнее и почётное ремесло. Оно зародилось ещё во времена первых джунитов, а возвёл охоту на драконов в ранг военного учения сам Марави Песчаный Лев. В древние времена это даже сложно было назвать охотой. Скорее борьбой за выживание. Придя в пустыни, переселенцы столкнулись с великой напастью в виде мерзких коварных тварей. И даже Марави пал в схватке с песчаными драконами. Но народ его выстоял. Удильщики и драконы уже давно не атакуют города. А благодаря таким охотникам, как Хасим, твари всё реже и реже нападают на торговые караваны, по крайней мере, на больших трактах их давно не видели.

Мне исполнилось восемнадцать на следующий день после того, как я окончила Высшую Школу. В свой день рождения я ждала послания от отца... Конечно, не такого подарка, как поездка в Бандабаз, но хотя бы весточки... Я вступила в зрелый возраст. Теперь я могла сама отправиться куда угодно, в любое путешествие. Но мне хотелось к отцу...

Год минул, как отец отправился к ведичам, и вестей от него не приходило.

Мой день рождения кончался, а я сидела одна в своей комнате и плакала. Мне было как никогда одиноко. Мама и брат... Я чувствовала их любовь, но не могла им довериться так, как бы доверилась отцу.

Хасим зашёл в комнату. Спросил, почему я плачу. Я промолчала. Ведь и так понятно! Он долго молчал. Потом задал ещё один вопрос: «Что я могу для тебя сделать? Не хочу, чтобы ты плакала...» «Что ты можешь для меня сделать, брат...» – со вздохом ответила я. Он ещё очень долго стоял надо мной. Меня это раздражало, мне хотелось сорваться на него, закричать. Я рада, что сдержалась, что не сделала этого. Теперь я представляю, какая внутренняя борьба тогда шла в нём!

«Собирайся!» – наконец, приказным тоном сообщил он мне, – «Мы выйдем на рассвете!» «Куда?» – я немного опешила. «Я покажу тебе, как охотятся на песчаных драконов...»

О Хасим! Как я могла ожидать от него такого?! Я вскочила со своей кровати, бросилась к нему и крепко-крепко обняла. За восемнадцать прожитых лет я никогда не была ещё так близка с братом. А он, оказывается, всегда меня понимал. Просто почему-то не показывал этого. Неужели чопорность – признак благородных семей?

Всё-таки вышло, что Хасим не весь пошёл в мать. Осталась в нём отцовская жилка авантюриста. Пусть и проявлялась она весьма своеобразно.

«И ни слова матери!» – добавил мне Хасим. Но это было лишним, я прекрасно всё понимала сама.

Когда брат в детстве делал мне замечания: «Туда не лезь!», «Не крутись!», «Веди себя скромно!», «Говори тише!», меня это очень нервировало. И я делала всё наоборот, ему назло. А в тот день я слушалась каждого его слова.

Он оставил меня на дальнем бархане. Двое рослых воинов были приставлены для того, чтобы охранять меня, если вдруг одинокий дракон полетит в нашу сторону...

Брат разбил свой отряд на три группы. Левый фланг, центр и правый фланг. Сам, естественно, стоял в центре. Позади выстроились лучники и метатели копий.

Тактика борьбы с чудовищами вырабатывалась веками, это я знала из уроков истории.

Хасим повёл воинов к песчаному холму, где, по предположениям, находилось драконье логово. Бойцы аккуратно переставляли ноги по песочной поверхности, почти скользили.

Стая в любой момент могла вырваться из-под земли, и тогда твёрдая поверхность обратилась бы в смертельную воронку. Так, провалившись в зыбучие пески драконьей пещеры, канул в небытие Марави, так после этого завершили свой жизненный путь ещё сотни тысяч воинов...

Длинное копье просвистело в воздухе и вонзилось в холм. Песок разом стал осыпаться со склонов, и вскоре в холме образовалась дыра высотой с человеческий рост. Хасим не ошибся – логово!

Буквально за мгновение в чёрной дыре показалась страшная голова, а далее – уродливое драконье тело. Небольшое копье-дротик, брошенное воином из задних рядов, вонзилось дракону в пасть. Первый был готов!

Хасим внезапно дал команду к отступлению, указав рукой назад. Опытный командир опять предугадал ситуацию. Холм стремительно начал погружаться в недра пустыни, песок сыпался в пустое пространство, а из более мелких песчаных насыпей вырывались новые и новые особи.

Первыми сомкнули строй воины левого фланга. Закрылись щитами, выставили вперёд длинные копья. Стали теснить чудовищ.

Я уже могла насчитать их в стае около сорока штук.

Драконы сначала опешили, но потом волной бросились на воинов. Все три группы были атакованы. Воины закрыли головы щитами и присели на одно колено.

Тогда я понимала, что брат выжидает. Заманивает драконов в ловушку, пытается убедить их в собственной победе. Но всё равно стояла на вершине бархана, онемев от страха. Только в тот момент я смогла понять, какой великой опасности все эти годы он подвергал

себя. Брат, с которым я никогда не могла найти общего языка, за один вечер сделался для меня таким близким и родным.

Двое моих охранников продолжали спокойно стоять, всё это время оставаясь невозмутимыми, будто наблюдали за торгами на площади, а не за смертельной битвой.

Внезапно Хасим с двумя верными бойцами вырвался из строя. Резким рывком они прокатились под стаяй драконов, парящей над отрядом. И устремились к одному, самому большому, почти чёрному, тогда как остальные были оттенков от мутно-зелёного до цвета бежевого песка. «Вожак», – поняла я. Один боец уцепился за хвост дракона, второй – потянул за заднюю когтистую лапу. Хасим в это мгновение подпрыгнул настолько высоко, насколько мог, и пробил острием меча панцирь вожака. Издав дикий визг, дракон рухнул в песок. Брат подскочил к нему и одним лёгким ударом отсёк его голову.

Сложно передать словами, что произошло дальше! В стае поднялось дикое смятение. А воины подскочили с мест и принялись колоть драконов копьями. Те даже не пытались подняться выше, словно сразу же согласились на бойню. Их мёртвые туши всё падали и падали вниз. Бойцам оставалось только от них уворачиваться.

За несколько минут стая была перебита...

Я бежала с бархана, спотыкаясь о неподвижные песчаные волны, мои ноги путались. Хотелось поскорее обнять брата.

Никогда более я не просила его взять меня на охоту ещё раз. Я жаждала приключений, но в тот день поняла, что просто стоять и наблюдать за тем, как близкий человек мечется между жизнью и смертью, я не могу...

Наверное, мама до сих пор думает, что охота на песчаных драконов – это просто охота. Сродни охоте на оленя или антилопу. Пусть и дальше думает так! Правду ей знать не нужно.

С тех пор я стала иной... Более тихой, спокойной. Я поступила на обучение в Обсерваторию и стала астрономом. Несколько раз я водила корабли из Дайно-Кеша к Золотым Руинам. Мама стала гордиться мной. Ремесло корабельного астронома она считает благородным делом. Хотя и не совсем женским. Это она ещё не знает, что корабельная команда была сплошь гуаварская, а не джунитская...

Но, видимо, звёзды – это призвание. Одно из призваний. Как же жизнь маленькой девочки смогла изменить одна бессонная ночь в пустыне!

Хасим женился и вместе с семьёй перебрался в Айно-Суф. Теперь он обучает молодых бойцов и редко ходит на охоту сам.

А мне тем временем исполнилось двадцать четыре... Мама слишком часто стала затевать разговоры о том, что скоро у меня должны появиться муж и семья. Я выслушивала их спокойно, но про себя протестовала...

И вдруг письмо. От отца!

Отец несколько лет пробыл у ведичей и теперь возвращался с «ворохом открытий», как писал он сам.

Мама была зла. Она уже смирилась, что отца рядом нет. Считала его не то что погибшим, но ушедшим навсегда. Научилась жить без него. Но я-то понимаю, что она была так зла только потому, что любит его... И я безумно его люблю, но люблю иной любовью, ничего не требуя взамен. Я прыгала от счастья! Разлука, растянувшаяся на тринадцать лет, должна была вот-вот прерваться.

Отец писал из Долины. Ему оставалось завершить некоторые дела своего клана. Он называл их незначительными, а это означало, что через два месяца он уже должен быть в Кей-Самилуфе... А если на корабле через Дайно-Кеш, то и раньше!

Прошёл счастливый месяц ожидания. Я уже представляла, как вступлю в клан Ветхих Страниц. Как снова начну путешествовать с отцом, теперь уже не будучи ему обузой,

а в качестве астронома! Снова увижу Бандабаз и Нанол-Мо, возможно, побываю на Рейро и в прериях чекатта. И наконец-таки увижу Долину с Камнем Предков...

В один чёрный, воистину чёрный день в Кей-Самилуф прибыл посланник с севера. Он был невероятно слаб от долгой дороги, но ещё более испуган. «Долина опустела!» – заявил гонец. «Как опустела? Вся?» – посыпались вопросы. «Вся...» – был ответ.

Случилось ли это в одно мгновение или за неделю, никто не знал. Факт заключался в том, что новоприбывшие караванщики не нашли в Долине никого. Опустевшие дома, нетронутый скарб, рынки, полные товаров, лавки, трактиры – всё стояло абсолютно никому не нужным. Люди исчезли!

В Кей-Самилуфе состоялся Совет Академии и изирей вольных городов. Решено было отправить многочисленные караваны, чтобы заселить Долину вновь. Я сказала маме, что Академия назначила меня астрономом в большой караван и что я не могу отказаться. Я опять соврала... Женщине-астроному проще вступить в гуаварскую корабельную команду. В пустыне же о женщине-астрономе, да ещё и такой молодой, и знать не желают!

Но я не могла не отправиться в Долину. Я знала, что если просто буду сидеть в Кей-Самилуфе и ждать новостей от отца или обо отце, то сойду с ума. К тому же... Мне тяжело об этом писать, но в груди зародилось предчувствие, что он не вернётся! Тринадцать лет я знала, что он где-то в пути, в своём вечном поиске... А тут вдруг ощутила, что его нет. Это сложно объяснить.

Моя интуиция ещё не подводила меня, а потому мне так не по себе...

Мы встретились с Хасимом, и я попросила его остаться с женой и маленьким сыном, но всей семьёй вернуться в Кей-Самилуф, чтобы ещё и приглядывать за мамой. Он мужчина, и долг звал его вперёд. Но поход в Долину – это авантюра, это приключение, а Хасим ценил дом... Авантюры, как я писала, в его понимании выглядели несколько иначе. Война с драконами была его долгом, его ремеслом. А путь в неизвестность – не для него. Я же словно ждала этого часа. Каждый должен получить то, к чему стремился. Хасим понял меня. Мы очень трогательно расстались. Я обещала ему постоянно писать. Ему и маме. Маме – то, что нужно, ему – только правду.

Я сдержу обещание.

Мама, если ты когда-нибудь прочитаешь мой дневник, то... просто прости меня. Я всю жизнь презирала ложь. И тем более считаю, что врать столь близкому человеку – это низко. Но говорить тебе правду – означает заставлять тебя страдать... А я не хочу этого.

Но меня зовёт дорога!

Меня не взяли астрономом в караван, зато взяли учителем... Верней, смотрителем. Я должна сопроводить в школу Конолвара группу учеников Высшей Школы Академии. Оседлые и ленивые учителя особо не спешили в опустевшую Долину, потому меня и взяли...

Со мною двадцать два ученика, о которых я должна заботиться. Которых я должна доставить в школу Конолвара в добром здравии и расположении духа...

Это их первый караван!.. Первый путь через пески!

Мне было проще... Пусть мне было всего шесть, но я была с отцом. И я ехала в своё прекрасное имение. А они одни и бредут... непонятно куда! Непонятно зачем!

В основном это дети купцов и лавочников, есть дети учёных, представителей Академии. Родители их уже отправились в Долину с первыми караванами, ведомые каждый своей целью. Все они наверняка состоятельны, ну или рискнули всем ради новой жизни в Долине. Ибо оплатить дорогу в хорошо снаряжённом караване с охраной может не каждый. А тут ещё и покровительство Академии! Правда, стихнула сие покровительство Академия на меня! Но это мой долг. Никто не заставлял меня брать подобные обязательства. А значит, я своей головой и своим сердцем отвечаю за своих учеников. Не только перед их родителями. В первую очередь, перед своей совестью!

Если бы я имела хоть какие-то полномочия, то вообще бы запретила детям идти в Долину. Ещё никто так и не узнал, почему она опустела и куда делись люди!

Мне помогает Ламис, хотя она сама ещё почти ребёнок. Ей только восемнадцать. Она недавно окончила Высшую Школу и поступила на медицинский факультет Академии. Ламис из небогатой семьи, и сопровождение учеников для неё – шанс заработать денег на своё дальнейшее обучение...

Для меня же переход через пустыню давно стал равносильен прогулке. Да, я давно не ходила с караванами, но, подписавшись на этот поход, я снова чувствую себя хорошо. И лишь тоска по отцу гложет моё сердце.

Я помогу детям Академии перенести тяготы походной жизни. Через два месяца мы прибудем в Конолвар!

А после я отправлюсь в Мин-Мириф... в поместье Аматт...»

3

Следующее утро выдалось невероятно жарким.

Месяц караван брёл под шадящим солнцем, что вполне обычно для весны. Теперь же рассветные лучи сразу возвестили о приближающемся лете. Начали жечь беспощадно с самого утра! Была бы воля Джуманны, она бы повела караван в утренние и вечерние часы, разбивая сон на дневной и ночной. Но куда ей! Здесь же шли опытные караванщики.

Поклажа уже была взгромождена на верблюжьих спинах, а ученики с полными флягами заявляли в один голос, что готовы к новому переходу. Оставалось свернуть шатёр.

Джуманна проходила мимо суетящихся купцов, когда навстречу ей засеменял толстый владелец каравана Хатун Тангут — тот, что ещё вчера мучился кишечными коликами. Тангут был весь взмыленный, пот так и капал со лба из-под тяжёлой чалмы. Однако хозяин каравана, кажется, был уверен, что если перебросится с молодой джуниткой несколькими словами перед выходом, то наверняка произведёт на неё впечатление.

Джуманну раздражало это... Когда она маленькой девочкой путешествовала с отцом, никто не вился вокруг неё. Теперь же досаждают своей наигранной любезностью. Вот событие! Напросилась в караван смотрителем от Академии! Обычно Академия отправляла смотрителями дряхлых стариков, а тут она...

Она была молода и красива. С бронзовой кожей, чуть светлей, чем обычно бывает у джунитов, с пронзительными карими глазами и тёмно-каштановыми чуть вьющимися волосами.

Ей хотелось, чтобы её воспринимали в первую очередь как смотрителя Академии. Однако повышенное внимание к её персоне было иным...

— Как спалось благородной Джуманне Инайе? Как она переносит тяготы похода? – приторным тоном поинтересовался караванщик.

— Спасибо, господин Тангут, спалось прекрасно, а тягот я не ощущаю... Я к ним привыкла. Смотрите... даже не вспотела! – Джуманне понравилось, как она уколола Тангута, с лица которого уже точно хлестали горячие ручьи, а богатая одежда отсырела, — Кстати, позвольте спросить, почему вы в первую очередь интересуетесь мной, смотрителем, и моим настроением, а не моими учениками?

— К-хе! Смотритель! – ухмыльнулся Тангут. Развернулся и заковылял в сторону своего слоника. Ничего лучше ответить не смог...

Замечательно началось утро!

Джуманна была уверена, что подобный разговор состоится и вечером, и следующим утром, и во все последующие дни. Ибо это продолжалось уже месяц с самого момента выхода каравана из Кей-Самилуфа. Тангут же, ясно как день, будет до последнего надеяться, что Джуманна скажет, что ей тяжело, что она устала, и предложит своё покровительство...

Не дождётся!

Караван состоял из одних верблюдов, и только толстый Тангут ехал верхом на пустынном слонике. Эти животные в два раза меньше обычных серых слонов, зато могут, как и верблюды, не пить по две недели. Кожа пустынного слоника светло-бежевая, покрытая множеством трещин. Больше походит на чешую песчаного дракона.

Не успела Джуманна опомниться, как перед ней выросла огромная фигура Халлана, командира воинского отряда, сопровождавшего караван.

Ещё один!

Халлан был просто огромный, с рельефной могучей мускулатурой, что хорошо различалась даже под халатом и тонкой кольчугой. Но что-то неестественное угадывалось в его движениях. Ходил этот герой медленно, как лев в зверинце, который рычит разве что толпу потешить.

Как выглядят воины настоящие, Джуманна знала. Неприметные, тихие, молчаливые. Но лишь появляется опасность, их копья разят со скоростью молнии... В том, что мечи и копья Халлана и его соратников столь же быстры, она сомневалась.

— Ну как, тяжело?.. – с ухмылкой, похожей на оскал, осведомился Халлан.

Как же это надоело!

— Нет, – отрезала Джуманна и демонстративно развернулась.

— Я вообще-то помочь хотел... — бросил ей вслед явно раздосадованный воин.

— Как? – обернулась Джуманна.

Халлан задумался. А девушка спешными шагами поспешила к месту, где её ученики уже сворачивали шатёр.

— Джуманна! Джуманна! А я убил огромного скорпиона! – радостно заявил ей Макакеш, один из самых младших мальчиков, зато невероятно бойкий и подвижный. Любимая игрушка – меч. Конечно же, детский, но достаточно увесистый для мальчика его возраста. Как только вырастет – песчаным драконам не поздоровится.

— Не устал ещё совершать подвиги? – Джуманна ласково потрепала его по голове.

— А это – не ядовитый скорпион! – любознательный Астрамед уже сидел на корточках и разглядывал скорпиона, разрубленного мечом. Скорпион был очень большой, в три ладони длиной.

Астрамеда отличала учёная, по-детски забавная пытливость. Встречая в пустыне растение или животное, он сразу же принимался про него рассказывать, реже спрашивать, если что-то не знал. Джуманна сама почерпнула от него много нового и интересного.

Калиф, организовавший себе в помощь несколько учеников помладше, завершал работу по свёртыванию шатра.

— Ты не хочешь помочь? – обратилась Джуманна к Мулафу, лежащему в тени бархана и смотрящему на небо. Тот нехотя встал и пошёл к Калифу.

Вот бываю же лентяи от природы!

Через полчаса длинная вереница горбатых животных, ведомых людьми, тронулась, обжигаемая жестоким солнцем Великой Пустыни.

Джуманна не хотела садиться верхом и вела своего верблюда в поводу. Её нагнал походный астроном Умаль Аль-Дассай. Сначала он прошёл на своём верблюде чуть дальше, а после довольно легко спустился с него и тоже повёл в поводу.

— Я вижу, вы чувствуете себя здесь не очень комфортно? – пытливым тоном начал астроном.

Это был старик. Старик в годах. Степенный, с белоснежной бородой и такими же волосами, слегка выглядывающими из-под тюрбана. Фиолетовая мантия с нашитыми на неё серебряными звёздами развевалась на ветру. Однако вряд ли этот наряд был предназначен для похода по пустыне.

И он туда же!

— Я прекрасно чувствую себя в походе! – Джуманна посмотрела ему в глаза.

— Я о другом... — как бы извиняющимся тоном продолжил астроном, — Я уверен, что вы с лёгкостью перейдёте Великую Пустыню в одиночку. Я о повышенном внимании к вам со стороны мужчин, сопровождающих караван. Вас это раздражает!

— Меня это раздражает! – согласилась Джуманна.

— Поймите, вы молоды и прекрасны...

— ...я с детства в походах!

— Дослушайте меня и не перебивайте! – астроном чуть повысил голос, — Вы сопровождаете детей. И никто даже не интересуется, каково им... Наверняка не интересовались и вами, когда вы путешествовали ребёнком... Но вы выступили зрителем. Вы вспомните, чтобы караваны сопровождали женщины?.. Нет, наверняка не вспомните. В жизни есть мужские ремёсла, а есть женские... Не стоит их мешать. Согласитесь, мир будет выглядеть нелепо, если мужчины начнут ткать ковры, а женщины — охотиться на удильщиков.

А думаете, ваша фиолетовая мантия не смотрится нелепо среди песков?

— Я не хочу обидеть вас и ваш возраст... — осторожно начала Джуманна, — Вы бодры и сильны духом, прекрасно держитесь в седле. Но вы видели, кого Академия обычно отправляет зрителями? Это пожилые люди, которые с трудом передвигаются. Не будет ли больше толку от меня? Я не хочу заниматься охотой на драконов... Это действительно мужское ремесло. Но почему бы женщине не быть зрителем? Астрономом?

— Ас-тро-но-мом! – потянул старик, — Я никогда ещё на своём веку не встречал женщину-астронома!

— Тогда посмотрите на меня внимательнее! – не сдержалась Джуманна.

— Вы?..

— Я совершила более десятка плаваний в качестве бортового астронома! – она вспылила, только прозвучало как-то нелепо, будто оправдание.

Аль-Дассай лишь покачал головой.

— Что вы от меня хотите? Чтобы я развернулась и оставила караван?

— Вы уже выбрали свой путь, — спокойно закончил старик, — Вы полны задора и решимости. Однако вам стоит быть внимательней... Просто поймите, что так не принято. Да, от вас больше пользы в походе, чем от дряхлого старика Академии. Но этого не объяснишь караванщикам, которые женщину-зрителя видят впервые! А если вы согласились на подобный поход, то тогда уже будьте готовы к подобному нездоровому вниманию!

Аль-Дассай с такой же лёгкостью вскочил на своего верблюда и направил его в начало каравана.

Настроение на день было окончательно испорчено!

Шли тяжело. Солнце палило невероятно.

Почему-то в любом городе, оазисе солнце припекает ласково, точно нежит и посылает со своими лучами доброту. А в пустыне просто выжигает. Вкладывает в свои лучи весь гнев, всю злобу, что накопились на людей. И теперь карает их.

Чем жители пустынь так провинились?

На юге джунитских земель даже есть маленький порт – Бухта Злого Солнца. Требовалось построить порт близ Дарифа, шахтёрского городка с прекрасной железной рудой, а берег был сплошь непригоден для этого. Решили заложить поселение на маленьком ручейке близ небольшой бухты. Единственное хоть как-то пригодное место. За время строительства порта от жары и обезвоживания погибло более тысячи человек. Вот порт и получил своё имя. Однако он был необходим торговцам...

Интересно, а задумывались хоть раз торговцы о том, какой ценой им далась эта гавань?

Песок готов был расплавиться под копытами верблюдов. А слоник Тангута и вовсе плёлся позади каравана. Хозяин слоника еле-еле дышал, однако продолжал оставаться в седле. Джуманна знала: караванщик лучше умрёт в дороге, чем потеряет свою прибыль. Пригнал караван на несколько дней позже – лишился денег. Она неверняка бы не упустила повода позлорадствовать, если бы Тангут снова слёг, причём слёг надолго со своими желудочными проблемами. Или чтобы с ним случилась ещё какая-нибудь оказия...

Он же сам совершенно не приспособлен к походной жизни, а смеет предлагать помощь мне! Если кто-то здесь и не справляется с тяготами похода, так это он. Чтоб ему было пусто!

Джуманна никогда не питала ни к кому злобы, однако сейчас очень хотела справедливости за подобное к ней обращение.

Если утром по песку сновали маленькие ящерки, то после полудня жизнь в пустыне точно исчезала... Вокруг только джуны, уходящие к горизонту. И всё то же синее небо и белое солнце...

На пути встретили труп огромного варана, наверное, размером с верблюда. Гигантские вараны — не хищники, однако невероятно опасны. Если испугаются, могут сбить со слона или с верблюда и затоптать насмерть.

Джуманна теперь ехала верхом и всё ещё не находила себе места от злости. Только к концу дня весь гнев ушёл, а осталось лишь желание вдоволь напиться.

Когда белое солнце стало жёлтым, а потом ярко-красным и стремительно покатилося за горизонт, весь караван возликовал.

Смотрительница вместе с Ламис, Калифом и неутомимым Макакешем разгрузила тюфяки с верблюдов и поставила шатёр. Остальные ученики были настолько обессилены, что как подкошенные рухнули наземь. Пока ставили шатёр, Джуманна чувствовала на себе взгляды воинов Халлана, однако попросить их о помощи не позволила гордость.

Скучно поужинали и легли спать. А у кого-то не осталось сил даже на ужин.

Джуманна думала, что сон моментально накроет её, ведь день был невероятно утомительным. Однако уснуть не получалось. Мысли лезли в голову: то её одолевала злость, то досада... Она даже задумалась о том, что ей не стоило напрашиваться в этот поход, не стоило врать матери. Затем она решила, что если брат одобрил её решение, значит она права. Представила, как Хасим мощным ударом в челюсть опрокидывает Халлана, и тот приходит к ней просить прощения за непристойное поведение в походе.

А потом вдруг сердце охватил страх... Джуманне он был знаком! Она не только остро ощущала магию. Она могла заранее предсказать страшные события. Последний раз ей стало не по себе ночью несколько месяцев назад. А наутро в Кей-Самилуф явился гонец, объявивший, что Долина опустела.

Что же случится завтра?

Джуманна вышла из шатра и посмотрела на Джуманн Хаят {Жемчужную Россыпь} – звёздное скопление, в честь которого она получила своё имя. Нащупала на шее цепочку со своими талисманами — большой жемчужиной, купленной ей отцом на рынке Бандабаза тогда, в памятный день рождения, и золотым ключом, отпирающим секретные замки в поместье Амаат.

Джуманна на Общем Языке означает «жемчужина», Инаяя – «золотая».

Большая жемчужина и золотой ключ – всё, что осталось от отца...

— Помогите мне, звёзды, — прошептала Джуманна, глядя на ночное небо, — Отведите от меня беду... Помогите мне, отец...

4

Утро выдалось тяжёлым. Вставать не хотелось. Сказывалась бессонная ночь. Ламис поднялась первой и пошла за водой. Когда она отдёрнула полог, внутрь пахнуло такой духотой, будто бы шатёр по ошибке поставили ночью в гигантскую печь, и вот сейчас эту печь разожгли. Джуманна поняла, что сегодняшней день будет ещё жарче, чем вчерашний.

Караванчики приходили в себя ещё более медленно, чем дети. Ощущение было, что никуда сегодня идти не надо, а двухчасового перехода (наверняка по самому пеклу) хватит за глаза.

Завтракали молча. Несмотря на медлительные действия караванчиков, все понимали, что новый утомительный переход неизбежен. И радующихся этому переходу в шатре явно не наблюдалось.

Закончив завтрак, некоторые дети разошлись. Макакеш, как всегда самый бодрый, убежал убивать скорпионов, Астрamed — исследовать природу, а Калиф взял с собой троих крепких ребят, чтобы учить фехтовать.

Только он и радуется!

Мулаф, оглядев шатёр, рухнул на одеяла, решив продолжить свой утренний сон. Ещё один ученик помладше, поглядев на более старшего и более ленивого товарища, последовал его примеру. Джуманна ничего не сказала. Несколько девочек тихо шептались в другом углу. Ламис взяла книгу и стала читать. Было бессмысленно выгонять всех из шатра и сворачивать его без команды погонщиков.

Джуманна раскрыла свой дневник. Взяла перо, открыла баночку с тушью. Уже обмакнула остирь, занесла его над бумагой и замерла. Опять задалась вчерашним вопросом.

О чём писать?

О том, что караванчики, воины и даже астроном считают, что женщине в походе не место, ей не хотелось.

А о чём же ещё?

*О бессонной ночи? Об ответственном Калифе? Бойком Макакеше?
Любознательном Астрамеде?..*

Джуманна задумалась и отвлеклась от мыслей только тогда, когда под ней затряслась земля. Жирная капля чернил упала на дневник и растеклась по странице.

Что происходит?!

Ответ был получен тут же.

— У-диль-щик! — раздалось снаружи.

Джуманна отбросила перо и выскочила из шатра. В стане караванчиков царил хаос. Верблюды дико орала и металась. Земля дрожала. Песок летел в разные стороны, а из-под него уже показалась чёрная туша удильщика. Просто огромного!

Джуманна видела удильщика только один раз, и то издалека. Но тогда она ещё была маленькой. Рядом был отец, который всегда защитит. Отец её быстро увёл, и битвы с мерзкой тварью Джуманна не видела. Но по рассказам брата и бывалых воинов она знала, как может выглядеть маленький удильщик и как — большой. Этот, наверное, был самым крупным, что только мог существовать на свете.

Удильщики вроде бы не должны встречаться севернее Кей-Самилуфа...

Но каравану Джуманны он встретился! Предчувствие не обмануло...

Рассказы брата не прошли даром. Джуманна знала, что при атаке удильщика нужно срочно искать возвышение, а лучше — каменную гряду. Эти чудища не имеют глаз и чувствуют любое передвижение по песку. Но если нашёл твёрдую опору — ты спасён! Она оглянулась и,

к своей радости, таковую обнаружила! Всего в двухстах шагах... Далее всё развивалось стремительно.

— Быстро, наружу! – она отдернула полог шатра, но расторопная Ламис уже толкала Мулафа, его товарища и девочек к выходу, — На те камни! Бегом! Что есть мочи! –скомандовала Джуманна, показывая на гряды пальцем.

Мальчики побежали сами, быстро-быстро, а девочек Ламис буквально потащила за собой.

Джуманна нашла глазами Калифа, который гнал к шатру ещё около десятка ребят. Она показала на камни и ему. Юноша понял с первого раза и кивнул головой.

Удильщик же уже полностью выбрался наружу. Бил людей и верблюдов своим смертельным жалом. Вот его страшное оружие описало дугу и пробило насквозь Хатуна Тангута. Ком подступил к горлу Джуманны, ведь ещё вчера она желала, чтобы с ним приключился какой-нибудь неприятный казус. Желала, но даже не могла предположить подобного...

Однако нужно было взять себя в руки! Горевать о Тангута и укорять себя за проклятья в его адрес можно было и в другое время.

В хаосе паникующих караванщиков Джуманна увидела маленького Макакеша, выставившего свой детский меч вперёд и застывшего в боевой позе. Сердце ушло в пятки. Она уже подумала, что сейчас Макакеш кинется на удильщика с такой же быстротой, с какой он кидался на его младших братьев – скорпионов. Но, к счастью, ученик в это время обернулся на неё.

— Туда! Туда, где камни! – во всю глотку закричала Джуманна. Её крик слился с прочим рокотом, царившим вокруг. Однако мальчик понял своего зрителя. Со свойственной для себя быстротой он помчался к прочим ученикам.

Джуманна ещё раз окинула взглядом гряду и быстро пересчитала людей.

Двадцать два с Ламис... Нет одного! Кого же?.. Астрamed! Конечно, Астрamed!

Её взгляд долго рыскал по округе, где господствовали страх и паника, и остановился на груди белых тюков. Астрamed сидел под ними! Он согнулся и обхватил голову руками. Докричатся до него было невозможно... Что есть мочи Джуманна рванула к тюкам. Двое крепких мужчин, воины Халлана, бежали ей навстречу и чуть не сбили... Воины мчались прочь от неминуемой смерти, а она — прямо к ней... Туда, где воздух рассекало смертоносное жало. Джуманна схватила ребёнка за руку, и тот моментально пришёл в себя. Она побежала с ним к серой гряде камней. Внутренний голос подсказал пригнуться. Джуманна толкнула вперёд мальчика, а после упала на землю сама. Хвост удильщика просвистел прямо над её головой и встретился с тушей жирного верблюда. Животное взревело от боли, но тут же замолкло. Муки продолжались недолго. Держа Астрameda за руку, Джуманна понеслась вперёд, к спасительным камням. В боку колело, дыхание сбивалось, горячий воздух обжигал лёгкие. Астрamed дышал ещё тяжелее. Но звуки битвы уже отдалялись. Удильщик добивал караван...

Джуманна посадила ученика, а после полезла на камни сама. Её подхватили крепкие руки Калифа, и она без проблем взобралась наверх. После этого, сделав полной грудью несколько глубоких вдохов, она бессильно упала на спину.

Она закрыла глаза и забылась. Быть может, потеряла сознание. Но ненадолго...

Девушка вздрогнула и очнулась, а спустя некоторое время смогла приподняться на локтях и посмотреть, что же стало с караваном.

Суматоха стихала... Но Джуманна не видела живых.

Где те люди, которые хотели спастись бегством?

Никого... Лишь трупы караванщиков и верблюдов. Сам удильщик тоже завалился на бок. Возле его пасти валялась туша пустынного слоника. Ламис рассказала, что животное не то обезумев от страха, не то, напротив, набравшись храбрости, взяло разгон и просто протаранило удильщика в голову... Слоник был мёртв. А вот был ли мёртв сам удильщик – большой

вопрос. Джуманна знала, что эти чудища невероятно живучи... Возможно, он просто устал и отдыхает... Решил отложить запланированную трапезу на вечер.

Молча сидели на камнях под палящим солнцем. Передвигались в тень, которая кочевала по гряде. С места недавней битвы повеяло смердящим запахом.

Наконец, наступили сумерки. Роса упала на россыпь валунов, что сохранили жизни воспитанникам Академии. Джуманна показала, как можно губами собирать влагу с камня. Отец научил её и этому... Если бы не он, наверное, в эту ночь Джуманне и её ученикам суждено было умереть от жажды.

Опустилась тьма. В небе засияли звёзды. Мрак царил и возле исполинского силуэта удильщика. Чудище не зажгло смертельный огонёк на своём хвосте... Это означало одно: удильщик мёртв!

Джуманна спустилась с камней и, преодолевая страх, обошла страшное место. Голова кружилась, а к горлу подкатывал ком... Но приходилось держаться. Мёртвые верблюды... Мёртвые люди...

И тут Джуманна услышала хрип!

Она бросилась на звук. Астроном Умаль Аль-Дассай лежал, придавленный трупом верблюда. Девушка попыталась вытащить его, но ей не удалось. Она подумала позвать Калифа и ещё пару мальчиков, но старик остановил её.

— Оставь, это лишнее. Мне осталось недолго...

Джуманна молчала. Она не знала, что сказать.

— Прости меня... Прости нас всех! – продолжил Аль-Дассай, – Мы были не правы. Погибли опытные караванщики... Воины... А ты выжила и сохранила жизни своим ученикам. Ты... Ты прекрасный смотритель...

— Что мне теперь делать? – робко спросила Джуманна.

— Ты остаёшься за старшую, тебе и принимать решение... — прохрипел старик и закатил глаза вверх, — Послушай! – тон его резко изменился, — Созвездие Льва!

Джуманна подняла голову вверх. Действительно, прямо над ней сияло созвездие Льва.

Созвездие Льва. Звезда Марави... Звезда, которая указывала путь переселенцам с севера во время их опасного перехода из Долины. Но что астроном имеет в виду?

И тут Джуманну осенило! Как она могла?! Она так гордилась своими познаниями в астрономии, но не заметила на небе элементарных изменений! Даже вчера, когда замороженно глядела на Джуманн Хаят.

Наверное, повышенное внимание со стороны мужчин-караванщиков и напоминания о том, что женщине не место в походе, сбили её с толку и заставили на время забыть основы астрономии.

Конечно, ведь был другой астроном... Настоящий астроном!

Но он ошибся!

Уже наступил месяц Верблюда и относительно дороги из Кей-Самилуфа в Айно-Суф созвездие Льва должно было находиться гораздо восточнее.

– Мы сбились с пути? – прозвучало как вопрос, но скорее это было утверждение.

– Прости меня. Прости ещё раз... – голос астронома снова стал слабеть, – Эх, старость... Это я перепутал карты. Я погубил всех. На тракте в Айно-Суф нет удильщиков, а я завёл вас в глубь пустыни...

Проклятье! Вот и весь опыт! И вся мудрость!

Джуманну уже волновала не роковая ошибка рассеянного астронома. Она водила пальцем по звёздному небу. Отмеряла путь на север от созвездия Льва, куда звезда Марави, самая яркая в созвездии, посылала свои лучи.

– Но ведь если пойти на северо-восток, то можно прийти в Моо... Оказаться в Долине, выйдя на тракт Далаала!

– Ты хороший астроном... У тебя получится провести караван лучше, чем у меня... – это было последнее, что сказал Умаль Аль-Дассай.

5

Джуманна вернулась к своим ученикам где-то через полчаса. Все спали. Даже Ламис. И только Калиф дождался её. Джуманна передала ему несколько фляг с водой и саблю.

Фляги с водой она отстегнула с поясов караванщиков. Было ужасно противно, но пришлось перебарывать чувства... Иначе в суровой пустыне не выживешь!

Саблю Джуманна отстегнула с пояса Халлана. Тот даже не успел взять оружие в руки. Жало пронзило его со спины... Тоже спасался бегством. Воистину недостойный человек! Но больно хороша оказалась сталь клинка.

А оружие необходимо!

Отец Джуманны нанимал для неё учителя фехтования в Мин-Мириффе. А позже, уже во время учёбы в Обсерватории, она брала уроки сама. Правда, скорее ради интереса. Даже не предполагала, что однажды возьмётся за рукоять сабли в походных условиях.

Счастье, если по дороге в Долину не придётся использовать клинок Халлана по назначению!

Джуманна пересчитала трупы. Халлан, десять его воинов, пятнадцать караванщиков, семь купцов, включая Хатуна Тангута, и Умаль Аль-Дассай... Значит, никто больше не выжил! Двух воинов, что чуть не сшибли её, она тоже нашла чуть поодаль от места бойни. Те успели отдалиться от смертоносного жала, но были, как и астроном, раздавлены телом верблюда, рухнувшим на них сверху.

Вернувшись на камни, она сразу же заснула. Поразительно, но сон сразил её на этот раз моментально, и даже кошмары не снились.

Все проснулись, едва взошло солнце. Светило начало припекать, а точнее сказать, раскачивать воздух.

Джуманна вместе с Ламис и Калифом вернулась к месту бойни. Теперь принялись обыскивать уцелевшие баулы. Калиф подыскал для себя саблю и расстался со своим несерьёзным тренировочным оружием.

Джуманна посчитала, что остальным детям пока рано смотреть на подобные картины. Однако несколько минут спустя Макакеш всё-таки не выдержал и бросился помогать. Вид трупов людей и животных его совершенно не пугал.

От их шатра ничего не осталось. Однако на месте, где он стоял, Джуманна нашла свой дневник и единственную уцелевшую книгу – первый том «Путешествия на Небеса» Азира Амунджади.

Удалось спасти добротный кусок плотной ткани, из которого мальчики на камнях смастерили навес от солнца. К работе подключились все дружно и без лишних разговоров, даже Мулаф не отлынивал. К полудню весь полезный скарб был перенесён к камням. Еды хватило бы недели на две. С водой дела обстояли хуже. Джуманна пересчитала пустые фляжки и дала ученикам задание собирать вечером росу с камней так, чтобы наполнить все.

– Можно хоть выжимать камень, но нам нужны полные фляги! – властным голосом приказала она, и сама поразилась подобному тону.

Конечно же, она понимала, что вечерней росой можно наполнить едва ли шестую часть небольшого бурдюка. Но сообщить об этом детям – значит заранее подвести их к состоянию отчаянья.

Пусть лучшие будут мотивированы.

Далее был короткий разговор с Ламис. Требовалось понять, куда вести отряд дальше. Не то чтобы от Ламис был в этом толк, но Джуманне нужен был хоть какой-то зрелый собеседник. То, что решение принимать ей одной, и так было ясно.

Джуманна готова была повернуть назад. Однако, покопавшись в картах, поняла, что дойти до Моо, города на юго-востоке Долины, будет проще, чем вернуться в Кей-Самилуф или попытаться всё-таки попасть на тракт Айно-Суфа.

Спасение было на севере!

Спасение на севере... Хм... Книга Азира Амунджади. Уцелел только первый том. В котором рассказывается об империи Ито. Империя Ито! Север! Наверное, глупо так думать... Просто совпадение... Но опять моё предчувствие! Оно подсказывает мне, что это неспроста. Будто неведомая могучая сила сама указывает мне направление...

Солнце миновало зенит. Дети уместились под крохотную тень самодельного тента. Жались друг к другу, места было мало. Тихо плакала пара девочек, очень хотели вернуться к мамам. Подружка постарше пыталась их подбодрить, но тщетно. Под нос что-то похожее про родителей бубнил Муалдар, но скорее по привычке, чем от страха. Джуманна обратила внимание, что остальные ученики словно впились в неё жадными глазами и ждут её решений. Верность, преданность и готовность следовать туда, куда она скажет, – вот что читалось в этих взглядах.

Наверное, только в этот момент Джуманна поняла, *что именно* она сделала для своих учеников.

– Вечером выдвигаемся в Моо! – объявила она, теперь не просто смотритель, а ещё и глава каравана, и астроном, и командир воинов.

Воинов, правда, и не было... Если только Калиф и неугомонный Макакеш... Но что такие воины против удильщиков и песчаных драконов! Да и какой караван в пустыне без верблюдов!

Обречённый караван...

Однако Джуманна набралась сил и тут же прогнала чёрные мысли.

6

Спали до вечера. Как только солнце село, наполнили фляги водой и двинулись на северо-восток по направлению лучей звезды Марави в созвездии Льва.

Джуманна была категорична: идти нужно только ночью! Во-первых, ей было проще ориентироваться по звёздам, во-вторых, ночью можно было пройти куда большие расстояния. Днём переход по пустыне с детьми мог закончиться весьма плачевно. Ну а в-третьих, ночью легче различать удильщиков! С наступлением сумерек они выбираются из песка, а огонёк, что чудища зажигают на своём жале, видно издали. Хотя в противовес этому преимуществу ночью и легче провалиться в подземную пещеру песчаного дракона...

Джуманна возглавила шествие. За ней семенили расторопные мальчишки, подбадриваемые Макакешем. Калиф шёл посередине, держа на плече свой новый меч. Готов к бою... Ламис с девочками замыкали шествие. Они постоянно отставали. В итоге Калифу пришлось взять малышку МунуАию на плечи. После чего отряд пошёл чуть быстрее.

Ночью пустыня наполнилась звуками. Насекомые повывлезали из самых потаённых щелочек и наполнили бескрайнее пространство своим жужжанием. Астраред с умным видом различал каждый звук и называл насекомого: цикада, стрекотальщик, пустынный комар, падальная муха, пескострелка.

Смотровница размеренно двигалась вперёд, но в какой-то момент её стало одолевать смятение. Оно всё больше угнетало с каждым новым шагом. Внутренний голос с нотками безысходности, что прозвучал вчера, теперь становился всё громче, точно заглушая другой, который приказывал сражаться до конца, двигаться к цели. В один момент голос обречённости

заполнил всё её сознание, и она уже была готова сдаться. Без сил рухнуть в песок и принять судьбу. Но, оглянувшись назад, в мерцающем звёздном свете она увидела лица ещё двадцати трёх человек. И каждому из них, даже Калифу, было ещё тяжелее, чем ей. Для них она, идущая впереди, осталась единственной надеждой. «Если сдашься – погубишь их и погубишь себя!» – уже более уверенно прозвучал в голове голос, противостоящий голосу отчаяния. Джуманне он до боли напомнил голос отца...

Рассвет очертил своими лучами контуры новой каменной гряды. Удача благоволила путешественникам!

Собрали утреннюю росу, поставили навес, поели, выпили воды и легли спать ещё до того, как солнце начало выжигать Великую Пустыню.

Все уснули. Джуманна оглядела учеников... Потом присела на камень, обхватила руками колени, прислонила к ним свою голову и заплакала навзрыд.

Последний раз до этого она плакала, когда ей исполнилось восемнадцать лет.

7

Ночью состоялся ещё один переход. Дался он ещё тяжелее. Влаги от росы было ничтожно мало. Фляги пустели. Приходилось экономить воду.

Девочки стали больше капризничать, мальчики – нудить под нос. Джуманна стала зло прикиривать на них. Ученики оживились.

– Мы в пустыне! В пустыне, понимаете?! Если будете еле волочить ноги – это смерть! Можете плакать – но это не спасёт! Идти вперёд! Идти как можно быстрее – вот наше спасение!

Поднимался рассвет, но на этот раз укрытия не обнаружилось. Пришлось сделать тряпичный навес прямо на песке. Сон выдался отвратительный! Хотелось пить, а вода всё убывала и убывала...

Когда спустились вечерние сумерки, ученики, нервно ворочавшиеся днём, дружно засопели. Поддался сну даже Калиф. Да, он был сильным, высоким, смелым, но... лишь по сравнению с другими. Джуманна, кажется, стала забывать, что ему всего лишь шестнадцать.

Она оставила навес и поднялась на высокий бархан, чтобы лицезреть бесконечный простор. Чтобы опять, как восемнадцать лет назад, окунуться в чёрную бездну, остаться одной во всей Вселенной... Только джуны и звёздный купол неба над ними! И звезда Марави над самой Джуманной. Яркая, вселяющая надежду. Джуманна взялась за цепочку с жемчужиной и золотым ключом.

– Отец... – шептала она, – Где ты сейчас? Я чувствую, что уже где-то далеко... Не у итосинов, не у ведичей, а там, среди далёких звёзд. Помоги мне! Помогите мне, звёзды! Дайте сил мне и моим ученикам... Помоги нам, звезда Марави, самая яркая звезда юга! Помоги мне, древний герой легенд! Помоги, Песчаный Лев! Однажды ты вывел наш народ из Долины, а сейчас помоги вернуться туда! Я, твой потомок, Джуманна Инайя Хания Амагт, прошу тебя об этом!

И ей показалось, что звезда будто бы подмигнула ей, вспыхнув на мгновение в разы ярче.
Видение ли, нет?

Она слишком увлеклась и замечталась. А ещё сказывалась небывалая усталость.

Джуманна не помнила, как вернулась к ученикам и заснула.

Она очнулась с первым лучом рассвета, и этот луч очертил вдалеке новую каменную гряду. Немного не по маршруту, но до гряды нужно было добраться к вечеру, чтобы наполнить фляги росой.

8

Добрались. Там же в полудрёме дождались вечера. Ночью совершили достаточно большой переход, а к утру наткнулись на исполинский валун, который послужил неплохим укрытием. К сумеркам на нём проступила влага.

Нам везёт. Но не может же нам везти постоянно... Или может? И молитвы были услышаны? В любом случае благодарю вас, мои небесные покровители!

9

Так прошло около семи дней. Джуманна не могла сказать точно. Она сбилась со счёта, она думала о другом: о том, чтобы выжить самой и сохранить жизни учеников. Карта звёздного неба изменилась. Безусловно, они продвинулись на север. Но сложно было сказать, насколько далеко.

В одну из ночей опять не смогли идти и ночевали на песке. С утра на горизонте заприметили новые спасительные камни, или же что-то похожее на них. Джуманна приняла решение двинуться к ним днём.

Разум противился, но внутренний голос, которому она уже безропотно доверяла, говорил, что нужно выдвигаться прямо сейчас.

Начали бодро. Цель была обозначена. Но примерно через час запал иссяк. Дневное солнце раскалило воздух и песок, а вот пыль путешественников, напротив, остудило.

Джуманна, стиснув зубы, продолжала подгонять своих воспитанников. Иногда подбадривала, иногда ласково уговаривала, а порой переходила на ругань, которой грубые караванщики обдавали самых глупых верблюдов. Джуманна сама удивлялась, что знает столько ругательств. Она и не думала, что когда-то придётся их сказать, тем более детям.

Главное, чтобы они потом не пользовались ими в школе Конолвара и не рассказывали, кто их научил... Хотя? Важно ли это?! Нет! Главное — дойти до Конолвара! Главное — жить!

Новая гряда была уже близко, но действительно выглядела странно... Предчувствие! Уверенный голос внутри затих, а нехорошее предчувствие вернулось. Джуманна сделала шаг вперёд, но тут же её нога по колено провалилась в песок. Девушка почувствовала, как начинает уходить под землю. Она успела лишь взвизгнуть. Было ясно, что это... нора песчаного дракона!

А гряда, получается, эту нору прикрывала.

Как я могла так ошибиться!.. Что за наваждение потащило меня вперёд?

Несколько рук подхватили её сзади и сумели удержать. Тут же подоспел Калиф и полностью вытащил смотрительницу из смертельной воронки.

Джуманна огляделась: в двухстах шагах – высокий бархан, впереди – коварная гряда. Песок окончательно провалился в чёрную бездну, а из недр показалась огромная хищная морда дракона.

– Уводи детей! – успела она крикнуть Ламис и указать на бархан.

Сама же вытащила из-за пояса клинок Халлана и выставила его вперёд. Делала всё так, как учил брат... Хасим дал ей наставления перед отъездом на случай, если караван атакует дракон. Но Джуманна даже не представляла, что придётся с ним столкнуться вот так, лицом к лицу. Дракон уже парил над ней. Очень крупная особь! Больше своих сородичей раза в полтора.

Отшельник!

В каком-то роде это можно было назвать везением. Драконы-отшельники всегда жили поодиночке, вне стаи. Однако они были самыми хитрыми, самыми сильными, самыми коварными представителями драконьего семейства.

Внезапно по обе руки от Джуманны появились Калиф и Макакеш, которые приняли боевую стойку, как у неё, выставив мечи вперёд.

Джуманна обернулась. Прочие, даже девочки, стояли сзади, а Ламис только развела руками, мол, а что я сделаю.

– Куда?! – буквально заорала на них Джуманна, – Без оружия на дракона?! А ну быстро на бархан! – это возымело действие. Те подчинились и стремглав помчались прочь.

– А вы, – Джуманна быстро окинула взглядом Калифа и Макакеша, – Плотнее ко мне! Направляйте острия своих мечей к моей сабле! Как треугольник! И целим дракону в глотку!

Но отшельник оказался даже хитрее, чем Джуманна могла предположить. Вместо того чтобы атаковать их своей пастью, он рубанул хвостом по ногам троицы, разбросав Джуманну, Калифа и Макакеша в разные стороны.

Джуманна упала на спину, а дракон взвился над ней, раскрыл пасть и резко дёрнулся вниз... Единственное, что Джуманна успела подумать в это мгновение: «Прости меня, отец! Прости, любимый брат! Прости, милая мама!»

Однако случилось непредвиденное. Дракон уже пикировал на Джуманну, но тут что-то мощное и тяжёлое ударило его и отбросило в сторону. Джуманна вскочила на ноги и не поверила своим глазам: рядом с драконом стоял огромный лев и скалил свою пасть... Он появился из ниоткуда и сбил в прыжке крылатую тварь!

– Песчаный Лев... – прошептала Джуманна.

Дракон поднялся с земли и попытался взлететь. Но Джуманна, ведомая инстинктом (недаром ведь она была сестрой Хасима Амагта, искусного охотника на драконов), бросилась к чудовищу и рубанула саблей по горлу. Она даже представить не могла, что драконья голова отлетит так легко. Туша рухнула на землю, так и не сумев полностью подняться в воздух, и вздыбила вокруг себя столп песчаной пыли.

Лев посмотрел Джуманне в глаза. Такого пронзительного взгляда она не встречала ни у одного животного! Нет, совпадения здесь быть не могло. Той ночью она зывала к созвездию Льва, древнему герою и одноимённой звезде... И Марави Песчаный Лев явился, чтобы помочь ей!

Он, он сегодня утром указал мне немедленно выдвигаться вперёд!

И как после этого можно было не поверить в то, что чекатта могут говорить с мёртвыми, а ведичи обращаться в зверей?

Лев издал рык, но не злой, а призывающий, и устремился на север, сделав несколько могучих прыжков. Через какое-то время он остановился и, обернувшись, снова посмотрел на Джуманну.

– Он зовёт меня с собой... – вслух сказала она и перевела взгляд на бархан, – Эй, вы! Вперёд! За мной! – Джуманна снова подняла в воздух саблю, как будто вела своих воспитанников на битву.

Калиф и Макакеш уже поравнялись с ней.

Джуманна просто бежала. Бежала за львом, пока он не исчез на линии горизонта. Из последних сил она кричала, оборачиваясь на отстающих детей. Кричала одно слово: «Быстрее!» Кричала до тех пор, пока сухость окончательно не сковала горло.

Лев исчез, она всё мчалась по его следу. Точнее, следов на песке лев не оставлял, но Джуманна знала, где именно он пробежал. Порой она спрашивала себя, не померещилось ли ей всё это. Но тогда кто, как не лев, спас её от дракона?

Чувствовалось обезвоживание. Пот уже не капал с её лица, ноги окаменели, но продолжали машинально отмерять шаги, язык распух и не мог ворочаться. Джуманна не оборачива-

лась, она просто знала, что ученики должны идти следом. Отставать, но идти следом. Должны поверить ей! Ведь она-то поверила!

Стала взбираться на холм. Ссыпавшийся песок путал её ноги. Но Джуманна не сдавалась и лезла вверх.

Что за сила вела её? Нельзя было понять. Видимо, это была именно Та сила, природу которой нельзя объяснить.

Солнце катилось к закату. Ещё одна ночёвка на открытом песке означала смерть! Но Джуманна не думала об этом... Она взобралась на вершину холма, а там...

...прекрасная зелёная долина открылась её взору! Это был не оазис! Не мираж... Пустыня резко заканчивалась. Голубая речка, уже начинающая перекрашиваться в красноватые оттенки, отделяла жизнь от смерти. И смерть в обличье золотистого песка теряла свою власть у её берегов.

И только теперь Джуманна, счастливая, понимающая, что победила, обернулась. К ней уже подползал Макакеш. Гораздо дальше только начинали забираться на холм Муалдар, Астрамед и ещё несколько мальчиков. Чуть ниже – остальные бойкие ребята. Дальше плелась Ламис, держа за руки двух девочек, остальные шли следом, вместе с ними ленивый Мулаф. А совсем вдалеке из последних сил ковылял Калиф вместе с маленькой Муной и её сверстницей Инайей на руках.

– Быстрее! Быстрее! – закричала Джуманна, но уже не строго, а радостно, – Мы пришли! Калиф издали точно уловил перемену в ней и ускорил шаг.

Со склона все буквально скатились кубарем, опустили свои головы в реку и пили, как звери.

В последних лучах заката путники переправились через реку и развалились под сенью зелёных деревьев, редких, но с густыми пышными кронами.

Джуманна облокотилась на толстый ствол дерева. Ламис села рядом.

– Спасибо тебе... – слабым голосом сказала она, – Ты спасла всех нас. Ты привела нас в Долину!

– Это всё лев... – вздохнула Джуманна.

– Какой лев? – удивлённым тоном спросила Ламис, но тут же моментально уснула.

10

Джуманна открыла глаза и посмотрела на солнце. Далеко за полдень... Слишком много она вчера отдала сил. Когда поднялась, поняла, что ученики уже давно не спят. Началось оживление. Смотрительница ещё не успела протереть глаза, как двадцать два ученика, возглавляемые Калифом, подошли к ней, и каждый опустился на одно колено. Ламис присоединилась.

– Спасибо тебе, наш смотритель и учитель, Джуманна Инайя Ханья Амагт! – начал старший юноша, – Вчера мы слишком устали и не смогли тебе этого сказать! Прости нас! Мы должны без конца благодарить тебя! Ты спасала нас много раз! А теперь привела в Долину.

– Спасибо!

– Спасибо! – вразнобой, но искренне и задорно повторяли детские голоса.

Джуманна в ответ лишь тихо улыбнулась.

Она умыла лицо, потом решила, что стоит искупаться. Отошла в сторону, разделась и с явным наслаждением вошла в прохладные воды реки. Провела в ней почти полчаса, потом вернулась к стоянке и стала собирать с деревьев фрукты. Сочные-сочные персики и апельсины стали прекрасным завтраком.

Джуманна объявила, что этот день они проведут во фруктовой роще, чтобы восстановить свои силы.

Калифу на ушко было дано поручение отвести всех мальчиков на реку и хорошенько отмыть их. Ламис уже собиралась в другую сторону – купать девочек. Джуманна приостановила подругу.

– Ты действительно не видела льва? – спросила она, глядя в глаза Ламис.

– Какого льва? Объясни! – та была явно удивлена.

– Кто убил дракона?

– Ты... – Ламис удивилась ещё больше.

– И мне никто не помог?

– Калиф и Макакеш... – тон младшей подруги продолжал оставаться неуверенным, – ...

Но дракон быстро разбросал их в разные стороны. А ты ринулась прямо на него и снесла голову. А потом рванула вперёд и нас за собой повела. Бежала, как антилопа! Я боялась, что мы так и рухнем без сил... Но ты... Ты... вселяла в нас уверенность! И мы дошли! Ты не помнишь?

– Помню, – кивнула Джуманна, – Просто мне показалось, что я видела льва. Не обращай внимания! Это от эмоций...

– И ещё раз спасибо! – Ламис заключила Джуманну в свои объятия.

11

День прошёл спокойно. Наступил вечер. Затем ночь. Джуманне спать не хотелось. Она сидела и думала. Вопросов было много...

Лев! Видение или нет?

И ещё... Как мы вышли к Долине всего лишь за несколько переходов?..

Мы должны были идти минимум пятнадцать дней. Неужели астроном Аль-Дассай завёл караван настолько далеко на северо-восток? Или это я после гибели каравана сбилась со счёта?

Но долго размышлять не хотелось. Радостные переживания переполняли её. Ведь ученики выжили в беспощадной пустыне! Она, Джуманна Аматт, смогла вывести их к границам Долины!

Мною бы гордились все! Отец... Брат... Обязательно нужно ему написать! Вот у него глаза на лоб полезут! И мама гордилась бы... Но маме про наши похождения знать не следует.

И тут Джуманну озарило.

Дневник!

Конечно, следовало внести в него новые записи. В пустыне было не до этого, а сейчас, по горячим следам, стоило сделать несколько заметок. Но порыв быстро иссяк. Джуманна вспомнила, что у неё нет чернил.

Она полезла в походную сумку, чтобы удостовериться в этом, и вместе с дневником извлекла оттуда «Путешествие на Небеса».

Том первый — Империя Ито...

Снова в памяти всплыли все образы – отец, Вселенная, звёздное небо, созвездие Льва и призрак льва в пустыне, звезда Марави, удильщик, дракон, опытный астроном, сбившийся с маршрута, а ещё эти странные голоса, предчувствия, видения и грёзы и... эта книга.

Все невероятные события, произошедшие за последние дни, никак не походили на череду случайностей. Напротив, это словно были звенья одной цепи.

Странно, очень странно... «Бойся своих желаний», – говорят мудрые. Я хотела, чтобы мой путь стал великим, и звёзды, словно услышав меня, сами перестроились, прокладывая мой маршрут...

Она взяла книгу, раскрыла её. В ярком свете прекрасно читались все буквы и символы. И вот от этого лунного свечения на исписанных страницах будто начала зарождаться... магия!

Джуманна опять что-то почувствовала. Да-да, что-то, связанное с особой энергией. Раньше подобного не было...

Может быть, это действительно от эмоций?

Джуманна стала медленно перелистывать страницы, бегло перечитывая абзацы, которые знала почти наизусть:

ПУТЕШЕСТВИЕ НА НЕБЕСА

Том Первый – Империя Ито

Шестое издание. Краткое изложение Большой Книги.

Автор: Азир Амунджади.

Азир Амунджади, также известный как Бродяга Азир, является членом клана Ветхих Страниц и потомком Демара Амунджади, создателя знаменитой Книги Приключений. Азир — автор ряда трудов, в которых он подробно описывает историю северных народов. Он единственный чужестранец, которому удалось побывать в закрытых землях улугау и посетить загадочные школы Тау. Рукописи Азира Амунджади помогают сформировать представление об удивительной северной философии, они были переведены на различные языки и являются частью серии книг, описывающих все народы Элинора.

Империя Ито – общие сведения.

На севере расположена Мёртвая Земля. Здесь всё окутано плотной пеленой тумана... Сюда не проникает ни один луч солнца. Из тумана являются демоны, ужаснейшие создания, и противостоять им может только один народ – итошины. Основные поселения этого удивительного народа расположены на плато под названием Рубеж Жизни. Это гряда каменных холмов, покрытых вечной мглой и туманом. Тут не растёт ничего, кроме сухих колючек разных форм, а питаться ими могут только яулы – животные, у которых поистине железные желудки. Города итошинов объединены в империю во главе с бессмертным императором Тошо и его вечно юной дочерью Цветишо. Все народы Элинора удивляются, как могут итошины жить в таких нечеловеческих условиях. Я, Азир Анилуир Аневанди Анадемар Амунджади, проделал путь от города Ивет вверх по реке Кава до одноимённого города, далее по туманным холмам до Лунного Озера, видел императора Тошо и портреты его прекрасной дочери, сражался с демонами Мертвых земель. Я — единственный джунит, кто прошел Тропой Ужаса до Небесного Плато и выжил. Я проделал этот путь, дабы ты, мой дорогой читатель, узнал об удивительных северных народах больше и полюбил их так же, как и я.

Правитель города Ивет.

Уважаемый любознательный читатель, прежде чем рассказывать тебе про северные народы, я хотел бы поведать о том, с чего началось их становление.

Честно говоря, тяжело рассказывать достоверно о том, что происходило во времена Великого Исхода народов из Долины Предков, ведь это было так давно. Я изучал мифы и сказания местных жителей, записывал старые песни и посещал древние библиотеки. На основе этих знаний я могу примерно восстановить события тех давних лет.

Предки итошинов проживали в сердце Элинора — Долине Предков, в городе Ивет и его окрестностях. Когда земли в Долине стало не хватать, племена из других городов стали расходиться в поисках лучших земель, конечно же, ты знаешь, мудрый читатель, что так начался Великий Исход. Да, именно тогда зародился и наш славный народ, когда Марави Песчаный Лев, отец наш и лидер, повёл осёдлых земледельцев на юг, в бескрайнюю пустыню.

Но о зарождении нашего народа ты, мой подкованный знаниями читатель, конечно же, знаешь, а вот о зарождении прочих народов, скорее всего, нет.

Обитатели города Ивет занимали плодороднейший северный участок Долины и не собирались его покидать.

Но однажды Тошо, правитель города Ивет, принял у себя путника, вернувшегося из диких северных земель. К сожалению, дорогой читатель, я не смог узнать имени этого путника. А жаль, ведь только благодаря этому человеку ужасный север был освоен. Именно он продал правителю Тошо древние фолианты, которые нашел в руинах севера. Как утверждают легенды, это были книги времен Второй Эпохи. Но никто никогда не узнает о том, что же было в них, так как фолианты впоследствии были уничтожены самим Тошо.

После изучения этих книг правитель собрал самых преданных соратников, а также шесть знатных родов, и отправился в поход на север, чем продолжил Исход из Долины Предков.

Путь на Север Семи Семей

Сложно утверждать наверняка, что отправился искать правитель Тошо в северных землях, но я предполагаю, что это были некие могучие артефакты, оставшиеся от Второй, а то и от Первой Расы...

Путь на север поначалу не доставлял хлопот, о чём свидетельствуют древние предания итошинов. В дороге у Тошо родилась дочь – Цветишо. Ей суждено было сыграть немаловажную роль в появлении народа улутау, но об этом, дорогой читатель, я расскажу позже. Когда Тошо и шесть семей добрались до плато Рубеж Жизни, у них начались первые проблемы. Плато встретило их промозглой сыростью и густыми туманами. Около пяти лет странствовали предки итошинов в этом лабиринте холмов и голых скал. И тут они впервые столкнулись с порождением Мёртвой Земли – жуткими существами, не похожими ни на одно животное Элинора.

О первых встречах итошинов с демонами сложено множество песен и легенд. Все началось с того, что в тумане людям начали видеться какие-то тени. Жуткие видения преследовали путников долгие месяцы. Поговаривали о кошмарных тварях, иньряющих в тумане, но никто не мог разглядеть их. Затем начали пропадать люди. Сначала ими оказывались либо оставшие от основного обоза, либо охотники. Но после исчезновения продолжались и среди главного отряда. Причём куда пропадали люди, никто не знал. Это привело к тому, что первопроходцы стали бояться ходить на охоту, они держались вместе плотной толпой, и экспедиция была на грани провала.

Тогда же произошел раскол. Две семьи – Мака и Юги, решили прекратить поиски и покинуть Тошо. Никакие уговоры не смогли удержать их. И тогда правитель проклял эти семьи. Их представители покинули Тошо, унося на себе его проклятие. Дальнейшая судьба Мака и Юги довольно трагична. Никто из них так и не сошел с плато. Они заблудились в вечных туманах, и можно только гадать, какова была их гибель. Итошины рассказывали мне, что иногда встречали их неупокоенные души, молчаливо бредущие во мгле в своем вечном поиске. Это видение называют проклятьем Мака-Юги, и увидеть его считается недобрый знаком.

Оставшиеся четыре семьи – Уну, Вари, Саку и Таки, а также Тошо с дочерью, продолжили путь. В дороге они потеряли ещё одну семью – все Вари пропали без вести. Трагически погибла и жена Тошо: она сорвалась со скользкой тропы и упала в бездонную расщелину.

Но могуча была воля правителя Тошо и велико желание найти то, что он искал. Дабы воодушевить своих людей, он взял меч и в одиночестве направился напрямик в гущу тумана. Через некоторое время он вернулся и приволок труп неведомого существа. Вид чудовища был ужасен: челюсть усыпана острыми огромными зубами, пять нелепых конечностей заканчивались острыми, как бритва, когтями, у существа отсутствовали глаза и уши. На вопрос удивлённых людей о том, как Тошо смог одолеть этого зверя, он ответил, что не чувствовал страха, а только злость, и тварь сама бросилась ему на меч. Это событие изображено на фресках стен дворца императора Тошо, а туша первого убитого демона была превращена в чучело и по сей день украшает трон императора. Мне довелось побывать в тронном зале

Тошо, и морда твари поразила меня. Даже сейчас, спустя множество столетий, она вселяет ужас. Подвиг Тошо стал первым камнем в фундаменте философии будущей империи Ито.

Воодушевлённые примером своего предводителя, люди двинулись дальше. Теперь, когда они знали, что им противостоят существа из плоти и крови, страх покинул их. Экспедиция продолжила свой путь.

Лунное Озеро и демоны Туманных Холмов

Однажды путники взойшли на высокий холм, и на его вершине они впервые за много лет увидели небо. Был поздний вечер, и светила полная луна. Она ярко отражалась на поверхности небольшого озера. Сильно впечатлившись подобным прекрасным видом, пришельцы назвали озеро Лунным. Как оказалось впоследствии, туман никогда не поднимался до такой высоты, и небо над Лунным Озером всегда оставалось ясным. Утомленные долгими странствиями, путники решили основать тут первое поселение. Они воздвигли город-крепость Шохан, который стал столицей империи. В окрестностях Лунного Озера обитали удивительные животные — яулы, которых со временем одомашнили итоишины. Да и само Лунное Озеро кишело прекрасной рыбой, а его берега прочей живностью. Этот островок света в бескрайних туманах оказался не единственным, и постепенно итоишины расселились по всему плато. Как оказалось, демоны тумана не любили свет, и днём жизнь в посёлках была достаточно спокойной. Ночью же дома запирались на плотные ставни, и каждый, кто мог держать оружие, вёл бесконечную оборону от ужасных врагов.

Бессмертный император.

Тут, дорогой мой читатель, я должен поделиться с тобой своими размышлениями. Мне не удалось выяснить, ведали ли остальные семьи, что искал Тошо, а если не ведали, то что ещё могло заставить их пуститься в столь опасные странствия. И до сих пор нам, чужеземцам, неизвестно, нашли что-нибудь предки итоишинов на плато или нет. У меня есть предположение, что это как-то связано с бессмертием императора Тошо и его дочери. Но у меня нет никаких фактов, подтверждающих подобную догадку, а такие ученые, как я, не могут опираться только на предположения. Оставляю эту неразгаданную тайну тебе, мой любознательный читатель. Возможно, именно ты однажды раскроешь её.

Наверняка, неугомонный читатель, ты тут же вспомнишь нашего отца-основателя и захочешь его сравнить с Тошо. Оба увели свои народы во время Исхода. Один — на север, другой — на юг. Оба были харизматичными и волевыми лидерами. Оба якобы бессмертны... Но тут, мой, вероятно, заблуждающийся читатель, я с тобой поспорю. О жизни Марави Песчаного Льва до Исхода ничего не известно, зато, начиная с похода на юг, появилось множество летописей и документальных свидетельств. Наш прародитель действительно прожил долгую жизнь. Но всё-таки он вышел из Леса, а ведичи и тавры, как известно, проживают жизнь в разы длиннее, чем представители иных народов. Потому долголетие великого Марави вполне объяснимо. К тому же, есть свидетельства, что за эти годы он всё-таки старел, медленно, но старел, а значит, погиб уже в достаточно почтенном возрасте. Император же, напротив, старел только до определённого возраста, а после обретения бессмертия сохранил свой облик на века. Так же как и дочь его, что вечно юна и красива. Я не видел её саму, ибо это запрещено законом, но видел, дорогой читатель, её портрет. Этой девушке я бы дал около двадцати лет. Отсюда я могу сделать вывод, что до определённого возраста прекрасная и бесподобная Цветишо выросла и меняла свою внешность. Потому, мой читатель и собеседник, как север и юг отличаются друг от друга, так же отличаются и народы, заселяющие их, и основатели сих славных народов.

Кодекс Доцу.

Жизнь в вечной борьбе диктует свои правила, которые влияют на всю культуру и быт итоишинов. Но она не является хаотичной — все жители империи Ито живут по кодексу Доцу, написанному самим императором Тошо. Это не просто свод законов или правил. Это фило-

софия бытия... В кодексе каждый итошин может прочитать не только о том, как должен жить, но и о том... что должен чувствовать. Не спеши удивляться нравам империи, впечатлительный читатель, равно как и судить их. Как чужеземец, понявший суть философии Доцу, я могу заявить, что данный кодекс просто необходим. Ведь он дарует итошинам не только жизнь, расписанную, как в учебнике, он дарует им бесстрашие и... бессмертие. Бессмертие иное, нежели у императора. Бессмертие духа! Своим презрением к страху итошины показывают истинную мощь и величие своего народа.

Тропа Ужаса.

Самое жуткое место во всём Элиноне!

Джуманна резко отложила книгу.

Тропа Ужаса... Ужас...

Желание читать дальше пропало. Внезапно её посетил тот самый пророческий страх. Знакомый страх! Страх, что терзал её перед получением вестей из Долины, страх, что терзал её перед злоключениями в пустыне...

Будто бы эта книга сейчас тянула её отсюда, из южных пустынь, на север, на Тропу Ужаса, будто именно там должно было случиться что-то неотвратимое, готовое навсегда изменить судьбу человечества... И каким-то образом здесь оказалась замешана она, Джуманна Амагг.

Она прекрасно помнила наизусть, что в книге Азира будет описано дальше... Как бесподобна красота дочери императора Цветшо, как Азир прошёл по Тропе Страх, как оказался в прекрасной горной стране Улутау, как постиг учения горного народа. Азир описывал этот народ в ярких красках и восхищался его образом жизни...

Голос, внутренний голос Джуманны, снова проснулся и будто бы подсказывал, что судьба её тесно переплетётся с судьбами представителей народов севера... Но главное событие произойдёт именно там, на Тропе...

Это было лишь предчувствие. Но как после всего произошедшего можно было не довериться ему?

Джуманна подняла голову вверх, обратив взор на созвездие Льва.

– Я снова попрошу тебя о помощи, великий герой... – прошептала она.

12

На следующий день Джуманна и её ученики вошли в город Моо.



Глава 2. СУТЬ ВОИНА

*Жизнь человеку даётся ради славы и бесстрашия.
Из кодекса Доцу*

1

Из густого тумана показались тёмные контуры крепости Лаухан, самого южного форпоста империи Ито. С каждым новым шагом становилось всё светлее. Сигнальные огни крепостных башен разрезали плотную белую пелену спасительными лучами.

Отряд подошёл к оборонительному рву.

Успели!

Мост ещё не был поднят. Итошины, в отличие от других народов – джунитов или предателей-механиков, никогда не пользовались часами, однако острый глаз опытного дозорного всегда мог определить точное время по густоте тумана. Когда слабый солнечный свет, заблудившийся в сером мареве, угасает, когда наступает время дымки и тьмы, тогда все мосты поднимаются, окна и ставни домов плотно запираются, а на открытых площадках крыш домов разводятся костры... Так империя Ито встречает наступление времени демонов. Но огня демоны боятся, а оборонительные сооружения итошинов с каждым годом становятся всё эффективнее.

Эта война длится много веков, но рано или поздно итошины одержат в ней победу!

И«До показал До”Эйве жестом, чтобы тот подошёл к воротам, а сам обратился к иле.

– Спасибо тебе, наш добрый проводник! Ещё раз предлагаю разделить с нами ужин в Лаухане, а поутру отправиться в обратный путь.

– Благодарю тебя, доблестный удоган И’До, – степенно ответил ила, – Но я уже сказал, что долг мой – вернуться в Шохан как можно раньше. Уже через семь дней я должен провести новый отряд. Ночь и демоны же не страшат меня, ибо свет, который я несу в себе, будет сильнее их...

Илами народ итошинов именовал проводников в тумане... Илы наделены особой силой. Они не становятся воинами, при этом обладают великой силой света – способны пройти даже через самую непроглядную завесу и ни разу не оступиться. Демоны не трогают их – чувствуют свет. Илы же не должны братья за меч – так им определено судьбой!

Когда в семье итошинов рождается ила, в доме праздник! На улице вывешиваются жёлтые фонарики, а счастливые родители раздают соседям сладости. Жизнь итошинов сурова, но и в ней порой находится место для радости. А рождение илы – это великая радость, ибо вместе с илой рождается свет.

Все илы – беловолосые, с тонкой светлой кожей. Все носят белые одежды.

Ила по имени Кану был одним из самых умелых. Император лично поручил ему водить отряды на юг*, к Лаухану.

С караванщиками ходили более слабые илы. Но караваны перемещались по торговым трактам, где туман был не столь плотным, а демоны атаковали значительно реже. Самые сильные илы уходили в гущу тумана по особым распоряжениям великославного Тошо.

Сейчас был именно такой случай.

Долина опустела... Караваны перестали приходить в Шохан. Император поручил лучшим удоганам собрать отряды и поскорее добраться до Великих Городов. Водить же эти отряды должны были только умелые илы, что находили трудные и опасные, но самые быстрые маршруты.

** – направление Юг даётся для понимания читателя. Сами итошины используют шестиконечную Розу Ветров (прим. автора).*

До'Эйве уже подошёл к воротам крепости и громко постучал.

– Кто там? – раздался хриплый голос.

– Да будет славен бессмертный император Тошо! Меня зовут До'Эйве, я помощник доблестного удогана И'До. Наш отряд направляется в Долину и просит разрешения переночевать в крепости.

– Да будет славен император! – раздалось за воротами. Заскрипели тяжёлые ставни, створы задрожали.

– Меня зовут Мицу, – из ворот к До'Эйве вышел седой стражник с длинными засаленными волосами. На вид ему было лет пятьдесят пять... Дожить до седин у итошинов всегда считалось признаком трусости.

Однако До'Эйве обратил внимание на то, что у дежурного нет правой руки. Это сразу поменяло представление о человеке. Для воина нет ничего хуже, чем потерять возможность сражаться! А человек, лишившийся в бою правой руки, – уже не воин... Потому седому Мицу стоило выказать только почтение. Он не сдался, он помогает делу воинов, как может: стоит на воротах, дабы предупреждать об опасности, пропускать в крепость добрых людей и выставлять укрепления.

– Простите, что так долго, – продолжил Мицу, – Демоны всё хитрее и хитрее... Теперь порой приходят и до дымки. Вам повезло, я уже должен был поднимать мост!

– Не за что просить прощения, почтенный Мицу! Ты выполняешь свой долг. Мы действительно спешили! Наш отряд вышел из Шохана неделю назад.

– Неделю?! – удивился Мицу, – Вас вёл воистину великий ила!

– С этим сложно поспорить!

К воротам подошёл И'До, и стражник низко поклонился ему.

Отряд прошагал в крепость. Сначала вошли рослые опытные бойцы, после – навьюченные яулы и последними – несколько юных послушников. И'До взял в поход и таких. Послушникам запрещено выходить в туман до присяги кодексу Доцу и посвящению в воины империи. Но ситуация была особая. Эти юноши и несколько девушек прекрасно владели Общим Языком, и удоган рассудил, что в Долине подобное оружие может иной раз быть полезнее верного меча.

– Закрывай ворота и поднимай мост! – приказал И'До стражнику Мицу, – Добрых гостей сегодня можно больше не ждать! – а затем обратился к своему отряду, – Идём напрямиком к донжону удогана Горо!

Картина на улицах Лаухана царила мрачная. Вообще весёлых картин в жизни итошинов не встретишь. Но ночной Шохан всё-таки был прекрасен.

Светила отражаются на чёрной глади Лунного Озера. Дома залиты магическим светом... Если выйти на боевую поляну и обнажить свой меч, отблески луны и звёзд начнут гулять по выточенному лезвию... Разве может быть на свете что-то выше этой красоты?

Для молодого и умелого воина До'Эйве – ничего! Почти ничего...

На Лаухан же навалилась кромешная тьма. Лишь сигнальные костры горели на специальных площадках пристроек у крыш домов. «Не развёл огонь – жди ночного гостя», – гласила давняя итошинская мудрость.

В домах стали зажигаться лучины. Окна озарялись слабыми сияниями. Похоже, жители Лаухана уже легли спать, но проснулись, потревоженные рокотом тяжёлых шагов и бряцаньем металла. Несколько зевак высунули свои головы из оконных створок.

– Да будет славен император Тошо! – выкрикнул один, видно, различив в тумане доспехи удогана И'До.

– Да будет славен император! – спокойно ответил тот.

Дома в городе были простыми: фундамент сложен из камня, стены – из толстых брёвен, промазанных глиной, крыша устлана ядовитой колючкой. Дороги же покрыты отшлифованным камнем; не для красоты, больше для практичности. Туманы в Лаухане отличались особенной сыростью, дороги быстро превращались в грязь. Если не выкладывать камнем мостовые, то скоро внутри крепости захлупает настоящее грязевое болото.

Донжон удогана Горо чёрной скалой возвышался среди низеньких домиков. Башня была выстроена в форме пирамиды: грузный монолит в основании, следующий ярус – блок менее массивный, следующий – ещё меньше, самый верхний – каменный конус. Сигнальные костры горели на каждом верхнем углу каждого яруса, а самый большой – на возвышении. Донжон, как и весь город, был сложен из камней, дерева и глины.

Часовые башни окликнули отряд. До'Эйве уже выступил вперёд, чтобы ответить, но И'До ответил сам. На башне некоторое время царила тишина, а после раздался ответ:

– Почтенный удоган Горо ожидает доблестного удогана И'До в своих покоях!

Внутренние ворота распахнулись.

– Тодо, за старшего! – распорядился И'До, – До'Эйве, со мной!

Отряд расположился на стоянку у каменного основания донжона. Яулов согнали в кучу и начали стреножить.

До'Эйве последовал за удоганом. Ступеньки, ведущие наверх, были очень неудобными, высокими и скользкими. До'Эйве подумал, что настоящему итошину не следует сетовать на подобное неудобство, но тут же услышал, как его командир выругался по поводу планировки башни.

– Воин же должен привыкать ко всему ... – удивился До'Эйве.

– Да, – ответил ему И'До, – Воин обязан уметь лазать по отвесным скалам, ступать по горным тропам, передвигаться в тумане... Но если мы строим оплот, то должны построить его таким, чтобы он помогал воину, а не мешал ему! Можно было сделать ступеньки удобнее... Тогда бы воин потратил меньше сил на подъём, зато вложил бы больше сил в свой удар при схватке с демоном.

Не случайно И'До был любимым удоганом императора. Не только доблесть и сила были его отличительными чертами, но также мудрость и рассудительность. До'Эйве и на этот раз не мог не согласиться со своим командиром.

Приёмный зал удогана Горо, под стать всей крепости, был обставлен очень просто и грубо. Единственным украшением зала было оружие, висящее на стенах, и чучела демонов – личная коллекция поверженных врагов Горо. Каждый удоган обычно собирал коллекцию из самых страшных особей. Традиция эта пошла от императора.

– Да будет славен всемогущий император Тошо! – одновременно выкрикнули И'До и Горо, а после заключили друг друга в крепкие мужские объятия.

До'Эйве преклонился перед удоганом Лаухана на одно колено.

Горо – человек зрелых лет, на вид ему было около сорока. Встречал гостей без брони, в лёгкой холщовой тунике, перевязанной верёвочным поясом. Видимо, считал, что регалии удогана на этом приёме излишни. Руки и лицо Горо были сплошь покрыты шрамами. Демоны оставили много памятных меток своими когтями... Держался удоган гордо и прямо, голос его так и отдавал звенящей сталью.

И'До и До'Эйве было предложено присесть на грубые деревянные стулья. Сам Горо расположился в более широком кресле, выбитом из камня и покрытом яульей шкурой. Он вопрошительно поглядел на До'Эйве. Молодому воину сделалось немного не по себе.

– Это мой помощник! – пояснил И'До, – У меня нет от него секретов.

– Он слишком молод! – заметил Горо, но До'Эйве к подобным замечаниям в свой адрес уже привык.

– В свои восемнадцать он убил столько демонов, сколько рядовой итошин не убивает за всю свою жизнь! – встал на защиту И’До. И До’Эйве было лестно подобное заступничество.

– Похвально... – заметил Горо и выдержал некоторую паузу, – Значит, в Долину?

– В Долину! – подтвердил И’До, – А потому хотел спросить у тебя совета, умудрённый жизнью удоган.

– Совета в чём?

– Совета, что мне делать... Я умею сражаться с демонами. И я делаю это хорошо. Так же хорошо это делают мои воины. Но в Долине демонов нет.

– Да-а... – потянул Горо, – В Долине есть кое-что похуже демонов... Знаешь, храбрый И’До, я рад, что вернулся в земли империи. Рад, что император оставляет меня удоганом Лаухана и не посылает на юг. Мне здесь проще. Я ровно так же, как и ты, умею воевать с демонами и тоже делаю это хорошо. Это – моё ремесло, моя суть, суть воина. И мне это нравится. Войны должны вестись мечом, а в Долине не всегда так. Не всегда... Но также я рад, что туда следуешь именно ты! Ты молод, отважен и предан императору! А твои бойцы преданны тебе... Что ещё нужно?

– Расскажи мне о кланах!

– О кланах? К чему такой интерес?

– Император разрешил мне и моим воинам вступать в кланы, —ответил И’До.

– Вот как! – Горо задумался.

Уже несколько столетий итошины посылали в Долину военные отряды для патрулирования городов и охраны порядка. Долг итошина был всегда один: служить императору. А если император отправлял итошинов в Долину, то итошины должны были слушаться правителей Долины, как самого императора. Однако удоганы первое время сталкивались с тем, что посадник одного города мог давать приказ, расходящийся с приказом посадника другого города. Тогда император Тошо отправил в Долину гонца с требованием выработать единый закон, которому бы служили итошины. С тех пор посадники стали не властны над воинами империи, особое распоряжение мог отдать лишь Совет Четырёх. Итошины же пресекали на корню кражи, грабежи, контрабанды, фальшивомонетничество, драки с оружием, бродяжничество и попрошайничество. За подобные нарушения они сдавали виновных в городскую тюрьму, где уже местный суд выносил решения. А ещё итошины могли карать смертью на месте за убийство, чёрное колдовство и торговлю людьми, но подобный приказ должен был быть отдан лично удоганом, и то в случае крайней необходимости.

Итошины никогда не вступали в кланы. Однако теперь император отменил запрет ввиду особых обстоятельств.

Удоган И’До вёл свой отряд не просто для охраны порядка. Он получил от императора личное задание выяснить, что же произошло в Долине. До’Эйве всё это знал. У И’До не было тайн от собственных воинов, и приказ правителя был процитирован слово в слово. Отряд И’До продолжал служить закону Долины, однако должен был также действовать в собственных интересах. Именно этим было диктовано решение императора о вступлении в кланы.

– Император помнит о твоих заслугах, верный удоган Горо, – добавил И’До, – Потому сам посоветовал мне расспросить тебя о жизни в Долине, ибо ты более других знаешь об этом!

Более других из живущих поньне удоганов.

Наверное, так сказать было бы правильнее, но И’До тщательно выбирал слова. Действительно, возраст Горо был уже почтенный. Но он командовал крепостью и явно не избегал битв. Шрамы, многие из которых совсем свежие, тому свидетельство. При этом Горо долгое время провёл в Долине и многое о ней знал.

По суровому лицу хозяина крепости расплылась скромная улыбка. Ему явно пришлось по душе подобное внимание со стороны императора.

– Тогда скажу вот что... – начал удоган Лаухана, – Ты, доблестный И'До, конечно же, слышал, что в Долине всё иначе. Я очень люблю наш народ и нашу культуру за простоту. Есть император, и никого над ним. Воля императора есть истина. А волю выполняют удоганы. Если ты воин отряда – слушай удогана, командира отряда. Если городской житель – слушай удогана, распорядителя города. Если удоган – слушай императора. Всё! Сила в простоте. Но не так всё обстоит в Великих Городах. В каждом городе свой посадник, а единой власти нет. Представь себе, храбрый удоган, один посадник задумал одно: ну, скажем, поставить меж городами торговый пост, а другой на этом же месте захотел заложить ристалище. И как быть? Кого слушать? Да-да, Совет Четырёх! То есть остались ещё два посадника. А как быть, если один поддержит торговый пост, а другой ристалище? Тут-то и сыграют свою роль кланы. Кланы – это скрытая сила. Не та сила, которую почитаем мы. Она кроется не в быстроте удара, а во влиянии, влиянии на прочих жителей Долины. Красивые слова там разят сильнее заострённых клинков. Ложь, коварство, плетение интриг и вечные козни за спиной – вот оружие кланов! И истинная власть. Власть посадников – показательная. Любой посадник всё равно будет исполнять волю самых влиятельных кланов.

– Даже если это противоречит закону... – проговорил И'До. Это был не вопрос, а скорее утверждение.

– Потому император и посылает тебя, – одобрительно продолжил Горо, – Ты проницателен и всё схватываешь на лету. А мне понадобились годы, чтобы осознать это. Поначалу я верил, что посадники – благороднейшие люди, которые заботятся о благе жителей своих городов. Но нет, доблестный И'До. Не все правители так честны и прямолинейны, как наш император, да будет славиться его имя в веках и эпохах!

– Да будет так! – ответил До'Эйве одновременно со своим командиром.

– Пусть ты и называешь меня проницательным, но я пока не могу понять, что может дать нам право вступления в кланы, – продолжил И'До, глядя в лицо собеседнику, – Мой отряд всё равно останется верен закону, а плетение интриг мне чуждо и противно, даже если сие будет служить великой цели. Как же нам поступить?

– Ты уже сам ответил на этот вопрос, – усмехнулся Горо.

– Как? – нахмурился молодой удоган.

– Остаться верным закону! – правитель Лаухана приподнялся с кресла, стал расхаживать по залу, а речь его стала более эмоциональной, – Не стоит вступать в существующие кланы. Учреди свой собственный клан! Пусть управляет им тот, кому ты сможешь полностью довериться. Противопоставь коварству своё благородство, лжи – правду. Поддерживай посадников, но опираясь только на букву закона. Долина пока не заселена, даже старым кланам с именем и традициями придётся отстаивать свои позиции заново. Не теряй времени, пока прочие будут слабы, укрепишь силой закона!

И«До сделался задумчив, но в глазах его блеснул огонёк. Он слегка кивнул головой и поблагодарил Горо за добрый совет. До'Эйве же слушал как замороженный, благодаря судьбу за то, что позволила ему присутствовать при беседе этих замечательных людей, молодого и справедливого удогана И'До и бывалого мудрого удогана Горо.

– Есть ещё один нюанс, о котором я хочу поведать тебе, удоган, – продолжил И'До после короткой паузы, – И прости, что не рассказал об этом сразу... Император ведёт переписку с правителями других народов. Князем тавров, председателем Совета Академии джунитов и губернатором Бандабаза. Всесильный Тошо настаивает на том, чтобы Великие Города объединились под властью единого правителя до тех пор, пока не станет известно, почему именно Долина опустела.

Горо снова присел в кресло, сложив руки домиком у лица.

– Да благословит весь Элино́р нашего императора за проявленную мудрость. Проживая в Долине, я только об этом и мечтал. Только бы иным народам хватило разума согласиться

с этим! Не поверишь, бесстрашный И'До, сколько проблем решилось бы разом... Но! Доверь правление Долиной тавру – сделают повсеместно культ своей богини, гуавару – подомнёт под Бандабаз всю морскую торговлю... Неужели... – Горо поднял глаза на И'До.

– Не думаю, – сразу оборвал тот, – По крайней мере, божественный император ничего об этом не говорил. Но я уверен, что он лучше нас осознаёт происходящее и сможет настоять на правильном выборе достойного правителя.

– Воистину... – согласился правитель Лаухана, – Но, право, мы заговорились, а ведь твоему отряду необходим отдых! Вы можете расположиться в моих приёмных покоях.

– Мы встанем на постоялом дворе! – сразу же отказался И'До, – Не хочу тебя обижать этим, почтенный могучий Горо, но я не привык иметь больше того, что необходимо.

– Мне доложили, что с вами дети...

– Послушники! – поправил командир До'Эйве, – Младшему уже четырнадцать. Совсем скоро они станут воинами империи. Не стоит переживать за них.

– Позволь спросить, зачем ты их взял с собой?

– Я брал только тех, кто прекрасно говорит на Общем Языке.

– В очередной раз восхищаюсь твоей предусмотрительностью! А ещё в тебе говорят жёсткость и прямота, но именно в них и кроется правда. Ты очень похож на своего отца, доблестный И'До! – напоследок сказал Горо.

В ответ И'До ещё раз поклонился и молча вышел. До'Эйве за ним. Он знал непростую историю своего командира и его семьи. Потому допустил, что даже у стойкого непоколебимого И'До после таких, на первый взгляд, банальных слов на сердце может сделаться беспокойно.

2

Жизнь итошинов – это постоянная война с демонами. Кодекс Доцу гласит, что человек рождается ради бесстрашия, ибо только бесстрашие может помочь ему в суровой войне. Кодекс не призывает стремиться к смерти, нет. Человек должен жить. Но жить он обязан достойно. До'Эйве старался жить достойно, жить по кодексу, а пример удогана И'До вдохновлял его.

И«До {Сын Меча} родился в маленькой деревушке на севере империи, недалеко от Тропы Ужаса. Его отец Цу'Онэ {Бесконечная Храбрость} отправился в Долину, будучи командиром отряда закона, когда его жена вот-вот должна была родить первенца. Цу'Онэ оставил жене свой меч Ганвет и попросил сделать подарок от отца новорождённому ребёнку, ибо не знал, как долго пробудет в Долине.

И вот однажды на деревню напали демоны. Сколько их было, уже не ведаёт никто. Ибо не осталось таких, кто бы мог описать подвиги местных жителей в битве с ужасными тварями. Выживших после той атаки не осталось... никого, кроме одного... Когда воины императора вошли в опустошённую деревню, то им явилось чудо! Среди погибших тел людей и чудищ лежал младенец, плотно сжимавший маленькими ручками меч Ганвет. Рядом с ним же распластался убитый демон, и сомнений в том, что смертельная рана была нанесена именно Ганветом, не было! Младенец был настолько маленьким, что воины поняли, что он был рождён во время битвы. Но возможно ли, чтобы едва появившийся на свет ребёнок взял в руки меч и поразил демона? Ответа не было! Бытовало два мнения: либо демона убил кто-то другой, а младенец после схватился за меч, принадлежащий ему по праву, либо неизведанная сила снизошла на чудного ребёнка и помогла ему совершить невероятный подвиг.

Император принял ребёнка к своему двору, нарёк его славным именем и сам занялся воспитанием. Ходили даже слухи, что он позволил своей дочери, прекрасной Цветшо, которую прятал от глаз прочих мужчин, проводить время с необычным мальчиком.

И«До вырослел очень быстро. Он отличался рассудительностью, силой, умом и железным характером. Когда он прошёл посвящение и стал сражаться с демонами, жители импе-

рии Ито стали всё меньше говорить о его чудесном появлении на свет, больше же обсуждали подвиги молодого воина. Широкий в плечах, с длинными тёмными волосами и мужественным грубоватым лицом, он стал желанным гостем любого поселения туманного севера. И'До оправдал доверие императора, сделавшись настоящим кошмаром для демонов и примером для подражания молодым воинам империи. Уже в девятнадцать лет И'До был пожалован титул удогана. Новейшая история не знала примеров, чтобы кто-то получал ответственный титул в столь молодом возрасте. Хоть жизнь итошинов и коротка, обычно командирами становились воины лет тридцати.

К сожалению, И'До так и не узнал своего отца, подарившего ему чудный меч. В Долине храбрый Цу'Онэ со своим отрядом противостоял банде отъявленного пирата и бандита из народа гуаваров по имени Беда. Имя это было или прозвище, неизвестно. Но, судя по рассказам, действительно его шайка стала настоящей *бедой* для всей Долины. Пираты грабили караваны, убивали людей, но постоянно уходили от правосудия. Доблестный Цу'Онэ со своим отрядом окружил логово Беды и уничтожил опасную банду. Однако, как оказалось, одному гуавару удалось спастись... Через несколько дней труп Цу'Онэ был найден на площади города Далаал с ножом в спине...

Эту печальную историю много лет спустя поведал тогда ещё юному И'До удоган Горо, некогда сражавшийся под началом Цу'Онэ. И'До поклялся рано или поздно отомстить убийце.

Историю своей жизни И'До рассказал До'Эйве тёмной ночью у костра, когда они ходили в очередной рейд на демонов. Тогда молодой До'Эйве настолько впечатлился своим командиром, что на следующий день убил аж десяток тварей.

Знал До'Эйве и о заветной мечте И'До – найти старинную реликвию, именуемую *Плотью Демона*. Именно с помощью этого предмета, наделённого древней магией, путешественник с юга Азир Амунджади однажды прошёл Тропой Ужаса и попал в страну Улутау. И'До же возжелал навсегда очистить Тропу Ужаса от страшных тварей и, покончив с демонами северо-запада, освободить тракт, ведущий к дружественному народу.

В судьбе же самого До'Эйве, к слову, ничего, что бы он сам посчитал поистине героическим, не было. Он родился в простой семье, сражался, как обычный воин. Сражался достойно. Но сражаться достойно – это долг, обязанность любого итошина, а за исполненный долг негоже ждать похвалы.

Два года назад во время битвы при Зубастом Ущелье До'Эйве познакомился с И'До, который оценил его воинские навыки и взял в свой отряд. До'Эйве с радостью принял предложение, к тому же в той битве пал его первый удоган, и юноша остался без командира. Недавно же И'До сделал его своим первым помощником и даже напроорочил До'Эйве титул удогана. Это стало смущать молодого воина... Ему ведь было всего восемнадцать лет.

Великий И'До стал удоганом в девятнадцать! А ему, До'Эйве, до титула ещё сражаться и сражаться!

Но юноша старался меньше думать о будущем. Он делал то, что должен был делать: служил императору, слушался своего командира и убивал демонов.

Он не ожидал, что отправится в Долину. Но был рад тому, что всё случилось именно так.

Он считал Долину местом торговцев, а не воинов, но сейчас всё изменилось! Впереди их ждала неизвестность. А «ступать без страха и сомнения в неизвестность есть суть воина», – гласил кодекс.

А ещё, останься До'Эйве жить в Шохане, наверняка бы оказался одолеваем своими душевными терзаниями.

Всё началось недавно, когда одним погожим вечером на берегу Лунного Озера он встретил прекрасную Рейве. До'Эйве упражнялся с мечом, а она просто гуляла...

Не только мужчины итошинов умеют обращаться с оружием! И мальчики, и девочки берутся за сталь с шести лет! И пусть женщин-воинов в разы меньше, чем мужчин, считается, что женщина также должна уметь защитить свой дом при внезапной атаке демонов.

Но в тот вечер Рейве просто гуляла... Шла по берегу, а лёгкий ветер трепал её волосы. До'Эйве спросил её имя, она ответила. Он назвал своё, она улыбнулась и ушла... До'Эйве попытался вернуться к своему занятию, но понял, что руки его уже не могут держать меч. И это смутило его. Грустный, он вернулся в свой дом и долго не мог уснуть.

С тех пор он встречал Рейве несколько раз на улицах Шохана, и она так же мило улыбалась ему. А он не находил себе места!

Он понимал, что теперь не может заниматься с мечом на своём любимом месте, на берегу озера, потому что если встретит её, то выронит меч из рук...

Но руки не держали меч уже и во время тренировок в иных местах. Не в Лунном Озере было дело! Он думал только о ней, а не о битвах и кодексе Доцу. Даже И'До заметил перемену в нём. Но До'Эйве тогда ничего не рассказал командиру.

Он понимал, что между мужчиной и женщиной может вспыхнуть чувство. Итошины – обычные люди, они заводят семьи, рожают детей... Но чувство, что пришло к нему, мешало быть воином! Тело не слушалось, голова не работала!

Когда И'До объявил, что через несколько дней их отряд отправляется на юг, До'Эйве вздохнул с облегчением. Наконец-то он избавится от терзаний и искушений!

Также он решил рассказать о своих переживаниях И'До в надежде получить от старшего товарища дельный совет.

3

Завтракали в большом кругу; удоган, воины и послушники – все вместе. И'До ценил единство.

Ели овощную похлёбку, пшеничные лепёшки и варёные яйца. От обильного завтрака, предложенного удоганом Горо, И'До не отказался. Предстоял пусть не столь тяжёлый, но всё равно утомительный переход по туманным взгорьям. А до самой Долины основной пищей итошинов должно было стать вяленое мясо яулов. Не самая приятная перспектива... Перенести-то можно всё, но сытная трапеза и дух укрепит, и новых сил в бою придаст!

Служитель постоянного двора выгонял яулов из стойбищ. И'До дал команду грузить на них поклажу.

Когда выходили из ворот, До'Эйве радушно попрощался с Мицу и пожелал его крепости долгого мира.

От Лаухана на юг стелился прямой тракт, проходивший между серых скал. Опасности сорваться в пропасть уже не было. Могучие горы севера постепенно становились всё ниже и ниже, пока не обратились в пологие каменные возвышения. По таким дорогам можно было ходить без сопровождения илы. Конечно, могли атаковать демоны. Точнее, за пару недель обязаны были атаковать хоть раз. Но каждый итошин всегда должен был быть готов отразить внезапную атаку.

Шли молча.

По кодексу, любой воин на переходе обязан молчать, а говорить лишь тогда, когда этого требует ситуация. Враг ли рядом, неизвестное существо, зверь или человек, а может, поранил ногу острым камнем – тогда говори. А не нравится, что туман сырой, что вокруг прохладно, что хочешь есть – молчи!

До'Эйве предпочёл бы пробираться по опасным горным тропам, как предыдущие семь дней. Потому что все эти дни он думал о том, как сделать верный шаг, как не сорваться в пропасть и как успеть за илой.

А на ровной прямой дороге только и оставалось, что вспоминать Шохан. Вспоминать Лунное Озеро... Вспоминать Рейве!

До'Эйве думал о ней, и это пугало его. А вдруг демоны? А он внезапно дрогнет!

Юноша решил непременно обсудить это с И'До на будущей ночной стоянке. Не откладывая столь нужный разговор на долгий срок.

Интересно, а что сейчас творится в головах моих соратников? Идём мы вперёд, отмеряя шаги среди этого плотного тумана. Думать не о чем, вот я и вспоминаю прошлое, вот и мечусь между своих искушений... А о чём думает И'До? О чём думают сосредоточенные Тодо и Ган-Иолай? Вспыльчивые Джо и Ладдо?.. Неужели я первый воин, кто подвергся таким испытаниям? Наверняка нет! Были и другие! Но они же перебарывали свои страсти! Ибо кодекс до сих пор существует, а мы живём по кодексу!

4

Сидели возле костра. Образ Рейве не выходил из головы До'Эйве.

Почему она так приглянулась мне? Что в ней особенного?

До'Эйве внимательно разглядывал лица сестёр-близняшек Лири и Найнук, – послушниц, совсем ещё юных. Решил, что они красивые. Обе милovidные, со светло-золотистыми волосами. Различить их по волосам только и было можно: у Лири они короткие, у Найнук ниже плеч. Но ведь сёстры не вызывали у До'Эйве подобных эмоций. Он просто относился к ним, как к своим соратницам, боевым товарищам...

Почему же Рейве?..

Теперь До'Эйве задержал взгляд на Биу, походном летописце. Та сидела и записывала что-то на лист пергамента. Она заметила, что До'Эйве смотрит на неё и подняла глаза.

– Что-то случилось? Всё в порядке?

– Да! – До'Эйве опомнился, – О чём пишешь?

– Про сегодняшней переход... – Биу немного удивилась вопросу.

– Но ведь сегодня ничего не произошло?

– Почему? Мы вышли из Лаухана, долго шли по тракту, сейчас разбили лагерь... Всё это – тоже события. Это важно. История народов записывается именно так!

До'Эйве понял, что сейчас может выглядеть глупо и решил немного пройтись вокруг стоянки.

Джо в стороне лупил затупленным мечом по огромному камню. Рубил рьяно и неистово.

Такие, как Джо, не могут без битв...

А«джо'ганы – это особые воины итошинов. Самых буйных приводят к полю битвы с демонами на цепях или в стальных клетях, а затем выпускают. Тогда а'джо'ганы вымещают в бою весь свой гнев, всю свою ярость, неистовость...

В Джо буйный нрав заметили ещё с рождения, потому и дали такое имя. Ему на роду написано было быть а'джо'ганом. Сейчас он частично мог контролировать себя, но не постоянно. Стоит разозлиться – становится одержимым. Кто знает, что будет лет через шесть? Возможно, и для Джо понадобится клеть.

Ладдо вот тоже обладает непростым характером, однако ему вряд ли суждено стать а'джо'ганом. Ладдо умеет сдерживать себя. Джо – нет.

В другой стороне от костра разлетались искры. Ган-Иолай, назначенный дежурный, точил мечи себе и послушникам.

Воины точили себе мечи сами. Тем же, кто не принял посвящение, в походе этого делать не разрешалось. Только в мастерских. Кодекс говорил, что грамотная заточка столь же важна, как и сила, и скорость удара. Не умеющих точить меч в воины не берут. А получил титул воина – тогда уже заботься о своём мече сам!

И«До, например, вообще никогда не делал этого прилюдно: либо отходил далеко от стоянки, либо ждал, когда все уснут, а он примет дежурство. И, похоже, сейчас время этого заветного обряда приближалось.

– Отбой! – скомандовал И'До, – Сначала дежурю я, как кончится дымка – Лад, на зорьке – Тодо!

Лагерь засуетился. Если И'До давал приказ, его нужно было выполнять. Через пять минут все уже лежали на земле, накрывшись явлыми шкурами.

И«До подбросил в костёр колючек и только после этого заметил До'Эйве рядом.

– А ты что? – удивился удоган, – Я же дал команду!

– Не хочу... – До'Эйве присел у огня.

– Что значит «не хочу»? Сегодня ты должен спать! Потому что будешь дежурным завтра!

– Я не усну... – До'Эйве подбирал слова, – Я у тебя хотел... помощи попросить... Совета... У меня в душе смятение, и я не могу его побороть.

– Та-а-ак, – И'До сменил тон, – Смятение – это плохо... Смятение – смерть для воина. Ибо воин в смятении перестаёт быть воином. Смятение перечит сути воина! – удоган процитировал строчки кодекса, но после обратился к помощнику, – Рассказывай!

– Я не знаю... С чего начать... Вот скажи, что самое прекрасное ты видел в жизни?

– Битвы, До'Эйве, битвы – это самое прекрасное для воина! – ответ был достаточно небрежным, но вроде бы искренним.

– Это да... Я имею в виду что-то кроме битв... Вот Императорский Дворец? Он прекрасен?

Только удоганам разрешалось посещать дворец правителя империи. Да, все стражники и смотрители тоже носили титул. Женщин это касалось так же, за исключением почтенных вдов, что потеряли своих мужей в боях. Те могли распоряжаться стряпнёй, уборкой и прочими хозяйственными делами в Императорском Дворце.

– Он величественен, – дал свою оценку дворца И'До.

– А знаменитые сады императора? А зал доблести? А... дочь императора? Цветшо? Ты ведь единственный мужчина, кто видел её?

И«До молчал. До'Эйве даже преположил, что он не слушал его. «Или, может быть, думает? Вспоминает?» – но тут он увидел, как лицо И'До побледнело, а на скуле задёргалась жилка. Вдруг удоган отстегнул от пояса Ганвет, обнажил его, поднял с земли плоский камень и принялся точить меч.

Впервые И'До точил свой меч при нём, при До'Эйве!

Точильный камень скользил по сверкающему лезвию то вверх, то вниз, высекая золотистые искры. Выглядело это завораживающе.

– Вот что прекрасно! – наконец вымолвил удоган и кивнул на меч.

До'Эйве показалось, что командир его так и не понял.

– Я о другом... Понимаешь... В Шохане, незадолго до того как мы отправились в поход, я встретил юную и прекрасную Рейве. И с тех пор только она в моём сердце... – До'Эйве разошёлся и теперь высказывал всё, что накопилось на душе, – Я не могу думать о битвах! Я не могу держать в руках меч! Мне хочется быть с ней, а не идти на войну... Я воин и хочу им быть! Но почему-то меня тянет к другому. Почему? Это чувство, да? – он посмотрел на И'До.

– Да... – ответил тот.

– А у тебя... было подобное?

– Подобного – нет! – И'До стал отвечать как-то особенно сухо.

– А чувство – это плохо? – не унимался юноша, – Ведь если оно мешает ремеслу войны, то, видимо, да... Я прав?

– Прав.

– Ты знаешь, мне кажется, что я невероятно обрадовался нашему походу, когда понял, что смогу убежать от своего чувства! Но... получается, что это не так! Я бегу от Рейве, но не от чувства к ней... Чувство снова и снова настигает меня! Наверное, ты меня не поймёшь... Сам говоришь, что подобного не испытывал...

– Иди спать! – И’До внезапно схватил свой меч и вонзил его в землю по самую рукоять, – Ты завтра дежурный! Потому обязан выспаться! Это приказ!

Мысли разом покинули голову. Тем и хороша была философия итошинов. В тот момент, когда ты не в силах поступить по кодексу, тебя поставит на место приказ.

До’Эйве получил приказ от И’До, а после дал приказ уснуть самому себе. На этот раз сила слова удогана оказалась выше собственных душевных переживаний... Следовало подчиниться.

5

На следующее утро До’Эйве проснулся в отвратительном настроении. Он чувствовал, что у него под глазами вылезли чёрные круги. В висках трещало. Но ещё больше молодой воин поразился лицу И’До. На нём не просто читались следы явной бессонницы. Казалось, удоган точно постарел за ночь.

Словно всю ночь в нём шла какая-то внутренняя борьба, гораздо более сильная, чем борьба с демонами.

Шла борьба и в До’Эйве, но он понимал, что масштаб его борьбы гораздо меньше.

В чём суть борьбы удогана? В чём его тайна? Что лежит на сердце? Что он утаил от своих верных воинов?

Несколько дней До’Эйве не разговаривал со своим командиром. И с каждым днём он видел, как тот всё больше и больше мрачнеет, и мрачнел сам.

Своим вопросом я разбудил в нём его внутренние переживания... Те, которые удоган почти победил. Но что же такого я сказал?

Итошины совершили пять похожих друг на друга переходов с пятью такими же похожими стоянками.

Они шли чёрной колонной по долгому тракту, окутанные белым туманом. Их мечи лязгали о стальную защиту на бёдрах. Наплечники и нагрудники, казалось, впитывали весь холод стылого тумана и передавали его телу.

Но холодом настоящего воина не испугать!

На шестой день произошло событие, ставшее знаковым для До’Эйве.

Около десятка демонов устремились на них из ниоткуда. Словно долго брали в кольцо, неспешно крались и вдруг решили атаковать.

Первого поразил Ладо, благодаря своей молниеносной реакции. Ган-Иолай лёгким движением снёс когтистую клешню ещё одному, подбежал Тодо и добил демона колющим ударом. Джо дико закричал и бросился сразу на двух. Махал своим мечом во все стороны и вскоре обратил чудищ в кровавое месиво.

До’Эйве ринулся вперёд, выставив перед собой клинок. Он не издавал боевого клича, не делал никаких резких ненужных движений, но в тот самый момент в нём кипела ярость, пожалуй, не меньшая, чем у Джо. Наверное, ярость к самому себе, к неспособности одолеть свои страсти. Первого демона он просто рассёк пополам, уклонился от удара второго, рубанул по третьему. Тот издал истошный визг. До’Эйве вернулся ко второму и всадил клинок тому в пасть по самую рукоять. Но не рассчитал силы. Пока вытаскивал полоску стали из плоти чудовища, почувствовал, что ноги его сковала неведомая сила. Он опустил глаза и увидел, как отвратительное щупальце обвилося вокруг его конечностей. До’Эйве хотел рубануть по нему мечом, но тот плотно застрял меж зубов предыдущей убитой твари. А щупальце уже потянуло

воина за собой. До'Эйве выпустил меч из рук и упал. Он успел увидеть огромную пасть, готовую проглотить его.

В этот момент из тумана выпрыгнула могучая фигура И'До. Ганвет описал полукруг от плеча к земле и отсек щупальце, сковавшее ноги До'Эйве. Однако десяток других щупалец огромного монстра тут же метнулись к удогану. Скорость движений И'До была бесподобна. При этом командир не терял хладнокровия, выполняя свою работу чётко и уверенно. Вскоре зловещая пасть издала уже не звучное хлюпанье, а истошный рёв дикой боли. Два огромных глаза налились краснотой, но быстро потухли, когда Ганвет вошёл между ними.

До'Эйве стоял на коленях и тяжело дышал.

– Демоны остались?! – крикнул в туман И'До.

– Нет, – ответил Ладо.

– Нет! – подтвердил Тодо.

– Это мой первый! Это мой первый! – радостно причитал звонкий девчачий голос.

До'Эйве узнал Лири.

– Прекрасно, послушница! – одобрил И'До, – Сегодня ты сделала главный шаг к тому, чтобы стать воином! – после удоган подошёл к До'Эйве, который сгорал от стыда, – Плохо, воин! Очень плохо! – начал он, быстро перейдя на цитаты кодекса, – Суть воина не в ярости, но в бесстрашии! Бесстрашие не есть отсутствие разума, ибо разум необходим воину в бою. И разум воина должен быть холоден. Суть воина не в гневе, ибо гнев затемняет разум. Суть воина в истинной силе, что сокрыта в нём!

До'Эйве знал кодекс наизусть. Но эти слова отныне навсегда отложились в его голове. Все последующие дни по дороге в Долину он повторял их снова и снова, если начинал вновь испытывать душевные смятения...

6

Демоны больше не встречались.

На двадцатый день пути туман резко рассеялся. И взору открылся удивительный пейзаж.

До'Эйве остановился как вкопанный, широко раскрыв рот. Остановились и другие итошины, видимо, испытывая подобные чувства. Все были просто ошеломлены. Никто и не думал, что мир может быть *таким!*

Созерцание глади Лунного Озера в безоблачную ночь было верхом красоты для любого итошина. Но здесь...

Долина пестрела различными красками. Преобладал зелёный цвет травы и деревьев, а также лазурный цвет неба с редкими облачками. На полянах пестрели цветы красного, жёлтого, синих оттенков и ещё нескольких, названий которых До'Эйве даже не знал.

Он оглянулся назад и увидел плотную белую пелену...

Неужели? Неужели это та Долина, которую презирают все вернувшиеся назад в империю итошины? И как не похож на неё наш мир... Как же он скуден и беден... И я жил, даже не зная об этом. Я воин! Воин! И буду следовать своему предназначению дальше. Но разве воин не может радоваться? Сейчас вот радуются все. Даже у И'До что-то изменилось в лице... И мне хочется улыбнуться. О да! Вот что меня поразило в Рейве! Она же улыбалась мне, а мы почти никогда не улыбаемся. Я оглядываю лица своих соратников, и на них тоже появляются улыбки...

Если воины ещё хоть как-то могли сдержать свои эмоции, то яулы отдались им полностью. Они начали дико мычать и гарцевать по зелёным полянам.

Лири и Найнук подбежали к дереву с ярко-жёлтыми плодами с красноватыми боками и стали набирать их себе в руки.

– Стойте! – скомандовал И'До, те послушались.

Удоган подошёл к дереву и сорвал плод сам. Поднёс к носу, понюхал. Слегка прикусил. – Съедобные! – объявил он, впервые улыбнувшись (*вот уж поистине необычное зрелище!*), и вонзил свои зубы в сочный фрукт.

Весь отряд кинулся к дереву и подверг его усиленной тряске. До'Эйве ел сладкие сочные плоды до тех пор, пока не осознал, что больше в него просто не влезет. А через некоторое время желудок свело резкой болью. Причём почти у всех одновременно.

И«До объявил, чтобы впредь все знали меру и не объедались дикими плодами.

С каждым днём итошины наблюдали всё новые и новые пейзажи, менялся ландшафт, менялись краски. Каждый день был по-своему интересен: можно было увидеть что-то новое и необычное.

В отряд пришла радость. Простая, неподдельная. Пришла сама собой. До'Эйве не ощущал её на севере. Теперь же он просто наслаждался каждым днём. И ему был непонятен смысл слов удогана Горо, предпочитавшего жизнь на севере жизни в Долине...

При этом До'Эйве испытал ещё одно странное непонятное чувство. Некое подобие стыда...

Ведь его народ оставался на холодном сыром севере. Продолжал пребывать в вечной борьбе с демонами... А он сейчас гулял по цветущим равнинам, ел сочные фрукты, нежился под тёплым солнцем.

Внезапно его голову стали посещать достаточно крамольные мысли, которых сам юноша испугался.

А что мешает всем итошинам переселиться сюда? Почему император предпочитает оставаться в том суровом неприветливом краю? Ведь можно выстроить свои крепости здесь, на рубежах, и в них держать оборону от демонов! Вот она – свободная незаселённая земля!

Но До'Эйве быстро эти мысли прогнал. Кто он такой, чтобы сомневаться в мудрости императора?! Если великий правитель основал империю на севере, значит, это было необходимо!

И«До тоже был рад. Он старался не показывать этого, но скрытая радость читалась в мелочах: жестах, словах, поступках. При этом удоган продолжал предупреждать о возможной опасности. Ведь люди итошинам до сих пор не встречались. И до сих пор отряду было неизвестно, что же всё-таки произошло в Долине.

7

Итошины вышли к огромной реке. И'До назвал её Кавой. Теперь ориентир был прост: идти вдоль берега. Тодо предложил построить плоты и отправиться вниз по течению, но удоган отказался от этой затеи.

– Мы умеем драться на суше. Мы учились этому с детства, – заявил он, – Но чтобы научиться хорошо править судами, пусть даже плотом, на реке, тоже необходимы умения... Мы можем научиться и этому, но позже... Сейчас же нам нужно добраться до Долины Предков. Это главное!

Вечером над стоянкой стал кружить прекрасный сокол. Рассекая воздух своими крыльями, он опускался всё ниже и ниже, пока не поравнялся с головой И'До. Удоган узнал Хэшэ, любимую птицу императора! К лапке сокола был привязан пергамент с посланием.

О соколах императора, что преодолевают пелену тумана и поддерживают связь правителя с иными народами, До'Эйве знал, но впервые увидел своими глазами почтовую птицу властителя.

И«До внимательно прочитал послание, а после объявил:

– Император приветствует своих доблестных воинов и благословляет отряд на дальнейший путь!

– Слава императору! – хором выкрикнул отряд.

– Император повелевает нам миновать город Каву, что стоит на этой реке, и идти напрямиком в Ивет, один из четырёх Великих Городов Долины. Для тех, кто не знает, Ивет – родина нашего императора! Город, откуда он вышел на север! Город, значимый для империи Ито! Император надеется, что мы войдём в город раньше, чем прочие народы, чьи караваны уже наверняка направляются в Долину.

Итошины были воодушевлены посланием императора и пообещали И'До, что при следующем переходе будут идти быстрее, чем могут.

– А что с правителем? – поинтересовался До'Эйве и потом уже понял, что, возможно, этот вопрос не следовало задавать при всех, но было поздно, – Император смог убедить иные народы? У Долины будет единый правитель?

– Будет, – сухо кивнул И'До.

8

До'Эйве был третьим дежурным. Он проспал до зорьки, а после принял пост от Лири, которая прошлым вечером прошла посвящение и стала полноценным воином. Юная девушка-воин до сих пор пребывала вне себя от счастья и, похоже, была готова остаться дежурной на всю ночь, и даже на следующую.

Но эмоции эмоциями, а отдых был необходим. И'До придерживался чёткого графика дежурств.

Первым делом До'Эйве подкинул дров в костёр, после искупался в бодрящей воде Кавы. Он поставил на огонь котелок с водой и пряными травами, после отошёл к плодовым деревьям нарвать фруктов себе и своим товарищам. Он стоял в просторных чёрных одеждах, без брони. Только меч свисал с его пояса.

До'Эйве оттянул свою рубашку, собирая в неё всё новые и новые фрукты. Вдруг из кустарника на него устремилась тень. Воин отпрыгнул назад, рассыпав фрукты. В предрассветных сумерках хорошо различался человеческий силуэт.

– Кто ты?! – грозным голосом спросил До'Эйве. В ответ раздался нечленораздельный звук, больше похожий на рык.

Демон! Демон, принявший человеческий облик!

– Тревога! – закричал он что есть мочи, выхватил меч и съёл странному существу голову. Тело того рухнуло назад в кусты.

Из предрассветной полумглы стали появляться новые и новые фигуры. До'Эйве бросился в атаку. На подмогу ему уже бежал И'До. Следом Тодо и Ган-Иолай. А дальше и остальные. Суровая жизнь закалила итошинов. Спросонья броситься в битву было вполне привычным делом.

Раздался неистовый крик – стало понятно: в бой бежит а'джо'ган. Воины расступились в разные стороны, а Джо врезался в тёмные силуэты, разметав тела в разные стороны.

Демонов было очень много, однако все они были столь медлительными и неповоротливыми, что итошины быстро перебили их.

И тут из-за холма брызнули первые лучи солнца, осветив недавнее поле боя. Каково же было общее удивление, когда воины увидели, с кем сражались.

– Это люди! – воскликнула Биу.

И'До склонился над одним из трупов и внимательно осмотрел его.

– Причём мёртвые! – заявил командир отряда.

– Мёртвые... конечно же... Ведь мы их убили! – До'Эйве сначала не понял, что хотел сообщить им И'До.

– Нет! – удоган обернулся к своим воинам. Его суровое побледневшее лицо выражало тревогу, – Сюда! – махнул он До’Эйве.

Юноша также склонился над трупом. Вероятно, когда-то это был мужчина средних лет. Сейчас же – распухшее тело с бледной кожей зеленоватого оттенка, избитым лицом и белёсыми глазницами без зрачков. Итошинский меч разрубил поверженного почти надвое в районе пояса. И сейчас из-под огромной раны лужей вытекала вязкая чёрная жижа, никак не похожая на кровь.

– Все они умерли давно! – констатировал И’До.

– Ожившие мертвецы?.. – неуверенно шепнул кто-то.

Но все и так всё прекрасно видели. Вот только не понимали, как подобное возможно.

Вот тебе и беззаботная жизнь в Долине!

По коже бесстрашного До’Эйве пробежал холодок.



Глава 3. ИЗ ДЕБРЕЙ К СВЕТУ

*Лось ходит по прямой, переступая с соты на соту,
в любом направлении на любое количество шагов.
Останавливается в той соте, в которой съел фигурку.
Лось – единственный, кто не может съесть жуку.*

Из правил народной игры ведичей «Щука»

1

Над непроходимой стеной деревьев показался ярко-красный полукруг утреннего солнца. Его лучи моментально окрасили тёмно-зелёные верхушки острых вековых елей в огненный цвет. Побежал огонь и по маленьким лесным речкам, по цветущим полянам... Стало светлее даже в самых-самых тёмных чащах, где могучие хвойные кроны образуют под небом грузный купол, накрывая им своё потаённое тёмное царство. Но шустрые лучики зари сейчас проникли и туда! Находили маленькие щёлочки среди плотной листвы и иголок и залетали внутрь, делая жизнь в угрюмых дебрях чуть веселее.

Отступало время дымки и тьмы, тёмное страшное время, время ужасных шестипалых чудищ. Каждый ведич знает: запри свой дом на ставни плотнее, а не то шестипалый придёт ночью и утащит тебя сначала в тёмную чашу, а затем в подземную нору – и всё! Пропал! Не помогут ни сабры, ни медведи! Шестипалые их не боятся. А как проснулся – отвори все ставни, запусти в свой дом свет да выйди, отблагодари Мать-Природу за то, что сберегла тебя этой ночью и отпугнула чудищ.

Сва-Иолэдэ {у ведичей Город Святой Зари, для некоторых чужеземцев просто Святозар} встречал новое утро. Есть легенды, что давным-давно предки ведичей долго шли к этому месту из Долины Предков. Пробудившись в утренних сумерках, они снова двинулись в путь и вышли на огромную лесную поляну. А из чащи напротив на поляну вышло иное, неведомое племя, называвшее себя народом вед. И когда старейшины племени подошли друг к другу, над лесом взошла красная заря. Такая яркая, такая прекрасная... «Это знак свыше», – поняли старейшины. Сама Мать-Природа давала указания своим детям. С тех пор два племени объединились в единый народ, имя которому стало ведичи. А около поляны был заложен Город Святой Зари.

Город построен на деревьях. На толстых ветвях стоят дома семейств, а сами деревья соединены между собой подвесными мостками.

Народ ведичей чтит Мать-Природу. Не рубит леса, не выжигает траву, не ломает ветви на кустарниках. Зрелый плод падает в руки сам! Если лес хочет избавиться от лишних ветвей, лишних стволов, то налетает сильный ветер и делает своё дело. Вот тогда и иди собирать: и хворост для огня, и ягоды с плодами, и ветви да брёвна для укрепления жилищ или поделок, посуды, амулетов, дощечек для писания. Так же бережно нужно относиться к травам... Вырастил кустик себе по пояс – аккуратно срежь веточку так, чтобы тот мог расти дальше. А то, что срезал, уже либо в похлёбку, либо на нити и ткани.

Ведичи – искусные мастера. Любят красоту... Одежды их расшиты различными цветами и узорами. Ходить в грязном для ведича – позор! Природа дала лесные реки и озёра для питья и омовений, значит, следует быть чистоплотным. Ведичи записывают на деревянных дощечках премудрости, рассказы и стихи о красоте своих лесов, но не ведут счёта времени.

2

Фаолабр, или просто Фао, всегда благодарила Мать-Природу за то, что родилась в столь красивом и удивительном лесу. Она была счастлива, что живёт среди своего народа, мудрого, доброго и трудолюбивого. Однако ничего не могла поделать со своим непоседливым характером, ругалась даже со старейшинами. Когда спрашивала об иных землях, те прямо затыкали ей рот. Говорили, мол, нельзя о них даже разговаривать!

Но почему?

Вот на это ответа не было. Фао иногда не сдерживала эмоций. А грубить старейшине так же неприемлемо, как и причинять вред Природе. Фао часто наказывали за её любознательность. Тогда уже приходилось мириться с местным бытом и нравами.

Этим утром Фао проснулась рано, лишь лучики рассвета ударили в маленькое резное окошко, закрытое плоским прозрачным слюдяным камнем. Такими был сплошь усеян противоположный речной берег. Когда красный лучик падает на такой камень, тот сам становится маленьким светилом и умножает солнечный свет. Фао вышла из своего домика, что был сплетён на ветвях огромной ели, принадлежавшей её семейству Серых Куниц.

Старейшины ведичей всегда жили в корнях дерева. Ибо старикам сложно перебираться с ветки на ветку, даже если они сохранили умение обращаться рысью или белкой. Кто покрепче и помоложе, кому ещё не исполнилось шесть раз из шести раз по шесть лет, живут на толстых ветвях в основании дерева. Выше – кто только-только прошёл обряд инициации. А на самых высоких ветвях – совсем юные и лёгкие, чей первый жизненный круг ещё не пройден.

Фао исполнилось два раза по шесть лет, и ещё два года. Шёл третий малый круг инициации. Фао уже умела обращаться в мелких зверушек, но кем станет, когда первый круг завершится – ещё не решила. Среди диких лесных жителей у неё было много друзей, но становиться похожей на них ей не хотелось.

Лёгкими движениями, цепляясь за ветки, слегка раскачиваясь и спрыгивая всё ниже и ниже, Фао спустилась вниз. Уже на самой толстой ветке она не удержалась – поехала нога. Утренняя прохлада лишила смолу вязкости, сделав её твёрдой и скользкой. Фао спикировала вниз, упав на крышу нижнего домика, покрытую плотным слоем мха.

Изнутри раздался визг, потом злобное хрюканье, после слетело несколько ругательств на староведическом, а уже в конце пошли стоны и кряхтения.

– Прости, прапрадедушка! – сразу же извинилась Фао. Видимо, прапрадедушка, забывшись, снова уснул кабаном, но лишь пробудился, сразу же обернулся человеком и уже тогда почувствовал боль.

Но прапрадедушка крепкий. И добрый. Не будет держать зла!

Семейства ведичей хранили свои названия только для родословной. Например, в семействе Фао в куниц уже давно никто не обращался. Однако название осталось. Так же было и с другими: Хвойными Тетеревами, Белыми Волками, Рыжими Сабрами, Болотными Енотами и прочими...

Фао сходила в Чистую Рощу и там воздала хвалу Матери-Природе за спокойную ночь и прекрасное утро. После взяла котелок и натаскала в корыто воды из озера. Собрала хворост в лесу. Сегодня в Чистой Роще ей довелось оказаться первой, потому ей достались самые длинные и самые толстые ветки.

Вот родители порадуются! Может быть, и перестанут сердиться за то, что поругалась со старейшиной Анолимом три дня назад.

Затем опять взяла корзинку, отправилась в Ягодную Рощу.

И опять я первая! Вот же как спать все любят!

Черника ещё не налилась густым цветом, а вот земляника поспела в самый раз. Фао потрясла кустики, и розоватые крапинки сами стали сыпаться в её торбу. Уже совсем скоро она оказалась заполнена ароматными ягодами. Их запах так и бил в ноздри. Горсточку Фао съела сама – вот и позавтракала! Больше трясти кусты не стала: нужно оставить и другим семьям.

Какими бы ленивыми они не были, а всё же соплеменники.

Фао отнесла ягоды к подножью своей ели. Из-под корней опять доносился кабаньих храп.

Ох уж этот прапрадедушка! Совсем стал рассеянный!

Теперь остаток утра была свободен, и Фао могла посвятить его общению со своим другом. Она быстро пробежала мимо Чистой Роши, перепрыгнула Ледяной Ручей, проскакала через Буераковую Даль и оказалась в Медвежьем Перелеске. Она подошла к большой коряге и стала звать:

– Нуко! Нуко, я пришла! Нуко! Ну, где же ты?!

Наконец, из-под коряги послышалось сопение, и на свет вынырнула пушистая мордочка крупного медвежонка. Нуко втянул ноздрями утренний воздух, фыркнул и уже после этого вылез весь. Медвежонок оказался крупнее Фао.

– Растёшь не по дням, а по часам! – изумилась девочка, – И ты тоже, получается, у нас лежебока! Я вот уже давно встала! Я соскучилась, Нуко, – тут Фао обняла Нуко за мохнатую шею и принялась ласково трепать за загривок. Довольный медвежонок весело зарычал.

Фао любила медведей. Особенно пока они оставались маленькими.

Они же такие милые и забавные!

Правда, у взрослого медведя много дел и забот, уже становится не до игр. Однако чуть ли не половина взрослых особей Медвежьего Перелеска всегда узнавали Фао и оказывали ей внимание: облизывали руки или катали на спине.

Тавры, соседи ведичей, покоряют волю животного и заставляют его работать на человека. Перевозить самих тавров, их грузы, валить лес... Ведичи считают тавров дикарями: те не уважают Природу и животных. Ведичи редко посещают тавров, а тавры ведичей. Однако когда караваны и посольства приходят друг к другу, оба народа соблюдают местные законы.

Несмотря на всю свою любовь к медведям, Фао не хотела становиться медведицей после инициации. Ведь медведи большие и толстые. А человеку после инициации начинают передаваться черты зверя. Фао же хотелось оставаться стройной и подвижной. Она могла бы быть оленем... *Но олени очень пугливые. Белкой? Белки ужасные! Шустрые, но глупые. Вдруг я тоже стану глупой? Сабры быстрые, ловкие, красивые и умные. Но они отвратительно воняют! А девочка должна пахнуть хорошо...* Вот Фао и вздыхала: уже идёт третий круг, а кем станет – ещё неизвестно. Но в одном девочка была уверена: какое бы звериное обличье ей ни выпало, она всё равно будет дружить с медведями!



Фао протянула Нуко свою ладонь с горсткой земляники:

– Это тебе! Я специально отложила, а сама съела меньше.

Радостный медвежонок за один раз заглотил все ягоды, а потом долго-долго облизывал руку Фао, ещё источавшую сладкий запах ягод.

После этого наступило время игры. Фао пыталась оседлать Нуко, а тот не давался, постоянно сбрасывая её. Один раз даже огрел лапой так, что Фао упала и увидела перед глазами красные круги. Но медвежонок, похоже, понял, что не рассчитал свою силу, подбежал и стал извиняться – облизывать щёки. Фао было очень щекотно, и она смеялась.

Внезапно кусты зашевелились, Фао вскочила на ноги.

Кто здесь? Явно человек!

Но тут же Фао увидела перед собой свою подругу Инаономос.

– Я знала, что найду тебя здесь, – запричитала та.

Инаономос {Ина} просто светилась от счастья. Глаза её горели сверкающими огоньками. Сразу стало понятно, что произошло что-то важное.

– Что? Что случилось? – Фао захотелось поскорее стать посвящённой в эту тайну.

– Ты не поверишь! Тавры! Тавры вернулись!

Вот это новость так новость! Тавры не приходили в Сва-Иолэдэ уже более трёх лет!

Когда спрашивала у старших, почему тавры так давно не приходили, получала в ответ в лучшем случае молчание, в худшем – оплеуху. Но гадать тут особо было нечего. И так ясно как светлый день, что у князя тавров случился очередной конфликт со старейшинами ведичей.

А вот что заставило тавров вернуться?!

– Где они? – спросила Фао.

– Их главный отправился со старейшинами к Тихой Заводи...

– Откуда знаешь?..

– Подглядела... – засмушалась Ина.

– Так ты предлагаешь... – Фао не закончила вопрос и улыбнулась.

Ина подмигнула ей... Подруги понимали друг друга с полуслова.

Они были чем-то похожи: у обеих острые носики, бегающие чёрные глаза и выпуклые щёки. Только у Фао волосы светлее и постоянный румянец на лице. Но самое главное, что объединяло подруг – это любознательность. Тяга к новому, тяга к открытиям.

Подслушивать чужие разговоры – плохо! Девочки знали это. Однако как же они могли пропустить возвращение тавров? Как могли не разведать тайну этого возвращения?

– Прости, Нуко! – Фао потрепала медвежонка за ухом, – Это очень важно! Тот повесил голову, явно обиделся. Не успел наиграться.

– Белками? – продолжая улыбаться, спросила Ина.

– Белками! – махнула рукой Фао.

Как же она не любила этих маленьких противных зверьков! За их вредность и за их глупость. Но... белки шустры и проворны, а когда нужно, ещё и бесшумны...

И вот два маленьких лесных грызуна уже во весь опор по земле и по веткам деревьев скакали к Тихой Заводи...

3

Фао и Ина высунули беличьи мордочки из листвы огромного ясеня и обратили свои взоры на поляну, где трое старейшин ведичей – Анолим, Сварод и Лиол-Номо – беседовали с огромным светловолосым тавром.

Главным старейшиной Сва-Иолэдэ и всех земель ведичей был Лисва-Фа. Он уже прожил полный жизненный круг шесть раз по шесть лет на шесть. Пошёл уже второй полный круг, где старейшина прожил четыре круга шесть раз по шесть лет и начал второй год пятого круга. Лисва-Фа был лисом. Когда обращался, даже зверь выглядел абсолютно немощным, с седым мехом вместо рыжего. Но Лисва-Фа был мудр... Хоть ему было тяжело, но здравый рассудок и светлая память не покидали старца никогда. По крайней мере, Фао так говорили старшие. Трое старейшин, что оказались на поляне, помогали Лисва-Фа, выслушивая его поручения, а затем излагая их остальным ведичам. Сейчас же им предстоял разговор с чужеземцем.

А того огромного тавра Фао узнала... Это был Доколмо-Леям. По лесным меркам, он был ещё совсем юн. Он прошёл только три полных малых круга по шесть лет, когда впервые появился в Сва-Иолэдэ. Но его внешний вид поразил местных жителей. Доколмо-Леям {Доко} был выше на голову самого рослого ведича, широк в груди и плечах. Волосы его были светло-жёлтые, заплетённые в маленькие косички. Когда Доко первый раз прибыл в Сва-Иолэдэ, подбородок его был ещё гол, теперь же оброс густой светлой бородой. Доко никогда не расставался со своим копьём, украшенным искусной резьбой. А теперь на нём красовались ещё и красные ленты. Копьё с красными лентами у тавров – признак власти. Значит, Доко за время своего отсутствия в Сва-Иолэдэ, многого добился на родине. Несмотря на молодость, занял какую-то важную должность.

Раньше он был послом князя тавров при Сва-Иолэдэ. Однако пропал на три года, как только ведичи и тавры внезапно прекратили торговое сообщение. Теперь же вернулся...

Ах этот Доко!

Фао просто не могла не восхищаться молодым могучим тавром.

Она стала вслушиваться в разговор. К счастью, старейшины их не обнаружили. Наверняка те уже спросили у Матери-Природы, не наблюдает ли кто за ними из крупных зверей, не подслушивает ли... А вот то, что прямо над ними сидят дети, обратившиеся в маленьких белочек, старейшинам в голову даже не пришло.

– Нам лестно, юный Доколмо-Леям, что ты вернулся в наш город, – неторопливо говорил Сварод, – Ты знаешь, что ты здесь всегда желанный гость и друг народа ведичей. Какого бы

мнения ни придерживался почтенный князь тавров Нойедэ-Оумо-Вейле-Каул, это не повлияет на нашу дружбу с тобой. Дружбу не как с иноземцем, но как с человеком.

– Благодарю, почтенный старейшина Сварод, – вежливо ответил Доко.

– ...Но чтобы не томить тебя долгое время, мы сразу же ответим честным отказом! – закончил Лиол-Номо.

– Но я просил у вас разрешения поговорить с верховным старейшиной Лисва-Фа! – не унимался Доко.

– Увы, это невозможно! – Анолим был непоколебим, – И если ты действительно хочешь выказать ему своё почтение, то я попрошу тебя не тревожить его седины... Старейшина Лисва-Фа слишком слаб. Мы обязательно расскажем ему о встрече с тобой. Но неужели ты думаешь, что он действительно может сказать тебе нечто иное, нежели мы?

– Я лишь прошу, чтобы вы отправили единственный караван в Долину! – Доко почти умолял... – Единственный!

Караван в Долину! Караван в Долину! Караван в Долину!

Беличье сердечко Фао стало бешено колотиться, а в голове стучали только эти слова.

С чего бы? Зачем Доко просить об этом ведичей? Ведь наш народ никогда не выходит из леса!

О подобном в Сва-Иолэдэ можно было и не грезить! Посетить лес тавров – предел мечтаний для любого любознательного ведича! А тут Долина! Фао чуть не потеряла контроль над собой и не обернулась назад человеком. Сколько сразу она себе сразу нафантазировала... Ведь много шанса, пожалуй, больше не будет...

Доко, пожалуйста! Уговори старейшин!

– Ведичи чтут свои традиции! – уже грубым голосом продолжил Лиол-Номо, – Мы считаем, что отправлять кого-то из нашего народа в Долину неприемлемо. Ведичи, прошедшие инициацию, созданы для того, чтобы жить в лесу!

– Тогда отправьте тех, кто ещё не прошёл инициацию! – настаивал Доко.

После этих слов Фао поняла, что окончательно теряет свою волю. Она заскользила коготками по стволу вниз, чтобы оказаться на земле. Ина – за ней. Кажется, подруга испытывала похожие чувства.

Ещё бы!

– Ты хочешь забрать у нас наших детей, Доколмо-Леям?! – гневно вскрикнул Анолим, – Детей! Уж не напомнить ли мне про шестипалую богиню смерти?!

– Вы не можете так говорить! – вспылил Доко, – Вы поклялись! Не забрать, а привести в Долину! Ведь Элино́р – это наш общий дом! Дом восьми народов!

А тем временем чары обращения уже окончательно теряли свою силу, и Фао поняла, что нужно бежать со всех ног, пока их не вычислили.

– Кто здесь?! – вскрикнул Сварод, – Ведичи! Нас подслушивали...

Но белки уже вовсю бежали прочь, только у Медвежьего Ручья снова обернувшись человеческими девочками...

4

Уже отдышавшись и вспомнив последние слова из услышанного разговора, Фао поняла, какую страшную клятву сейчас нарушил старейшина Анолим...

У тавров и ведичей общая история. Тавры вышли из ведичей.

Где здесь предания, а где реальность – разобрать сложно, но легенды ходили такие.

Однажды в лес Докол-Мо забрела шестипалая женщина. И все очень испугались. Ведь известно: шестипалые – вестники смерти. Приходят они ночью, в страшном обличье... Но эта женщина была невероятно красива и пришла днём. И ведичи спрятались на вершинах дере-

вьев, ибо не могли ничем её сразить. Оружие горело в их руках, конечности немели, а взгляд её лишал рассудка. Тогда ведичи поняли, что к ним пожаловала сама смерть! Они стали молить Мать-Природу, чтобы смерть покинула Докол-Мо. И природа помогла им... Однако за страшной женщиной ушли несколько семей. Ушли в леса Нанол-Мо, места не столь дикие и потаённые, куда порой забредали и люди из Долины. Так появился народ тавров...

В Докол-Мо сначала этот народ называли Проклятым. Однако постепенно стало понятно, что тавры не сделались прислужниками смерти и остались людьми. Ведичи стали общаться с дальними собратьями, простив им их заблуждения. Тавры также поддержали общение с ведичами. Хотя все прекрасно знали, что тавры продолжают поклоняться самой смерти, которую прозвали Айдуэн.

В какой-то момент, опять же, как говорят предания, старейшины ведичей решили, что пришла пора избавить родственный народ от чёрных чар. Отряды из самых сильных и самых ловких мужей отправились в Нанол-Мо, чтобы убить шестипалую богиню смерти. Однако они ещё не знали, какой мощью Она наделила тавров!

За время поклонения Смерти тавры стали терять связь с Природой, они уже не могли обернуться дикими зверьми. Однако их физические силы умножились в несколько раз...

Тавры убили всех собратьев-ведичей, что шли освободить их от гнёта. А после сами вторглись в Докол-Мо и осадили Сва-Иолэдэ. Город пал... Тавры заставили старейшин ведичей дать Клятву Вечной Дружбы.

Согласно ей, ни один тавр не мог убить или даже ударить ведича, и наоборот. Но ведичи также поклялись, что не будут больше именовать Айдуэн богиней смерти и не посмеют причинить ей вреда. Сами же тавры поклялись, что Айдуэн никогда не посягнёт на лес Докол-Мо...

Фао не очень верила в рассказы о шестипалых, да и вообще в существование этой Айдуэн. Однако знала одно: мудрый старейшина Анолим сейчас нарушил клятву... Священную Клятву!

Именем их мудрецами, а ведут себя, как безумцы!

Действительно, после подобных слов, что являлись клятвоотступничеством, мог зародиться уже куда более крупный конфликт.

Так и до войны недалеко!

Фао надеялась, что Доко не допустит этого и поведёт себя мудрее, чем старейшины её народа, за которых ей самой стало стыдно.

5

Фао и Ина вернулись в город. На расспросы взрослых, где они были, уже существовал ответ. Они играли в Медвежьем Перелеске с Нуко. К тому же, это было абсолютной правдой. А вот знать о том, что они ещё белками подслушивали разговоры старейшин, никому не требовалось.

На гостевой поляне паслись два огромных лося и мирно дремал чёрный медведь просто исполинских размеров. Два таких же молодых, как и Доко, тавра неподвижно стояли возле животных. Один был невероятно могуч, с длинными вьющимися волосами и крупным лицом. В огромных ручищах он сжимал рукоять боевого молота, опустив сам груз на землю. Второй тавр был чуть выше, но гораздо стройнее. В груди и плечах он не был столь широк, зато был жилистым и поджарым. Из-за пояса у него торчал длинный меч, с другой стороны был воткнут топор. Из сапог торчали рукояти метательных ножей. Лицо его было сосредоточенным и суровым, однако в глазах читалась доброта. Волосы были светлыми, чуть темней, чем у Доко, слегка вьющимися...

Фао задержала на нём взгляд. Засмотрелась. Тавр заметил внимание и слегка улыбнулся ей.

Мальчик-ведич с соседней от Фао ели по имени Моолвуль бегал вокруг огромных, больше его раз в шесть, чужеземцев и задибал их язвительными кричалками. Тавры же никак на него не реагировали, стоя неподвижно, без малейших эмоций на лицах. Таковы были ведичи: не любили пришлых! Раздался крик матери Моолвуля. Звала домой...

Если ещё кто-то и интересовался гостями из соседнего леса, то наблюдал за ними с большой осторожностью, из-за кустов и деревьев.

Внезапно медведь проснулся и громко-громко зевнул. Фао отвела взгляд от молодого тавра и его младших собратьев и посмотрела на крупного зверя. Её тут же осенило.

Это же Кешо!

– Кешо! Кешо! – радостно закричала Фао и побежала к медведю, Ина за ней.

– Это медведь нашего командира Доколмо-Леяма! – высокий тавр, понравившийся Фао, попытался её задержать. Здоровяк же с молотом даже не дёрнулся.

Но медведь уже узнал Фао, поднялся на четыре лапы, бросился к ней и стал облизывать. Один его язык был размером с полруки девочки. Она попробовала погладить его по носу, в ответ медведь чихнул, обдав её не очень приятными брызгами.

Сама напросилась!

– Я узнал тебя! – раздался голос за спиной, Фао обернулась и увидела Доко. Он был хмурым и мрачным. Но, глядя на неё, пытался улыбаться, – Ты сильно расстроилась и плакала, когда ведичи отдали мне его.

Тут Фао вспомнила всю историю Кешо. Медведю было около двух лет, а он уже вырос до невероятных размеров. Доко, тогда прибывший в Сва-Иолэдэ с очередным посольством, поразился мощи огромного чёрного медведя. Как оказалось, он тоже очень любил этих животных, только ездил на них верхом.

Когда старейшины спросили Доко, какой подарок он хочет получить в знак дружбы с ведичами, то тавр попросил этого медведя. Старейшины согласились с одним условием: Доко не должен был ломать его волю. Когда тавр подошёл к Кешо, то медведь лизнул его руку. А после дал добровольно себя оседлать... Доко уехал верхом на Кешо без седла и уздечки.

А Фао, тогда ещё совсем маленькая, плакала. Ей было грустно, что Кешо променял её и лес Докол-Мо на молодого тавра.

– Ты хорошо заботишься о Кешо? – Фао попробовала начать разговор серьёзно.

– Его теперь зовут Кешол-Ирайк! Мы с ним хорошие друзья...

– А мы знаем, почему ты такой грустный... – неожиданно выпалила Ина.

– Не обижайся, пожалуйста, на наших старейшин... Не все ведичи такие! – Фао, если уж на то пошло, решила сказать и это.

Доко тут же оглянулся на своих тавров, но те стояли не шелохнувшись, а затем поманил девочек в сторону. Фао и Ина пошли за ним.

– Значит, нас действительно подслушивали... Вы?

Фао и Ина виновато кивнули головами.

– Делайте вид, что ничего не знаете! – строго приказал он.

– А мы бы хотели в Долину... – вздохнула Фао.

– Если бы нас отпустили... – добавила Ина.

– Я бы тоже хотел... – задумчиво проговорил Доко.

– А что случилось? – спросила Фао.

– Уже не важно.

– Важно! Скажи! Тебя же за этим послали к ведичам!

– Долина опустела... – немного подумав, ответил Доко, – В какой-то момент люди просто пропали из неё. Правители Элино́ра посчитали, что все восемь народов должны принять участие в том, чтобы вновь заселить Долину и вообще выяснить, что за напасти приключились там.

– Вот это да... – Ина стояла с открытым ртом, – А возьми нас! – вдруг резко предложила она.

У Доко округлились глаза:

– Вы хотите войны между ведичами и таврами?! Старейшины же не отпускают вас!

– Не отпускают... – снова вздохнула Фао.

– А тогда скажи хотя бы, как можно попасть в Долину?! – лукаво спросила неунимавшаяся Ина.

Повисло молчание. Фао понимала, что подруга перешла все возможные границы. Доко и так уже был не в настроении, а тут ещё они со своими глупыми расспросами. Но тавр отреагировал на просьбу Ины весьма спокойно. Прикрыл глаза, тяжело вздохнул. А потом сделал им навстречу ещё один шаг и обратился к подруге:

– Дай левую ладонь...

Ина протянула свою маленькую ручку, огромные пальцы тавра взяли её, перевернули ладонью вниз и отвели большой палец чуть в сторону, в направлении Серых Терний.

– Как зайдёте в чашу, – сказал Доко, – Встаньте перед моховой шапкой на любом дереве... Указательный и средний палец должны быть направлены точно по направлению, как растёт мох. А большой будет показывать куда идти. Вот! Запомни, насколько его нужно отогнуть. Если не собьётесь с пути, на двадцатый день достигнете огромной реки Кавы, а дальше ступайте вдоль её берега вниз по течению.

– Спасибо, Доко! – выпалила Ина, явно не ожидавшая, что тавр выполнит её просьбу.

– Только что бы ни случилось, не смейте говорить, что дорогу подсказал вам я! – почти рявкнул тавр с небывалой строгостью. Но это было лишнее: Фао и Ина тут же заверили его, что исполнят наставление.

– А ты сам отправишься в Долину? – спросила Фао.

– Сейчас же! Только прямым путём, – ответил Доко и полез на спину Кешол-Ирайка. Тавры-помощники стали седлать лосей.

6

Девочки, грустные, шли по полянам Сва-Иолэдэ.

И всё происходящее вокруг совершенно не радовало их глаз. Тавры ушли, и жизнь вернулась в прежнее русло. Зеваки, тайком поглядывавшие на гостей, уже давно попрятались в дома на своих деревьях.

У ели, где жила Фао, её прапрадедушка, на которого она утром так бесцеремонно упала, играл в гурру со своим товарищем примерно тех же лет.

Гурра {Щука} – народная игра ведичей. Отражает природную гармонию мира. Шесть – священное число, шестиугольник – идеальная форма. На игровом поле в виде шестиугольника, поделённого на более мелкие шестиугольники наподобие пчелиных сот, стоят шесть белых и шесть чёрных фигурок: медведь, филин, лось, орёл, сабр и лиса. Задача – съесть фигурки противника. Но иногда из проруби может всплыть щука и поменять расклад сил на поле.

Чем старше ведич, тем больше он любит играть в гурру... Не любишь играть в гурру – считай, проведёшь старость в одиночестве. Целыми днями игроки гремят костями и переставляют фигурки по полю. Год за годом, круг за кругом жители леса Докол-Мо оттачивают своё мастерство в игре.

Один раз Фао сказала, что считает игру в гурру пустой тратой времени. Ох, как она была наказана! С тех пор она просто возненавидела эту традиционную забаву.

А старики всё сидели, задумчиво глядя на шестиугольную доску, иногда медленно передвигая дрожащими пальцами фигурки...

Фао огляделась вокруг.

Дородная ведичанка, медведица, толкла в ступе ягоды. Рядом с ней в сени дуба сидела ещё одна, моложе и гораздо стройнее, лань, и вышивала узоры на рубашке. Двое мужей плели большой гамак и готовили настил для нового подвесного моста между деревьями.

И тут у Фао на глазах выступили слёзы, она поняла, что подобную картину она будет видеть всю свою жизнь.

Да, лес Докол-Мо невероятно красив. Да, у неё есть мохнатые друзья в медвеьем перелеске... Но ничего, *ни-че-го* больше не поменяется в городе Сва-Иолэдэ, разве что явится новое посольство от тавров или забредёт путешественник-исследователь из Долины.

Как же всё это надоело! Жить на свободе, только мнимой. Жить так, как велят старейшины — старейшины, что нарушают священные клятвы, что ставят предрассудки выше разума! Слушать сказки про шестипалых, хотя шестипалых никто никогда и не видел. Наблюдать, как старики играют в гурру и делать вид, что наслаждаешься этим зрелищем. Получать взбучку за любознательность! Получать лишь оплеухи вместо ответов на вопросы! Вот он какой, лес Докол-Мо!

– Слушай, – Фао посмотрела на Ину; слёзы вмиг пропали, а голос стал уверенным, – А ты спрашивала у Доко про путь в Долину на полном серьёзе?

Взгляды подруг встретились. Глаза Ины опять блеснули тем самым огоньком. Девочки вновь поняли друг друга с полуслова.

7

Сваол-Ней была не такая бойкая, как Фао и Ина. Но не менее любознательная. Однако своё влечение к открытиям скрывала. С подружками секретами делилась, а при родителях и пращурах, и уж тем более при старейшинах, держала рот на замке. Зато Сваол-Ней много читала и много знала. Если к кому и нужно было идти за советом, то только к ней.

Сваол-Ней внимательно выслушала подружек и покачала головой.

– Вы обезумели! Вы обратились в белок и после этого стали мыслить, как белки! Примитивно! Как так?! Просто взять и уйти! Как вы себе это представляете?! – она разгорячалась всё больше и больше.

– Просто взять и уйти! – глядя ей в глаза, заявила Фао. Хотя сама стала понимать, что их затея безумна, – Никто же не пробовал...

– И Долина... – добавила Ина, – Туда же зовут все народы... Пусть мы идём вразрез с мнением старейшин, но ведь мы выполняем волю... э-э-э... всего Элинора...

– Конечно... – насупилась Сваол-Ней, – Весь Элинол вот взял и стал упрашивать ведичей идти в Долину.

– Так ты не с нами?! – поставила вопрос прямо Ина.

Сваол-Ней замолкла, повесила голову, а потом выдала ответ, которого Фао уже и не ждала:

– С вами!

Радостные Фао и Ина принялись обнимать подругу, а когда эмоции чуть утихли, разом спросили:

– Ну и как нам это лучше сделать?..

Сваол-Ней изменилась в лице.

– Значит, пришли, чтобы я сама за вас всё придумала?!

– Ну, ты же главная выдумщица у нас... – виновато заметила Фао.

– Нужно сначала понять, кто ещё готов уйти, – заявила Сваол-Ней.

– Но чем больше нас будет, тем нас легче будет поймать... остановить... – предположила Ина.

– Как ты можешь такое говорить! – возмутилась Фао, – Может быть, кто-то тоже давно мечтает увидеть другие народы, увидеть Долину. Тогда мы поступим нечестно не только по отношению к родителям и старейшинам, но и к нашим единомышленникам!

– Ладно-ладно... Давай так! – смутилась Ина, а Фао успела поразиться собственному красноречию.

– А вообще нам нужен кто-то более старший, более опытный, кто знает Общий Язык! – снова стала рассуждать Сваол-Ней, – Как мы пойдём в Долину, не зная языка?

– Точно... – согласилась Фао. Они с Иной даже и не подумали об этом.

– Но ведь говорят, что те, кто уже прошёл инициацию, не смогут жить вне Докол-Мо, – начала Ина, – Да и вообще, вряд ли кто-то из старших согласится нас поддержать... А никто из молодых не знает Общего Языка.

– Вей-Лея! – вспомнила Фао, – Вей-Лея знает Общий Язык!

Вей-Лея была ещё достаточно молода, лишь на пять лет старше девочек. Однако уже успела побывать у тавров, где обучилась говорить на Общем Языке, правда, по её собственным словам, совсем чуть-чуть. И знали про это немногие... Вей-Лея свои умения скрывала.

– Действительно, Вей-Лея сможет помочь... – обрадовалась Сваол-Ней, – Значит, делаем так: сейчас каждый из нас пойдёт по своим знакомым и предложит тем, кого считает подходящим для побега, отправиться в путь... Уходить нужно прямо сегодня! Ночью! Вы же не верите в сказки про шестипалых?!

– Нет! – Фао и Ина покачали головами. Хотя на самом деле, чёткого ответа на этот вопрос пока что не могли дать даже самим себе.

– А другие верят! Кто не испугается, тот и с нами! Нас хватятся на рассвете, значит, есть шанс убежать далеко... – закончила Сваол-Ней.

– Хорошо, встречаемся у Вей-Леи с последним закатным лучом! – объявила Фао.

8

Сначала Фао поспешила к Номесдесолдоку {Номе}, будучи уверена, что он точно не откажется вступить в их общество заговощиков. Номе через полтора года должен был пойти на третий малый круг, относительно девочек он был взрослее. Он имел пронзительный взгляд и необычные зеленоватые волосы оттенка еловых иголок. Номе прослыл любимцем среди сверстников, а девочки так вообще восхищались им. Яркий, инициативный, творческий, обладающий особым обаянием. Вот уж кто-кто, а он явно родился не в том месте. Как и ожидала девочка, Номе сразу согласился на авантюру с походом.

Номе в свои годы очень сильно преуспел в искусстве перевоплощения. Он уже умел обращаться в хищных животных. До медведей и волков, конечно, было далеко, но вот принять облик лисицы или сабра мог спокойно.

Фао была очень близка с Номе, тот приходился ей одним из лучших друзей. Настолько близким по характеру, по духу, по интересам, что Ина даже ревновала к нему свою подругу.

Номе не задавал лишних вопросов и даже не поколебался перед столь ответственным шагом. Сказал: «Да!» и уточнил время, когда они должны собраться на Запретной Поляне.

Условленное время было – восход полной луны в наивысшей точке.

Поговорив с Номе, Фао отправилась к Комос. Комос – потомственная ведунья. Среди сверстников в знании трав и приворотов ей не было равных. Ей на роду было написано стать лучшей знахаркой Сва-Иолэдэ. Только мечтательная Комос желала от жизни чего-то большего... И Фао предоставила ей этот шанс.

Комос, тихая и немного робкая, не была столь категорична, как Номе. Однако Фао сразу же заявила, что не собирается её уговаривать, а времени на подготовку остаётся в обрез. Комос, вздохнув, сдалась. Сообщила, что присоединится. Было видно, что расставание со Сва-

Иолэдэ дастся ей тяжело. Однако по пронзительному взгляду темноволосой девочки стало ясно, что своего решения она не поменяет.

Следующим был Докомол-Ильдас. Тот мечтал стать ремесленником. Руки у него были просто золотые. Мастерил всё: от ложек до красивейших амулетов. Ходил в любимцах у старейшин. Только Фао показалось, что своей активностью он точно не подходит для жизни ведичей. Докомол-Ильдас сначала испугался предложения Фао. Та приготовилась уходить, но молодой ремесленник неожиданно поменял решение и с уверенностью заявил, что придёт на Запретную Поляну.

Фао поражалась, с какой лёгкостью её сверстники соглашались на столь ответственный, столь авантюрный шаг.

Как можно? Жить долгие годы, не меняя своего образа жизни, хранить традиции, придумывать законы и учения... А потом вдруг одно слово, одно событие напрочь меняет привычный уклад... Оказывается, все наши сверстники, все, кто молод, даже ещё совсем юн, желают уйти! При том, что каждый из нас чтит своих предков, любит родителей, любит всю свою большую семью... уважает старейшин. Хотя нет! По поводу старейшин вопрос спорный... Не только у меня есть мнение на этот счёт. Так может, всё из-за них? Может быть, если бы не эти суровые, а порою просто глупые, законы, эта постоянная закрытость, мы бы не хотели покинуть Сва-Иолэдэ так рьяно?

Ещё Фао переговорила с Айнурмо. Они никогда особо не дружили, но имели один общий интерес – медведей. Айнурмо после инициации хотел стать медведем и вообще находил этих животных верхом силы и совершенства. Однако сам превратиться в медведя пока не мог... Да и вообще мало кто из молодых, к слову, мог это сделать. Чтобы стать медведем, ведичу требуются характер, терпение, воля, сосредоточенность и опыт. А мало того, что Айнурмо был на год младше Фао, так ещё и отличался небывалой рассеянностью.

Айнурмо сразу отказался, и Фао не стала настаивать.

Последними в списке Фао были неразлучные подружки Лаол-Ямаль и Молайнур. С ними разговор получился ещё короче. Последовало резкое «Нет».

Фао даже пожалела, что доверила свой секрет такому большому количеству людей.

Нет-нет, да кто-то и проболтается взрослым. И тогда жди беды! Не видать уже Долины никогда.

Полная тревожных предчувствий, Фао поспешила к Камышовой Заводи, к домику Вей-Леи.

9

Родословная Вей-Леи шла из древнего семейства Камышовых Лисиц. Рождённая на границе с Нанол-Мо, она с детства общалась с таврами. Удивительно, но, будучи совсем ещё маленькой девочкой, Вей-Лея получила родительское разрешение посетить лес соседнего народа...

И как же на это отреагировали старейшины её деревни?

Возможно, именно поэтому Вей-Лея сейчас перебралась в Сва-Иолэдэ. Кто знает, может быть, её и вовсе не захотели принять назад бывшие соплеменники из родного поселения. Несколько лет жизни среди тавров покажутся любому ведичу достаточно странным обстоятельством.

По городу упорно ходили слухи, что Вей-Лея знает Общий Язык и даже сильна в торговом ремесле, что, проживая вместе с таврами, она общалась со странными людьми, приводившими караваны из пустынь... Что такое пустыня, Фао так и не смогла понять. Судя по описаниям, огромная поляна без деревьев и травы, где очень-очень жарко.

И как тогда на таких полянах жить? Говорят, что в пустынях обитают люди с цветом кожи коры старого дуба и ездят они верхом на жирных лосях без рогов, зато с огромными горбами. Да мало ли каких небылиц могут горлопаны напридумывать, пусть лучшие Вей-Лея сама всё расскажет!.. По дороге в Долину!

Над лесом раскинулся закат. У домика Вей-Леи Фао уже ждали Ина и Сваол-Ней.

Вей-Лея приняла их радушно, но не стала скрывать удивления от прибытия неожиданных гостей. Девочки прошмыгнули в уютный домик из тростника и глины, действительно похожий на лисью норку. Да и сама Вей-Лея имя своего семейства полностью оправдывала. Небольшого роста, с красивыми выющимися рыжими волосами, тёмными глазками и доброй улыбкой.

Наверное, здесь и думать не нужно, кем стать после инициации.

Вей-Лея выслушала девочек. Улыбка исчезла с её лица, а игривый взгляд сделался задумчивым.

– Вы понимаете сами, что хотите сделать? – со строгостью спросила она. Вей-Лея была ненамного старше девочек, однако по её виду сразу было понятно, что жизнь успела преподать ей много печальных уроков, – Видимо, нет! – продолжила Камышовая Лисица, – Вы хотите нарушить запреты, что чтились веками! Вы собираетесь отречься от своих семейств... Дороги назад не будет!

Девочки молчали. Наконец, Фао робко сказала.

– Но ведь и жизни здесь теперь не будет тоже...

Вей-Лея грустно улыбнулась...

– Я поведу вас! – сказала она, – Старейшины моего племени уже прокляли меня, и от проклятия старейшин Сва-Иолэдэ ничего не изменится. Однако знайте: будет трудно! Невообразимо трудно! И наказание всем нам в случае провала будет страшным...

10

Придя на Запретную Поляну, Фао опешила. Там она обнаружила и Лаол-Ямаль, и Молай-нур, и Айнурмо, которые сначала наотрез отказались покидать Сва-Иолэдэ. Те же объяснили ей, что взвесили все за и против и всё-таки решили променять лес ведичей на нечто большее. Такому повороту событий Фао была приятно удивлена...

...Зато разозлилась на Сваол-Ней. Та позвала совсем ещё детей – Периовуля, Моолвуля, Маямолайва, Молсабра и даже совсем маленького Буку. Сваол-Ней лишь развела руками:

– Ну они же хотели!

– Они ещё не понимают, чего хотят! – Фао кипела от злости. Но отступить уже было нельзя. Либо рискнуть и идти даже таким отрядом, либо остаться и ждать, что их заговор рано или поздно раскроется.

Ина привела Мо-Тенге-Лиойве, Моолкомес, Лоолай, Моолдоке и Родолрода. Присутствие последнего совсем не радовало Фао. Тот был всегда себе на уме, то ни с того ни с сего хмурился, то шутил невпопад. Тень улыбки на его лице могла за мгновение смениться оскалом. Юмор у него был странный, порой слишком грубый и не понятный прочим. Родолрод был достаточно взрослым, но ещё не научился обращаться ни в одно животное, хотя вроде был неглупый и довольно умелый. От одного взгляда Родолрода Фао иногда становилось не по себе. Но смириться сейчас пришлось и с его присутствием.

– А я хочу попрощаться с мамой! – неожиданно заявил Молсабр.

– И я тоже! – влез Бука.

Фао сразу же прокляла момент, когда доверилась Сваол-Ней. Она была готова наброситься на подругу.

Но тут дело под контроль взяла Вей-Лея.

– Никаких прощаний! – заявила она, – Кто хочет уходить – уходит с нами сейчас! Кто хочет оставаться – оставайтесь!

– Я остаюсь! – выкрикнул Бука.

– И я! – добавил Молсабр.

– Хорошо! Тогда мы вас привяжем к деревьям! А утром вас найдут!

– Ты серьёзно?! – Фао схватила Вей-Лею за рукав.

– Я не хочу второй раз оказаться на суде старейшин! – уверенно заявила та, и Фао даже смутилась своей собственной мягкости.

– Но нас же утащат шестипалые... – запричитал Бука.

– Если они будут так вопить, точно разбудят кого-то из взрослых, – шепнула Ина.

– Идём! Мы все идём! – разрядил ситуацию Номе, выступив вперёд, – Дети тоже!

Те согласились... Лишь понуро повесили головы. Страх остаться на ночь связанными на поляне пересилил страх неизвестности.

Отряд юных ведичей проследовал в тёмную чащу.

11

Сначала шли аккуратно, но, отдалившись от города, перешли на лёгкий бег. Вёл вперёд Номе, отличавшийся прекрасным зрением. Вей-Лея подгоняла маленьких детей сзади своими угрозами. Ина бежала рядом с Номе и отмеряла направление движения. Ведь Доко объяснял путь до Кавы по её руке. Кто знает, если начать измерять мох ладонью Номе, то куда они попадут?

Фао и Сваол-Ней оказались в середине. Сразу же за Фао расположился Родолрод. Подобное соседство не слишком радовало. Она всё время чувствовала на своём затылке его грузный взгляд.

Ну почему мне так тяжело рядом с ним?

Ближе к утренней зорьке всех разморила усталость. Кто был помладше, не просто клевали носом, а засыпали на ходу. Решили сделать стоянку.

Когда проснулись, солнце стояло уже высоко. Вей-Лея тормошила самых заядлых сонь.

Фао, до сего дня всегда просыпавшаяся рано, всегда бодрая и весёлая, сейчас чувствовала себя угнетённой и разбитой. Готова была раскаться и вернуться назад. Но, посмотрев с каким рвением Вей-Лея поднимает отряд, отбросила подобные мысли.

Вей-Лея принялась срывать с куста орешника ещё зеленоватые плоды. Опавших не нашли.

– А Мать-Природа не обидится? – осторожно поинтересовался кто-то из маленьких ведичей.

– Мать-Природа уже подарила нам эти орехи! – настояла Вей-Лея, – Рано или поздно они всё равно опадут. Так какая разница?

– Но старейшины говорят... – начала было Лаол-Ямаль.

– ...что нельзя покидать лес Докол-Мо, – закончила Фао, сама поразившись, как всего лишь за сутки изменилось её представление о мире. Ещё вчера она бы посчитала поедание незрелых орехов чёрным надругательством над природой.

Проглотив лёгкий завтрак, поспешили дальше. Тут Номе резко остановился. Закрыв глаза и сделал прочим жест рукой остановиться. Он простоял несколько мгновений молча, а затем открыл глаза и объявил:

– Сабры! Бегут очень быстро!.. И ещё несколько крупных зверей!

– Погоня! – догадалась Фао.

– Медлить нельзя! Скорей! – скомандовала Вей-Лея.

Вскоре Фао сама услышала звуки погони. Пока что они были далеко, но постепенно становились всё отчётливее. Вдруг из кустов впереди резко высунулась медвежья морда. Из пасти раздался рёв. Отряд остановился. Первая мысль была, что земляки из Сва-Иолэдэ окружили их. Однако очень быстро Фао поняла, что перед ними не ведич, а просто зверь. Медведь мотнул головой и скрылся в кустах.

Неужели?! Неужели?!

Сердце Фао учащённо забилося.

– Он зовёт нас! – объявила она и последовала за медведем.

– Невозможно! – возразил Номе, но бросился за подругой.

Заросли расступились, и взору Фао открылась лесная река. Была она довольно широкой – просто так не переправишься, только искать брод. Однако Фао увидела ещё четырёх медведей, катящих к берегу огромный сухой ствол.

Они помогают! Да! Они помогают!

– Как такое может быть? – прошептала Вей-Лея, видимо, не веря своим глазам.

– Это потому, что они мои друзья! – гордо заявила Фао.

Медведи закатали ствол в реку, после чего двое из них нырнули в воду, чтобы дотолкать сухое дерево к другому берегу. Переправа была готова! Беглецы быстро миновали новоявленный мост, и, после того как последний завершил переход, мощные лесные звери повернули ствол вдоль реки. Его подхватило течение, и переправа исчезла, будто её и не бывало.

– Спасибо вам! Спасибо! – кричала с берега радостная Фао, – Я никогда вас не забуду, – а Вей-Лея уже тянула её за рукав.

Из чащи на противоположном берегу стали показываться хищные глаза сабров.

12

На привале все сидели грустные и хмурые.

– Что мы наделали! – первым начал сокрушаться Докомол-Ильдас, – Мы же предали собственный народ! Нам не будет прощения...

– Об этом нужно было думать раньше! – сурово напомнила Вей-Лея.

Самые младшие при ней уже не нудили. Она донесла до них, что дороги назад, в родительские дома – нет. Но Вей-Лея вовсе не была такой уж жёсткой. Покрикивая на младших товарищей в дороге, она порой развлекала их на привале, часто шутила, улыбалась. Вскоре весь отряд полюбил Камышовую Лисицу.

– Мы не предавали свой народ! – возразил Номе, – Его предали наши старейшины! Если прочие народы Элино́ра решили идти в Долину, то почему мы должны отсиживаться в лесу? Что говорил Доко? Что люди из Долины внезапно исчезли! Теперь правители всех народов посылают караваны в Долину, чтобы выяснить, что случилось... А если вдруг внезапно опустеет Докол-Мо? Если внезапно исчезнем все мы? Кто вспомнит о нас? Слушайте, мы все останемся ведичами! Давайте поклянёмся в этом друг другу! Мы будем соблюдать традиции своего народа! Хранить его быт, культуру, предания... Но ведь это не значит, что мы не можем общаться с другими народами? Общались же ведь с таврами? Так что не время корить себя! Нужно идти вперёд!

– Клянёмся! – вскочила на ноги Фао, гордая за Номе и его воодушевляющую речь.

– Клянёмся! – повторила за ней Ина.

– Клянёмся! – отозвалась Вей-Лея.

– Клянёмся! Клянёмся! – причитали все хором.

13

Лес менялся.

Каждый день за время перехода можно было окунуться в новые и новые краски.

То в едко-зелёные, где сочная трава растёт по пояс, где заросли боярышника и бузины цепляют ветвями пленников своих ловушек и рвут их расшитые одежды, где ароматы цветов бьют в ноздри, заставляя чихать.

То в более скромные, где вдоль бежевого покрова опавшей листвы робко всходят голубые незабудки и жёлтые соцветия чистотела. Где дубы, шутя, сбрасывают на головы нерадивых путников тяжёлые жёлуди, а из-под корней доносится довольное хрюканье лесных кабанов.

То и в вовсе мрачные, где тёмно-зелёные иголки колют и в лицо, и в спину, где шишки больно врезаются в подошвы сапог, заставляя потом полдня хромать, где серый мох и паутина стелются по хрупким ветвям.

То в коричнево-чёрные, где стволы деревьев покрыты липкой плесенью и сырою корой, где вырастают огромные грибы почти по пояс; какие-то можно есть, а какие-то одним запахом могут вызвать перед глазами образ говорящего сабра.

Переходы давались тяжело, но путешествовать по родному лесу было невероятно интересно. Ведичи даже не знали, что их Докол-Мо может быть столь разнообразным. Стоило лишь уйти из родного города в глушь на несколько переходов...

14

Как-то ночью, когда уже стемнело, Фао не могла уснуть. Бессонницей также страдали Ина, Номе и Комос. Они разговорились.

Общались тихо, почти шёпотом, чтобы не разбудить других. И только одинокое уханье сов сопровождало их беседу и придавало ей зловещую окраску.

– А помните, – сказала Фао, – Как нас пугали шестипалыми? Мол, запирайте на ночь все окна и двери, а то придёт шестипалый и утащит вас! А сейчас? Мы уже спали три раза по шесть ночей на голом мху в самых мрачных чащах – и ничего! Нас пугали сказками! Пугали, чтобы удержаться...

– Странно, – стал рассуждать Номе, – Сказки сказками, но ведь откуда-то пришли образы этих шестипалых. Почему пугают именно ими? Мне вот бабушка рассказывала сказку про болотное чудище, что могло проглотить медведя... Ох я тогда испугался! Только представил, что это за чудище, если оно медведя заглывает! А тут просто шестипалый... Вот у меня и страха особого не было. Но про болотных чудищ легенд мало, а вот про шестипалых каждый знает.

– А помните, что говорят про богиню смерти, которой поклоняются тавры? Что она тоже шестипалая! – напомнила Ина.

– Нет никакой богини смерти! – фыркнула Фао.

– Богини смерти, может, и нет, – предположил Номе, – А Айдуэн была... Да, пусть и шестипалая! Просто собрала раз отряд и оставила Сва-Иолэдэ, как это сделали мы! Вот старейшины её и назвали богиней смерти. Чтобы отомстить.

– Ага, а сейчас богиню смерти у нас называют Фаолабр! – хихикнула Ина.

Фао шлёпнула её рукой:

– А почему не Инаономос?!

– Погодите, – сказала Комос, до этого молчавшая, – А может быть, и были шестипалые. Только жили они давно-давно... и были похожи на людей, но пальцев у них было шесть. И были они очень-очень злые... Убивали всех... Люди их победили, а страх остался.

Сказала это Комос тихо, задумчиво и даже как-то мечтательно. От этого стало жутковато. Ведичанка поёжилась, точно испугалась собственной интонации. Фао и Ина разом перестали смеяться.

А тут ещё и совы громче стали ухать. Всем сделалось не по себе.

– Ты пугаешь... – прошептала Фао.

– А я историю слышал, – серьёзным тоном продолжил Номе, – Что где-то далеко-далеко на западе нашего леса в одной деревушке родился младенец с шестью пальцами. И родители его так испугались, что тут же убили его...

– Жуть какая! Я теперь точно уснуть не смогу! – заявила Ина.

И тут Фао почувствовала, что что-то опустилось ей на плечо. Она замерла от страха...

Чья-то рука!

Фао казалось, что она ощущает на своём плече шесть пальцев. Что есть мочи девочка завизжала и вскочила на ноги.

С плеча слетел огромный нетопырь и скрылся в ночной мгле.

Фао смущённо оглянулась по сторонам. Теперь не спал уже весь лагерь. Младшие товарищи с недоумением пялились на неё из темноты...

15

На следующий день лес стал редеть. С каждым новым шагом деревья расступались всё больше и больше. Кругом стали появляться просветы... А впереди – лишь солнечное царство!

Такой огромной поляны на свете существовать просто не могло...

Фао догадалась, что они наконец-то достигли великой реки Кавы.

Сначала шли плавно, затаив дыхание. Перешёптывались, что же ждёт их, когда деревья окончательно расступятся. Уже можно было различить огромное синее небо с белыми облаками, мощную водную преграду, а за ней – бескрайнюю зелёную поляну.

– Поле! – объяснила Вей-Лея, – Не поляна, а поле!

Постепенно любопытство полностью завладело самыми беспокойными – Номе, Иной, Сваол-Ней и, конечно же, Фао.

Смеясь и громко крича, они понеслись вперёд. На ходу договорились бежать наперегонки. Кто первый достигнет – тот на привале ничего не делает. Номе вырвался вперёд. Сваол-Ней сильно отстала. Фао неслась наравне с Иной, а потом сделала резкий рывок, оставив Номе позади.

Она выскочила на бесконечный простор, но даже не успела его разглядеть. Остановилась как вкопанная.

Перед ней ровной линией выстроились люди в чёрных одеждах. Нелепые безрукавки с непонятным символом посередине – ящерица с крыльями. Фао пробежалась взглядом по лицам. В отряде мужчины, женщины, даже несколько детей. Будто бы это был и не отряд, а большое семейство.

В центре стоял поджарый человек невысокого роста. Мускулы рельефом проступали из-под его одежды. Человек был коротко пострижен, и на голове его были выбриты непонятные узоры. Такие узоры были начертаны тёмной краской и на его руках. Он сдвинул чёрные густые брови и грозно посмотрел на Фао. Девочка попыталась развернуться и побежать обратно в лес, но страшный человек вытянул вперёд руку, и Фао резко остановилась... Она не понимала, какая сила держит её, но не могла даже пошевелиться... Застыла, словно камень!

Глава 4. СПУСТИВШИЕСЯ С НЕБЕС

*Чтобы познать учение Тау, следует познать самого себя.
Мастер Шан, школа Закатных Предгорий*

1

Улари, перебрасывая меч из руки в руку, наблюдал, как Мо'Каа, Хан и Са'И выводят из леса остальных.

Мастер Нао по-прежнему держал четверых ведичей в оцепенении. Те первыми выскочили из леса. Однако улутау уже готовы были их встретить. Почувствовали приближение неизвестных людей давно... А в том, что их новоявленные пленники – ведичи, Улари не сомневался. Мастер Нао ещё в Токане рассказывал своим ученикам, как могут выглядеть представители иных народов.

– Это все? – спросил Улари у Мо'Каа.

– Все, – ответила та, – Уверена.

Улари пересчитал пленников – шестнадцать.

Ещё четверо на берегу. Лица очень юные, некоторые совсем ещё дети.

– Кто здесь главный? – спокойно, но сурово спросил он.

– Я! – рыжеволосая ведичанка вышла вперёд, – Меня зовут Вей-Лея. И мой народ идёт с посольством в Долину. По какому праву вы угрожаете нам оружием и не даёте нам пройти?!

Улари внимательно взгляделся в её лицо. Вей-Лея также была молода, но всё же выглядела старше прочих.

Точно главная!

– Мастер Нао желает говорить с тобой! – Улари предпочёл, чтобы его учитель сам дал ответы на заданные Вей-Леей вопросы.

Предводительница лесного отряда подчинилась и пошла за ним. Прочие ведичи неспешно двинулись следом. Когда подошли к берегу Кавы, мастер Нао наконец опустил руку, и четверо подростков, находившихся в состоянии оцепенения, рухнули наземь. Мастер умел простым движением руки отвести опасность хоть от шести врагов, хоть от шести сотен.

– Её зовут Вей-Лея, – Улари представил мастеру рыжеволосую ведичанку, – Она – старшая.

– Я хочу узнать, почему вы остановили мой отряд, – Вей-Лея сделала шаг в сторону мастера, голос её был гневным.

Мастер Куно и мастер Ин сделали по шагу вперёд, чтобы помочь Нао, но тот жестом руки остановил их.

– Вы – ведичи? – спросил он Вей-Лею.

– Да, мы народ ведичей... – начала было та.

– ...Ты умеешь обращаться в зверей? – перебил её мастер.

– Умею, но...

– ...Обратись!

Мастер Нао был добрым человеком и приятным собеседником. Ученикам школы Западного Склона, которую он возглавлял, приходилось не только учителем, но и старшим товарищем. Однако когда ситуация требовала того, мастер Нао мог стать жёстким и взыскательным.

Когда он понял, что отряд ведичей приближается к ним, то дал указание воинам взяться за оружие, а прочим последователям школы принять боевые позы.

Народ ведичей вёл замкнутый образ жизни, так же, как и улутау. Однако горный народ поддерживал связь с империей Ито и Долиной, а мастера школ всегда были в курсе событий, происходящих в Элино́ре. Народ леса же оставался совершенно диким. Что из доходивших о них небылиц было правдой, а что – нет, оставалось гадать. Улари понимал, что первым делом мастер Нао хочет оценить всю силу ведичей и возможную опасность, которую они могут нести, как в человеческом облике так и...

Сейчас мы наконец-то узнаем, правда ли это или вымысел! Чудесный дар ведичей...

– Почему ты приказываешь мне? – Вей-Лея была в ярости.

– Обратись, – спокойно повторил требование мастер.

Некоторое время Вей-Лея просто стояла на месте, затем задрала голову вверх, и её лицо стало вытягиваться вперёд, за несколько мгновений став рыжей мохнатой мордочкой. Рыжий цвет волос ведичанки будто передался её телу, которое в один миг покрылось шерстью. Из-под подола льняной рубахи выскочил пушистый рыжий хвост. Через пару мгновений на одеждах, спавших на землю, уже стояла крупная лисица. В этот момент представители всех трёх школ, что собрались на поляне, разом ахнули.

– Это правда...

– Невероятно...

– Что за необъяснимая сила!

Мужчины, женщины, дети, – все удивлённо шептались. Изумлению не было предела. Улари, точно ещё не поверив в произошедшее, оглядел лица мастеров. Ин и Куно также смотрели на лисицу, вытаращив глаза. И только один человек казался невозмутимым. Конечно же, мастер Нао.

Лиса посмотрела в глаза мастера, затем громко фыркнула. Постояла так ещё некоторое время, а потом поднялась на задние лапы. Тут же черты её стали вновь меняться. Конечности стали человеческими руками и ногами, а мордочка снова стала лицом. Девичьим, привлекательным лицом.

Улари даже пожалел, что мастер обращается с Вей-Леей столь сурово. Однако понимал, что суровость эта необходима.

Мудрец сказал, что человек не должен поддаваться искушениям внешности. Внешняя красота может быть обманчива. Прежде чем довериться человеку, нужно узнать его внутренний мир, заглянуть в мысли. Заглянуть в сердце...

Ведичанка стояла на поляне, прикрыв свою наготу подхваченными с земли одеждами, и тряслась не то от испуга, не то от злости.

– Обернись ещё раз! – снова обратился мастер к Вей-Лее.

– Хватит! – огрызнулась она.

– Обернись.

– Зачем?! Не буду!

– Обернись... – мастер продолжал настаивать на своём, чуть приподняв вверх правую ладонь.

Вей-Лея ещё сильнее стиснула зубы, но всё же подчинилась. Снова задрала голову вверх. Напрягла все мускулы, тело её продолжало дрожать. Наконец, она рухнула на колени без сил.

– Не могу! – почти со слезами выкрикнула ведичанка.

Мастер Нао спокойно повёл рукою вниз.

– Они не опасны! – объявил он своим людям, – Можете опустить мечи!

Улари обратил внимание на взгляд своего мастера. Пусть ни один мускул не дрогнул на его лице, но взгляд выражал толику сострадания. Однако учитель выяснил главное! Может быть, не все улутау ещё это осознали, но мастер смог понять, что необычный дар ведичей – это не магия, не что-то запредельное. И пусть объяснить это пока было невозможно, силы Тау вполне хватало, чтобы обращение остановить.

Мастер Нао смог! Значит, ведичи — те же люди, имеющие плоть и кровь, тело и душу, а вовсе не существа какой-то иной, неведомой людям расы.

Воины улутау опустили своё оружие.

Две ведичанки, что первыми выбежали на берег, кинулись к Вей-Лее, помогли подняться и прикрыли её наготу. Злость и гордость, которые переполняли лисицу-оборотня совсем недавно, резко пропали. Вей-Лея выглядела сломанной и подавленной. По щекам её катились слёзы.

– Кто вы? И что с нами будет?.. – спросила она у мастера.

– Если вы не имеете скверных помыслов, то с вами ничего не произойдёт, – ответил учитель, – А зовут меня мастер Нао. Я – новый правитель Долины.

2

Улутау редко покидают свой родной край. Ибо в этом нет смысла. В их стране есть всё! Синее небо, цветущие поляны, свежий горный воздух, полноводные реки и озёра, леса, полные дичи, плодоносные поля...

Этот край достался в награду предкам улутау, пришедшим из земель итошинов. Насколько прекрасна страна горного народа, настолько ужасна империя Ито! Край, где каждый день приходится бороться за выживание. Страшные демоны приходят из тумана, неся с собой гибель и разрушение. А самое зловещее место Мёртвой Земли – это Тропа Ужаса...

Ходит легенда, что юноша по имени Тау однажды без памяти влюбился в дочь императора, которую звали Цветшо... Тау был приближённым удоганом императора и часто бывал в его дворце. Он попросил у императора руки Цветшо, но тот рассвирепел, ибо не желал, чтобы его бессмертная дочь досталась простому, пусть и очень смелому удогану. Предания говорят, что прекрасней дочери императора не было никого на свете. Однако проверить это сложно. С тех самых пор Тошо запретил мужчинам народа итошинов смотреть на неё. Тау же он собирался казнить... Однако храбрый юноша сказал, что признаёт свою вину. Ибо не справился с собственным сердцем и внутренними страстями, чем предал империю и её священный кодекс. Тау попросил императора сохранить ему жизнь, чтобы попытаться пройти никем ещё не покорённой Тропой Ужаса и либо погибнуть там, либо искупить великим подвигом своё преступление. Тронутый благородством юноши император даровал ему прощение, а также наказал основать поселение, если за Тропой Ужаса тот найдёт пригодную для жизни землю. Несколько смельчаков, молодых и сильных мужчин и женщин, решили поддержать Тау, ибо также впечатлились его благородными порывами и храбрым сердцем.

Тау воздалось по заслугам. В горных ущельях он сумел отбить у демонов древнюю реликвию, наречённую Плотью Демона, которая даровала первопроходцам на Тропе невиданную силу и помогла не обезуметь от страха.

Тау и его товарищи прошли Тропу Ужаса и оказались в прекрасном краю, который так и назвали – Улу {Горный край, Величественные горы}.

Имя же лидера первопроходцев впоследствии дало имя новому учению, совсем не похожему на философию итошинов.

Уже далеко не юноша, а зрелый и много повидавший мужчина, Тау переосмыслил свою жизнь. Он понял, что всё, что с ним произошло, не было случайностью. Безответное чувство, опала, прощение, путь в никуда, чувство страха и обретение бесстрашия, постижение силы и, наконец, горная долина, созданная для жизни.

Ещё будучи итошином, Тау слышал рассказы о Долине Предков и нравах, царящих там... О том, что люди, живущие в довольстве и благе, пекутся в первую очередь о своём достатке, а не о своей душе. Живут себе вольготно, не зная, что на севере итошины с оружием отстаивают право на эту жизнь...

Тау не хотел, чтобы его страна стала такой же. Потому в основе бытия своего народа он заложил особое учение. Суть учения Тау заключалась в вечном пути, направленном на совершенствование своего внутреннего мира. Сам мудрец Тау очень много размышлял о Плоти Демона и силе, заложенной в реликвии. И вот он задался вопросом: а можно ли обрести могущество и абсолютное бесстрашие в самом себе, не пользуясь артефактами древности? Ведь если подобные артефакты хранят в себе настоящую силу, значит, эту силу как-то можно получить и извне!

С тех пор народ улутау стал заниматься саморазвитием и обретением силы путём постоянных медитаций, закаливания тела и духа и самосозерцания.

Однажды в горную страну прилетела огромная птица. Когда она приблизилась к Тау, он увидел письмо, прикреплённое к птичьей лапке. Каково же было удивление Тау, когда он прочёл послание! Его написал Тошо! Император говорил, что видел чудный сон, как Тау закладывает город в прекрасных плодородных землях. Тошо разослал своих учёных птиц, чтобы они этот край разыскали. Император благословил дело Тау. С тех пор началась переписка между императором и Тау, а после – его последователями.

Мудрец Тау умер в глубокой-глубокой старости. Тело его сожгли, а прах развеяли по всему краю, дабы душа мудреца стала частью этой страны. Последователи учения, возглашённый народ улутау, отстроили на Небесном Плато небывалый по красоте и величию город Токана, где продолжили заниматься постижением силы. Новые и новые мудрецы по-своему стали трактовать учения Тау. Они не отходили от основ, заложенных великим учителем, однако стали закладывать собственные школы, каждая из которых становилась отдельным поселением. Руководили же школами мастера.

Народ улутау заводил семьи, растил детей, пахал землю, занимался охотой и рыболовством, но всё свободное время посвящал саморазвитию. Каждая школа жила, как отдельная община, которой руководил мастер, отвечавший не только за духовное развитие своих учеников, но и за их быт. Каждый мастер назначал себе приближённого ученика, который сам становился мастером после смерти учителя.

А в Светлом Дворце Токаны восседал ино-то – мудрый старец, что лучше прочих мог трактовать учение Тау. Ино-то выбирался мастерами всех школ. Он не имел какой-либо власти, ибо понятие власти отсутствовало в стране Улутау. Даже мастера не навязывали ученикам свою волю, а лишь помогали на жизненном пути. Если же сам мастер сбивался с пути, он всегда мог спросить совета у всемудрейшего ино-то.

Светлый Дворец со временем потерял собственную школу и стал обителью ино-то, где тот проводил всё своё время в постоянных медитациях. Представители школ совершали постоянные паломничества во дворец, следили за его состоянием, занимались уборкой, пользовались архивами и библиотеками, но никогда не селились рядом.

Страна Улутау не знала бед. Не было в ней насилия, не случалось убийств и грабежей, ибо жители Небесного Плато стремились к самосовершенствованию, а людские пороки стали им чужды.

Мастер Нао был учеником мастера Мао в школе Западного Склона. После смерти Мао он возглавил школу. На тот момент ему как раз исполнилось шесть раз по шесть лет. Управлял Нао ей достойно, моментально заслужив любовь и уважение своих учеников. Боевые искусства и умение обращаться с мечом были обязательной частью его учения, в то время как очень многие школы стали практиковать медитацию без совершенствования своего тела.

Нао был силен и крепок, невероятно ловок и подвижен, и никто в горной стране не мог сравниться с ним. Насколько силен был мастер Нао телом, настолько же крепок и духом!

3

Сперва Улари хотел во всём походить на мастера. Однако сам Нао объяснил ему, что каждый человек хранит в своём сердце собственное Тау, ибо путь его так же уникален, как и его душа.

А подражать кому-то – это ступать на чужой путь, сворачивая со своего собственного.

– Мысли, как Улари, а не как Нао! – сказал однажды мастер своему воспитаннику.

С тех пор Улари лишь советовался с мастером, но решения принимал самостоятельно. Сперва он совершал много ошибок и в обучении, и в жизни. Но Нао лишь хвалил его за эти ошибки, говоря, что с каждой новой он, Улари, становится лишь сильнее.

– Одна ошибка – один шаг к самостоятельности и свободе! Осознание этой ошибки – скачок к мудрости! – заключил мастер.

Улари исполнилось три раза по шесть лет и ещё четыре года. Недавно мастер Нао назначил его приближённым учеником. Значит однажды, после смерти Нао, Улари суждено было возглавить школу Западного Склона. Но Нао был не стар, а по прошествии многих лет всё могло измениться. Улари мог уйти от учения, а Нао выбрать себе иного ученика. Мастерам и их приближённым не запрещалось заводить семьи. Сам Нао имел жену и сына Инао. Однако руководство школой не позволяло уделять своей семье достаточно времени. Каждый ученик Нао – зрелый, подросток или совсем ребёнок – был воином, ставившим выше мирских дел совершенствование собственного тела.

Однажды мастер Нао сообщил Улари:

– Сам ино-то вызывает меня в Светлый Дворец Токаны. Я хочу взять с собой трёх своих лучших последователей: тебя, дорогой Улари, Мо'Каа и Са'И.

Искренняя радость посетила сердце Улари! Ещё бы! Увидеть Светлый Дворец Токаны на Небесном Плато и самого верховного учителя ино-то!

Никогда не забудет Улари того великого дня!

Школа Западного Склона была лишь маленьким поселением, Токана же поразила своей грандиозностью. Улари с раскрытым ртом подходил к Светлому Дворцу – огромному монолитному сооружению из белого камня. В сто человеческих ростов высотой были колонны дворца. Арка главного входа сверкала на солнце необычайной белизной, какой может сверкать только снег на горных вершинах.

А перед самым дворцом были разбиты аллеи с ровно высаженными зелёными карликовыми соснами. Пылали алым маленькие тюльпаны и отдавали лиловым, похожим на предрасветные сумерки, душистые эдели.

Перед дворцом стоял постамент со статуей отца народа, мудреца Тау. Вернее, самой статуи не было... Когда Тау был уже очень слаб и стар, один из его учеников сказал, что хочет вытесать из гранита статую учителя, чтобы отныне каждый мог подойти к ней и обратиться к лику великого наставника. Но Тау лишь улыбнулся и сказал: «Так зачем же обращаться к камню, если ты хочешь обратиться ко мне? Пусть каждый увидит меня таким, каким захочет увидеть!» После смерти мудреца последователи вытесали постамент, но статуя из камня, по наказу учителя, на нём так и не появилась.

Тогда Улари, подойдя к постаменту, точно увидел лик светлого Тау, улыбающегося ему и благословляющего его путь.

Мастер Нао и его ученики удалялись в глубь дворца, наблюдая всё новые и новые красоты. Полы были выложены чистейшим мрамором, а стены украшены самоцветными россыпями. Улари уже фантазировал, насколько потрясающим окажется зал, где восседает ино-то.

Нао потянул ручку тяжёлой двери, на которой было выгравировано золотое солнце. Улари затаил дыхание, готовый узреть величайшее великолепие, и...

...увидел лишь сырую каменную келью, абсолютно пустую. Пол был устлан соломой, а посреди этой кельи сидел седой старик, замотанный в грубое шерстяное тряпье.

– Приветствую тебя, лучезарный и мудрейший ино-то, кладёшь знаний и добрых мыслей! Я – Нао, мастер школы Западного Склона, со своими учениками прибыл к тебе для того, чтобы внимать твоим золотым словам.

Мастер Нао встал на оба колена. Улари вместе с Са'И и Мо'Каа последовал его примеру. Хотя сам ещё не мог прийти в себя от изумления. Многие поменялось в его сознании. Только спустя некоторое время он понял, что, узрев ино-то, познал истинное величие, которое заключается не в гигантских мраморных колоннах и искусных золотых гравировках, а в самом человеке.

– И я приветствую тебя, почтенный мастер Нао! – размеренным, певучим голосом сказал ино-то, – Ведаешь ли ты, зачем я позвал тебя в Светлый Дворец?

– Я не могу даже догадываться о твоих великих замыслах, мудрейший! – ответил Нао.

– Тогда послушай, что я тебе скажу... Слушай внимательно и не перебивай... Сокол императора Тошо принёс удивительные вести. Все мы слышали о Долине Предков, что находится далеко-далеко от наших прекрасных гор. Я не видел Долину Предков своими глазами, однако не раз представлял себе её образ. Я думаю – это славное место, хотя и осквернённое человеческими пороками... В Долине случилось необъяснимое. Её население куда-то исчезло... Исчезло разом! Что там произошло, никто до сих пор не знает. Однако правители народов Элинора стали посылать в Долину караваны, чтобы вновь заселить её. Да будет известно тебе и твоим ученикам, что Долиной испокон веков управляли посадники четырёх Великих Городов – Ивета, Мата-Мата, Далаала и Конолвара. Советом Четырёх именовалось их собрание. И все правители были равны между собой. И появлялись в Долине кланы наподобие наших школ. Однако многие из них преследовали главной целью не самосовершенствование, а обогащение. На один клан, стремившийся к знаниям, приходилось пять кланов, стремившихся к богатству и власти. Ты знаешь, что такое деньги? Нет. Я представляю и радуюсь, что мне не довелось держать их в руках... В нашей стране мы делаем всё для себя самих: охотимся и пашем, возводим величественные сооружения и создаем произведения искусства. Представь, что в Долине никто не делает этого просто так. За то, чтобы смастерить солнце, такое, как на входе в мой зал, человек Долины возьмёт сто золотых кругляшков... Ты знаешь, что такое власть? Нет. Власть управляет людьми. Ты мастер! И ты обучаешь своих же последователей. А власть не учит. Власть хочет видеть человека глупым и малодушным, слабым и немощным, мрачным и униженным. И всё ради того, чтобы им было легче управлять... Как думаешь, Нао, смогут ли люди Долины, возводя в благодетель подобные ценности, противостоять напасти, что обрушилась на них? Разгадают ли тайну, куда исчезли люди? Повторюсь опять: нет. И хвала небесной мудрости, что так думаю не только я. Правители Элинора решили, что кланы и Совет Четырёх не смогут, как прежде, управлять Долиной, что снова погрязнут в распрях и раздорах. Потому они решили, что это должен взять на себя тот, кому безразличны богатство и власть. А такого человека можно найти только в народе улутау.

Деньги, богатство, власть...

Конечно же, Улари читал обо всём этом. Слышал от мастера. Но пока не мог объяснить, представить в реальности, как может выглядеть, проявляться эта – *власть*. Само слово уже звучало как-то и сладко, и грозно одновременно. *Власть... Деньги...*

В Долине люди гонятся за деньгами, хотя по факту это всего лишь золотистые кругляшки.

Улари не понимал.

– Они обратились к тебе, парящий над заоблачными далями ино-то? – Нао задал вопрос, когда его почтенный собеседник взял некоторую паузу.

– Они обратились ко всему нашему народу! Правители Элино́ра решили так: один из улутау должен прийти в Долину, чтобы справедливо править ею и помешать людям вновь погрязнуть в войнах и конфликтах.

– Ты отправишься в Долину, учитель?

– Хе-хе! – ино-то впервые рассмеялся ртом, наполовину лишённым зубов, – Я уже слишком стар для этого. Нет, мастер Нао, в Долину отправишься ты!

– Я?! – Нао так и отпрянул назад, а Улари удивился не меньше.

– Ты, ты, – продолжал посмеиваться светлейший.

– Но почему?

– Потому что я так решил! Потому что ты постиг учение Тау и смог построить учение собственное. Потому что ты крепок духом и телом. Потому что в тебе живёт светлый разум. Потому что ты устоишь перед искушениями Долины!

– Если на это будет твоя воля, ино-то, я готов! Но я даже не знаю, что это такое – править.

– Править – это призывать людей к порядку и справедливости, при этом оставаясь собой и продолжая постигать собственное Тау.

– Могу ли я уйти в Долину со своей школой? – на этом вопросе Улари, Са’И и Мо’Каа переглянулись.

Значит, мы разделим путь со своим учителем?

– Ты обязательно возьмёшь своих юных учеников! Пусть целые семьи, что не испугаются испытаний и перемен, отправятся за тобой. Ибо Элино́р – наш общий дом, а нести просветление и разум в мир – наш долг. Я обращусь и к прочим мастерам, что захотят поддержать волю народов. Но помни, Нао, главным в Долине будешь ты! Отныне ты принял то, что ещё не принимал ни один улутау – власть!

4

Ученики школы Западного Склона шагали по узким горным тропам по направлению к утреннему рассвету. Порой приходилось ступать по скользким ледяным дорогам, рискуя упасть в туманную облачную бездну. Но даже самые юные путники при необходимости могли балансировать на тончайшем канате, натянутом над пропастью. Так их подготовил мастер Нао.

За ним последовала почти половина школы. Целые семьи покидали свои дома. Готовы были уйти все. Но воля самого мастера была иной. Он посчитал, что школа Западного Склона должна была и дальше существовать на родной земле улутау. При этом горный народ впервые столкнулся с неожиданной проблемой. Бывало и раньше, что мастера отрекались от своих школ: кто-то уходил в отшельничество, кто-то пугался ответственности и просто присоединялся к общине, а кто-то и вовсе покидал страну и удалялся в странствия. Например, несколько лет назад школу Макового Цвета покинул мастер Реймо, начитавшийся древних книг и решивший разгадать некоторые загадки истории. История хранит и несколько фактов изгнания мастеров совместным Советом общины школы. Во всех подобных случаях нового мастера из достойных рекомендовал ино-то.

Сейчас же получалось, что мастер Нао жил и здравствовал, продолжал практиковать учение, но в то же время оставлял половину учеников. Нао сам нашёл выход из этой ситуации, оставив в горной стране мастером свою жену, самую верную сторонницу собственного учения, близкую ему по духу и разуму. Сына же повёл за собой в Долину. А Улари продолжал оставаться первым преемником.

Мастер школы Цветущих Полян Куно и мастер школы Снежного Ветра Ин последовали примеру Нао. Взяв с собой несколько семейств и оставив в школах преемников, они последовали за новоизбранным правителем Долины.

Отряд продвигался к одному из величайших чудес Элинора – Небесной Лестнице.

Как мечтал Улари узреть Её и как боялся! Боялись все... Ибо знали, что после спуска с Небесной Лестницы пути назад не будет...

Легенды гласили, что монументальное сооружение было построено ещё Первой Расой, представители которой отличались небывалой силой, знаниями и мудростью. Никто не видел эту Первую Расу, её представителей. Однако предания упорно твердили одно и то же: Они были! И были созданиями высшими, отличными от людей, теми, кто способен построить Небесную Лестницу.

Пути в страну улутау было только два. Один – Тропа Ужаса, второй – Лестница. Хотя, если сказать точнее, была она путём не в страну, а из страны, выходом, но не входом. Спустившись до определённой ступени, путник оказывался охваченным стремительными водными потоками, которые уносили его вниз, к истокам реки Кавы. Подняться же назад по отвесным скалам было просто невозможно. Улари был готов поставить это под сомнение, он был твёрдо убеждён, что мастер Нао способен взобраться по отвесной скале на высоту не меньше шестисот лю. По крайней мере, пока Улари не хотелось признавать невозможность возвращения назад, хотя он прекрасно помнил, что каждый, кто уходил из страны Улутау по Небесной Лестнице, пропадал навсегда.

Страшно, страшно было Улари. Это был не страх за свою жизнь, он в принципе чужд улутау. Это был страх за свою душу.

А вдруг жизнь в Долине и вправду окажется такой ужасной, что сердце не сможет принять её? Если люди в Долине такие чёрствые и коварные, то зачем туда идти светлым улутау?

– Судьба Элинора в наших руках, – ответил на этот вопрос ино-то в своей келье.

Один путь назад всё же существовал... Тропа Ужаса. Но кроме Тау по ней смог пройти лишь один человек, имя которому было Азир Амунджади. Он был из народа джунитов. Кожа его была тёмной, волосы – словно воронье крыло. Много его изображений сохранилось в библиотеках Токаны.

Говорят, что когда Тау посчитал, что достиг предела своей внутренней силы, он сбросил Плоть Демона в водопад Небесной Лестницы, а волны подхватили реликвию и унесли прочь. Но Плоть Демона вернулась в Токану. Вернулась с Азиром Амунджади. Она помогла ему преодолеть страхи и обрести силу, способную победить ужасных демонов. Мудрецы Токаны встретили Азира настороженно, однако вскоре пришелец сам проникся философией Тау. А сердце у него оказалось чистым и беззаветным. Человек жарких земель стал другом горного народа, прожив в Токане много лет. Однако когда голову его стала покрывать седина, Азир попросил у мастеров и самого ино-то разрешения покинуть Токану, ибо перед смертью хотел увидеть свою семью, своих детей, возможно, уже и внуков, а что самое главное – подарить прочим народам Элинора свои книги. Ино-то и многие мудрые мастера посчитали, что книги Азира принесут в Элино́р много света, и благословили его... Азир спустился вниз по Небесной Лестнице, забрав с собой Плоть Демона. Тянулись годы, и многие люди из горного народа стали тосковать по доброму старику, прозванному Бродягой Азиром. Смуглый человек покори́л их сердца. И как же многие возрадовались, когда однажды с востока Азир вернулся! Оказалось, что за время его странствий близкие забыли о нём, дети разбрелись по миру и пропали. Азир решил дожить свой век в Токане. Он, будучи дряхлеющим стариком, смог пройти по Тропе Ужаса второй раз!

5

Тянулись долгие дни. Когда улутау спустились ниже, стало зябко и сыро. Шли в беспросветной пелене облаков. Тела учеников, сплошь покрытые влагой, дрожали от холода. Тяжело было даже мастеру Куно и мастеру Ину. И только спокойствие, хладнокровие и железная воля мастера Нао придавали сил и заставляли двигаться вперёд... точнее, вниз!

Через три дня облачная пелена рассеялась. Лучи ласкового солнышка быстро согрели детей гор. Настроение улучшилось.

А картина, открывшаяся им, была просто грандиозной! Пёстрым зелёным покрывалом внизу раскинулся величественный пейзаж. Тонкими, словно нити, узорами извивались по этому покрывалу реки. Возможно, они были широкие и полноводные, такие, что с одного берега с трудом доплывёшь до другого... Однако сверху они казались совершенно крохотными.

Пройдя два каменных ущелья, улутау, наконец, оказались у Небесной Лестницы.

Вот уж зрелище так зрелище! Стоило спускаться по опасным предгорьям только ради того, чтобы увидеть это. Широкая, как десять горных рек, слившихся в один поток, и бесконечно долгая, она уходила вниз, и края ей не было видно. Все ступеньки ровные, гладкие, идеально отёсанные. Ни одной зазубрины!

Кто мог вытесать это? Только Первая Раса! Воистину эти люди были могущественны и искусны! Ибо никто из нынешних мастеров, собери их здесь хоть сотню, хоть сто сотен, не смог бы сотворить подобного.



Сначала спуск давался очень тяжело. Голова кружилась. Казалось, один неверный шаг – и, поскользнувшись, можно оказаться у подножия Лестницы раньше, чем хотелось бы... Теперь

отточенная координация и боевая выдержка не помогали. Одно дело зависнуть над пропастью в позе танцующего орла и предаться медитации, другое – часами спускаться вниз, балансируя над пропастью.

Однако вскоре Улари привык и стал помогать прочим. Мастер Нао два раза ловил нерасторопных детишек, готовых вот-вот сорваться. Снова непоколебимость предводителя помогла его народу почувствовать уверенность.

В итоге адаптировались все. Спуск стал происходить более спокойно.

Шли вниз шесть дней. Ночевали на небольших пролётах между вереницами ступенек. Могли ли люди той эпохи проделать сей путь без остановок или же спали в невообразимых позах – неизвестно. Но всё же о своих потомках они позаботились. Пролёты действительно спасали, даруя путникам столь необходимый отдых.

Уже к концу пятого дня стал слышен рокот водопада. Могучие потоки воды били из расщелин, что находились под последней ступенью Лестницы.

Лестница заканчивалась – и начиналась пропасть... Пропась, в которую уходил водопад.

– Мы должны идти прямо туда? – спросил встревоженным голосом Инао у своего отца.

– Запомни, мой ученик и сын, что сомнения рождают страх! – ответил мастер Нао, – Слушайте меня все! Поборите своё сомнение! А если вы не верите мне, то знайте, что путь этот мне подсказал ино-то, наш светлейший мудрец. Верьте в себя!

Произнеся эти слова, мастер первым шагнул в бурлящий водный поток и скрылся внизу. Мастера Куно и Ин остались стоять поодаль, чтобы шагнуть в водопад последними. Улари, уже никаких сомнений не испытывавший, последовал их примеру, чтобы помогать другим добрым словом и поддержкой. Сначала с робостью, а затем всё с большей и большей уверенностью ученики школы Западного Склона стали делать свои шаги в неизвестность. Так очередь дошла до Улари. Обратного пути не будет – знал он.

Мощные волны подхватили его и помчали вниз. Улари думал, что вода сейчас накроет его с головой, расплющит своей тяжестью. Но она, напротив, несла его плавно и легко, точно заботилась о нём. Он не летел вниз, не падал, а скользил.

Поток вынес его тело в тёплые воды реки Кавы, куда уже Улари вошёл с головой. Вынырнув, он увидел свой отряд во главе с мастером Нао на берегу. Все были целы и невредимы. Оставалось лишь дожидаться мастера Куно и мастера Ина.

– Вот мы и спустились с небес на землю! – объявил Нао.

Отныне школа Западного Склона была разделена на две части.

6

А дальше улугау встретили ведичей. Судя по разговорам, многие горцы ещё опасались этих странных лесных жителей. Ещё бы! Ведь рыжеволосая ведичанка показала, что они действительно могут обращаться в диких зверей. Однако Улари полностью доверился словам своего мастера. Ко всему прочему, перед ними были не воины и вообще не мужи, а просто дети.

Но это невероятное умение, оказавшееся вовсе не легендой, продолжало будоражить умы улугау. Проста и понятна была сила мастера Нао, позволяющая обездвижить противника. Да, достичь подобного умения невероятно сложно, но оно было объяснимо! Были объяснимы и прочие силы, доступные мастерам Тау. Кто-то из них мог даже левитировать в воздухе.

...Но обернуться так просто животным! Поменять свой облик... Как возможно?! Ведь при этом должны ломаться кости, должна меняться плоть...

Улари был убеждён, что даже его мастер сиюминутно не сможет разгадать подобного секрета. Но главным было то, что сейчас он, мастер, назвал ведичей неопасными.

Вместе они шли по берегу Кавы несколько дней. Мастер Нао объявил, что ведичи могут быть свободны, и он не задерживает их. Однако сама Вей-Лея попросила, чтобы они пошли вместе. Хотя бы до города Кавы.

Поначалу это выглядело очень странно. Наверняка лесные жители должны были затаить на улутау обиду за не слишком радужную встречу. Вей-Лее так вообще была нанесена обида. Но мастер Нао был мудр и быстро нашёл с ведичанкой общий язык, принеся свои извинения. Та приняла их и, судя по её поведению, более не держала зла.

В итоге оба народа расценили столкновение на берегу как недоразумение.

Сам Улари познакомился с Фао и Иной, довольно взрослыми и весёлыми девочками. Они рассказали ему, что умеют обращаться в белок, куниц, енотов и хорьков. Улари попросил ему показать это, но те в ответ громко рассмеялись. Улари смутился, ведь ему действительно было очень любопытно.

С явным негодованием смотрел на его общение с девочками молодой ведич с зеленоватыми волосами. Кажется, свои сокращённо называли его Номе, а вот полного имени Улари бы никогда не выговорил.

Странные имена у этих ведичей! Язык сломаешь! Хотя сами они говорят, что эти имена подсказывал лес... подсказывала природа. Что за природа у них, раз шепчет такие имена!

Когда на горизонте показался город Кава, Улари стало немного грустно. Он успел подружиться с лесным народом. Он очень надеялся, что его путь ещё пересечётся с путями Фао и Ины в Долине.

Мастера Куно и Ин также покинули отряд, поручив свои школы Нао, и вернулись к водопаду Небесной Лестницы в ожидании новых посланников горного народа.

7

Город становился всё ближе и ближе. Как же не похожа была Кава на Токану! Токана – сплошь каменная, огромная, возведённая на величественных вершинах. А Кава – небольшая, компактная, словно игрушечная, стоит на реке. Дома Кавы – из дерева. Город обнесён высокой изгородью из высоких сосновых стволов, заострённых кверху.

Мастер Нао назвал эту изгородь частоколом. Объяснил, что она защищает от диких лесных животных, а в лихие времена – от разбойников.

Нао, как и все, впервые спустился в Долину, но знал о ней почти всё, потому что очень много читал. В основном, сведения об остальных народах принёс в Токану Бродяга Азир. Выучив местный язык, он перевёл на него многие книги своего народа. А также написал несколько собственных на языке улутау. По его же книгам улутау учили Общий Язык.

Зачем учили – Улари не понимал до встречи с ведичами. А оказалось, очень удобно! Откуда ведичам знать язык улутау, а улутау – язык ведичей? А тут – Общий! Правда, ведичи говорили на нём ужасно, как будто начали учить только вчера. Нормально изъяснялась одна Вей-Лея. А тех же Фао и Ину приходилось переспрашивать по несколько раз, чтобы понять, что они имеют в виду.

У входа в город их отряд встретил странный человек с длинными светлыми волосами в костюме из кожи со стальными набойками. Этот наряд явно не походил на доспехи. Сами улутау доспехов не носили, однако в библиотеках Токаны хранилось множество изображений итошинов. По этим картинам можно было сразу понять, что доспехи нужны для защиты от демонов. Костюм же незнакомца вряд ли бы помог в бою. Набойки были нашиты хаотично. А на переносице человека держался металлический каркас с прозрачными кругами.

– Он из народа туасматус! – пояснил Нао.

– Что у него на лице? – поинтересовался Улари.

– Вроде бы это позволяет ему лучше видеть...

Туасматус! Или механики, как их ещё называют. Этот народ родственен улутау. Он тоже произошёл от итошинов. Однако если горный народ император Тошо благословил, то механиков проклял! Итошин Куну-Лау без ведома императора покинул город Шохан, а после с единомышленниками основал на западе своё королевство.

Механики, по рассказам, странный народ... Они умны и изобретательны. Но секретов своих не выдают. Сведения о них очень противоречивы, мол, могут с помощью своих технологий создавать людей из камня и оживлять их, могут строить специальные приспособления, чтобы плавать на них под водой, могут соорудить чуть ли не вторую Небесную Лестницу...

Однако кто в Токане верил подобным рассказам?

– Мастер Нао, – заговорил тот самый механик, – Рад вас видеть!

– Ты знаешь меня? – удивился мастер.

– Меня послали специально, чтобы я вас встретил! – незнакомец улыбался, но улыбка эта была приторной и противной. Улари сразу же обратил на это внимание. Ведь любой улутау чувствует искренность.

Вот улыбки ведичей были искренними!

– Кто ты? – Нао был явно озадачен.

– Меня зовут Иомит Асмало. Я – представитель королевства Рейро, славного народа туасматус. Посадники Великих Городов поручили мне встретить вас и проводить в Долину со всеми почестями.

– Не стоит почестей, – отмахнулся Нао, – У нашего народа это не принято. Однако я благодарен за радушную встречу.

– Управитель города Кава уже осведомлён о вашем прибытии и приготовил вам лучшие покои в своём собственном доме.

– Не стоит! Мы остановимся в гостевом доме... Как он называется?

– Постоялый двор?! Что вы?! – распинался механик перед мастером, – Там же крайне неудобно! Жёсткие лежаки, скудная пища...

– ...В походе мы спали на камнях и ели что придётся, – перебил мастер, – Спасибо, но мы выберем постоялый двор.

– И вы не посетите управляющего Кавы?

– Он имеет отношение к Долине?

– Он выполняет волю посадников Великих Городов.

– Он знает, почему Долина опустела?

– Ни в коем разе, как никто другой. Ни я, ни посадники.

– В таком случае мы перейдём на постоялый двор, а если вам больше нечего сказать, то...

– То до завтра! Приходите на пристань! Речной корабль домчит вас до Ивета за пару дней! И вот ещё, – Асмало протянул увесистый мешок, – Также дар от посадников! Это деньги! Мы осведомлены, что в стране улутау ими не пользуются, однако здесь без них вам придётся непросто... На постоялый двор, к слову, просто так тоже не пускают.

Механик быстро скрылся с поля зрения, а мастер остался стоять, держа в руке подарок, от которого то ли не успел отказаться, то ли не смог.

Этот Иомит Асмало настойчив, ничего не скажешь. Что же будет дальше?

Город из дерева поразил улутау. А постоялый двор, который так ругал механик, оказался обителью из древних сказок. Так необычно было внутри! В отдельной пристройке стояли высокие красивые животные, чем-то похожие на горных оленей. Их называли лошадьми и ездили на них верхом.

Внутри трактира чувствовался вкусный запах жареного и ароматные пары от напитков, резко охмуряющих разум. Мастер Нао сказал, что люди в Долине пьют такие напитки, от которых сами становятся дураками. Зачем их пьют – не знал.

Ужин был просто изумительным. Улари никогда не ел такой вкусной и необычной пищи. Прочие улутау тоже похвалили её. Однако ночью почти у всех скрутило животы. Кто-то встречал утро в специальных отхожих комнатах, а кому не хватило места, прямо за постоянным двором.

8

Мастеру не хотелось идти на пристань и продолжать путь с заискивающим механиком. В этом он открыто признался своим ученикам. Однако путь по реке был действительно самым быстрым, и предложением пришлось воспользоваться.

Иомит Асмало внешне был невообразимо рад видеть улутау.

Может быть, не ожидал, что мы придём?

Школа Западного Склона постигала всё новые и новые чудеса. В этот день они впервые плыли на корабле. Правда, как узнали от капитана Торроса, могучего бородатого гуавара, корабль этот был ненастоящим.

– Всего лишь речная ладья! – заявил тот.

Капитан Торрос, в традиционном гуаварском кафтане, опоясанный красным кушаком, к которому была прицеплена острая кривая сабля, рассказывал очень много интересного о мореходном ремесле...

Он поведал, что по морю ходят совершенно другие корабли, у которых борта гораздо выше, что позволяет лучше держаться на волнах. Также у них есть широкие паруса и устройство, именуемое килем.

Чего-то Улари так и не понял. Общий язык – хорошо. Но у некоторых слов не было аналогов в языке улутау.

Команда – крепкие мускулистые мужчины – налегла на вёсла, и ладья буквально полетела по речной глади. Гребцы затянули песню. Тоже на Общем Языке, но с особым гуаварским наречием. Сами гуавары, как выяснилось, собственного языка не имели вообще и пользовались Общим. А песня гребцов показалась Улари слишком похабной, особенно если учесть, что на ладье были женщины и дети. Но он убедил себя, что просто не так слышит малознакомые слова.

Улари и мастер Нао стояли на корме, когда Асмало подошёл к ним со своей фальшивой улыбкой. Он что-то хотел сказать, но Нао опередил его.

– Я не понимаю, – начал мастер, – Я думал, что Долина опустела вообще! Что людей не осталось...

– Совершенно верно.

– Но в крохотной Каве я насчитал народу больше, чем в огромной Токане!

– Совершенно верно! – повторил механик, – Эти люди, узнав о горе в Долине, сразу же поспешили сюда, чтобы привнести жизнь.

Нао промолчал. А когда Асмало ушёл, обернулся к Улари и сказал:

– Поспешили сюда, чтобы поскорее нажиться! Это Долина, мой ученик... И нравы здесь таковы!

Ночью спали на открытом воздухе. А на следующий день ближе к вечеру вышли в Озеро Предков. Глубоководное. Прекрасное. В сумерках отдающее лиловым. Таких больших озёр нельзя было сыскать на Небесном Плато. По озеру сновали ладьи, похожие на корабль капитана Торроса, медленно двигались баржи и баркасы, гружённые товаром, причём некоторые были настолько тяжелы, что люди с берега волокли их за тросы. А рыбацким лодочкам на Озере так вообще числа не было.

Когда причаливали к пристани города Ивет, по озеру уже разливалось кровавое пятно заката.

9

Ивет был чем-то похож на Каву. Те же деревянные дома, та же суэта на узких улицах. Только Ивет был больше в несколько раз!

Уже на пристани Улари увидел кучу разношёрстного народа. В Каве все люди были какими-то одинаковыми, даже сложно было определить, к какой народности они принадлежали. Капитан Торрос пояснил, что это метисы – люди разных кровей, давно проживавшие на окраине Долины и потерявшие черты коренных народов. Когда Долина опустела, они разом хлынули в небольшие города. Эти люди не были достаточно авантюры и целеустремленны, а потому предпочли не связываться с Великими Городами.

В Ивете же Улари сразу узнал огромных тавров, смуглых джунитов и одетых в стальную броню и чёрные одежды итошинов.

По улицам еле протискивались вперёд. Мешались люди, обозы, тюфяки и бочки. Кругом стоял дикий гвалт. Даже мастера Нао бесцеремонно толкали плечами и осыпали проклятиями. Улари взялся за меч, еще несколько учеников поддержали его, но мастер остановил.

– Пока для них я никто! – заявил он, – Прежде чем править Долиной, как попросил меня светлейший, нужно понять, что здесь происходит.

Для ужина Асмало порекомендовал улутау трактир «Сладенький Бобёр». Нао заметил, что подобное название никак не повышает его аппетита. Однако механик стал уверять, что это лучшее заведение города, и почтенные гости должны непременно его посетить. Нао сдался.

Блюда в «Сладеньком Бобре» действительно были отменными. В этот раз пришлось согласиться с надоедливым спутником насчёт уровня заведения. Однако, памятуя об ужине в Каве, улутау ели умеренно и много блюд не заказывали.

Дело шло к ночи. Почти вся школа разошлась по спальным местам. Улари остался за одним столом со своим мастером.

Он уже плотно поел, но в сон пока не клонило. Улари игрался маленькой монеткой, золотым кругляшом, именуемым гуаварским сальдом. Он пытался уложить в голове, каким образом никчёмный кусочек металла может нести в себе силу и власть.

С чего люди решили поставить золото выше всего? Почему не любой другой металл? Не камень? Именно золото принято считать эталоном ценности... Но ведь в одних землях есть залежи золота, в других — нет. Получается, что тем, кто родился рядом с золотом, повезло куда больше? Бред какой-то!

Размышления прервал мастер Нао, потеревивший Улари за руку.

– Смотри, ученик, вокруг. Что ты видишь?

– Людей... Людей, которые едят.

– Не простых людей, людей очень важных... как говорят здесь, со-сто-я-тель-ных. Смотри на их движения, их манеры, их одежду.

Улари огляделся. И правда! Люди в трактире отличались от тех, что толкались на улицах. Пока что ему сложно было описать чем, но разницу он понимал.

– Их внешний вид говорит об их достатке! – заключил Нао.

– Погоди, учитель... – взгляд Улари задержался на огромном человеке с бледной кожей в чёрных одеждах, что сидел в самом неприметном углу с огромной глиняной кружкой, из которой медленно отпивал.

Он не только выделялся из всех какой-то неподдельной звероватой простотой. Это был улутау! Сомнений быть не могло, Улари однажды видел его на Западном Склоне. Видел давно. Это был отшельник, сильно ушедший от учения Тау. Ходили слухи, что его побаивались и даже хотели изгнать. Похоже, всё-таки изгнали.

– Это улутау, изгнанный улутау! – прошептал Улари.

- Да... – согласился Нао, – Я давно его заметил.
- Ты знаешь его, учитель?
- Не больше, чем ты.

Незнакомец встретился взглядом с Улари. Заметил, что привлёк внимание. Небрежным жестом он пригласил мастера и ученика к своему столу.

– Пойдём, – без колебаний решил Нао.

– Приветствую нового правителя Долины! – глядя исподлобья, усмехнулся человек в простой тёмной холщовой рубаше. У него были короткие светлые волосы и грубые, словно вытесанные из камня черты лица.

– Кроме тебя об этом здесь ещё никто не знает... – немного смутился Нао, – Кто ты?

– Призрак.

– Я про имя. Моё ты, получается, знаешь.

– Я – Призрак. Называй меня так, – небрежно бросил незнакомец и снова отхлебнул из кружки.

– Тебя изгнали?

– Да, такие же просветлённые, как ты...

– Значит, на то были причины, – осторожно парировал Нао.

– Причины были в том, что я пытался понять, что понимать не следует, – мастер снова собрался что-то сказать, но Призрак не дал ему начать, – Только не нужно мне рассказывать про путь самосовершенствования и вечной медитации, он не поможет тебе, когда опустится тьма.

– Я не понимаю, о чём ты.

– Может быть, не понимаешь, но догадываешься... Ты умён, мастер Нао. Ты же не просто спустился сюда с гор с открытым сердцем и душой. Наверняка ты гадал, почему опустела Долина. Наверняка имеешь предположения. Не сторонись меня. Я не держу зла на народ улутау. Нам же следует быть вместе, – Призрак подвинулся ближе к ним, – Не доверяй механику, что крутится вокруг тебя. Не говори ему о встрече со мной... – он выдержал паузу, – Ты помнишь мастера Реймо, ушедшего на поиски чего-то страшного и неизведанного?..

– Да.

– Он нашёл, мастер Нао, нашёл... Мир уже не будет прежним! – в этот момент Призрак звучно ударил пустой кружкой по столу и резко поднялся.

– Как найти тебя? – успел спросить мастер.

– Я сам тебя найду!

Собеседник направился в сторону выхода, исчезнув в трактирном чаду.

Ничего не скажешь, этот улутау был более чем странным. Но также душу Улари теперь терзала и ещё одна мысль.

А действительно, почему мастер Нао никогда не делился с ним своими мыслями о причинах исчезновения людей в Долине? На все подобные вопросы он отвечал, что сам не имеет предположений. Но как так? Мастер Нао несколько не наивен. Он может не знать точного ответа, но предположения-то у него должны быть! И почему бы ими не поделиться с тем, кого он выбрал своим преемником? Иначе это – лицемерие! Ложь!

– Мастер... – начал было Улари.

– Не сейчас! – оборвал его Нао, – Главное, что никакого Призрака не было, – с этими словами он сам поднялся из-за стола и покинул трапезную.

10

Утром улутау ожидал приём у посадника города. Асмало настаивал, что на этот раз мастер и его школа непременно должны задержаться в гостевых покоях ратуши. Тут Нао согласился, также сообщив, что всё равно должен увидеть городского правителя.

Черник аль-Шарек, высокий и толстый джунит со смуглой кожей, вальяжно растянулся на подушках своего кресла, выставив вперёд огромный круглый живот. Улари удивился, что человек вообще может отъесть такое брюхо. Лысая голова аль-Шарека сидела почти прямо на плечах. Шеи у этого нескладного джуни́та вроде как и не было.

Посадник сразу же ударился в лезть перед Нао и немного смутился, когда тот заявил, что неразлучная троица Улари, Мо'Каа и Са'И останутся при разговоре с ним.

– Тяжёлые... тяжёлые времена, мастер Нао, – с грустным взглядом развёл руками аль-Шарек. Но Улари показалось, что искренности в этих словах было ещё меньше, чем в словах Асмало, – Я и другие посадники рады, что вы прибыли управлять нами! Ведь кто как не благородные улутау...

– ...А как вы стали посадником? – перебил Нао, – Я слышал, что посадников выбирает народ.

– Совершенно верно! – аль-Шарек старался говорить небрежно, но чувствовалась явная наигранность, а слащавый, убаюкивающий голос посадника точно исходил ложью и обманом, – Как только я узнал, что Долина опустела, я первый же привёл сюда огромный караван. Можно сказать, заселил город Ивет! А потом люди выбрали меня посадником...

– Вы привели караван своих людей, эти же люди выбрали вас посадником и только потом пришли другие? – мастер Нао взглянул на толстого джуни́та исподлобья, и тот буквально вжался в кресло.

– Нет-нет, несколько караванов! Не один!

Но Улари тоже всё стало ясно. «Несколько караванов моих людей», – вот был истинный ответ посадника.

– Что известно обо всех этих таинственных событиях?

– Ни-че-го! Абсолютно ничего! – ответил аль-Шарек и откинулся на спинку кресла. На этот вопрос он как раз ответил с абсолютным спокойствием.

Вот она! Власть, о которой говорил ино-то! Аль-Шарек занял место посадника, достиг предела своих мечтаний. Власть ослепляет... Человек даже не задумывается о неизвестной опасности, погубившей предыдущих жителей Долины.

– Вам понравился приём? – неожиданно спросил аль-Шарек.

– Да, я благодарен вам за радушие, – ответил мастер.

– Скажите, мастер Нао, – тут слащавость тона джуни́та выросла до предела, – А могу я, скажем, рассчитывать на какую-то благодарность от вас...

– Я... я же сказал, что благодарен вам! – смутился Нао.

– Другую благодарность... Благодарность от правителя Долины...

– То есть?

– Может быть, нам стоит поговорить наедине?

– У меня нет секретов от собственной школы! – отрезал мастер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.